

ХАЙДАРШО ПИРУМШО

**ВОПРЕКИ ПРИНЦИПУ
ИСТОРИЗМА:
КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?**

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ АХМАДИ ДОНИША**

ХАЙДАРШО ПИРУМШО

**ВОПРЕКИ ПРИНЦИПУ
ИСТОРИЗМА:
КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?**

**Душанбе:
«Ганчи хирад»,
2023**

ББК -63.3(2тадж)+63.5(2)+74.269+92Я2

П-18

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, профессор **Н. К. Убайдулло**

Пирумшо Х. Вопреки принципу историзма: кому это выгодно? – Душанбе: «Ганчи хирад», 2023. -208 с.

Книга посвящена анализу работ фальсификаторов истории таджикского народа, Г. А. Хидоятова, Ш. С. Камолитдина и др., которые в последние два десятилетия неустанно проявляют стремление не только игнорировать исторические ценности, принадлежащие таджикам, но и представлять их в качестве своих достижений. Сам факт непризнания таджикских предков как первозданных аборигенов Средней Азии, таковыми однозначно считая предков кочевых тюрков, свидетельствует о несовместимости их действий с принципом историзма. Их абсолютная предвзятость проявляется в стремлении «доказать» как тюркское наследие государство Саманидов, которое в историографии региона и мирового масштаба признано как таджикское государство. Указанные авторы преднамеренно затупёвывают определяющую роль таджиков в древней и средневековой региональной цивилизации, в развитии культуры и научных достижений мирового уровня.

Автор на основе достоверных фактов разоблачает их профессиональную некомпетентности выявляет причины их антинаучного подхода к славной истории таджикского народа.

Книга рассчитана на широкую аудиторию специалистов и читателей, интересующихся древней, средневековой и новой историей Средней Азии.

ISBN - 978-999-85-871-06

© Х. Пирумшо. 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Начало ревностного отношения к генеалогии Саманидов и их государственности.....	12
Активизация поиска «тюркских корней» в генеалогии Саманидов	31
Несколько слов о взаимоотношениях основателей династии государствообразующего народа.....	41
К вопросу о причинах захвата власти кочевыми племенами и «варварами».....	47
Родовое гнездо тюркских племен Средней Азии.....	57
Об этнониме «узбек».....	69
Древняя история таджиков в бредовых измышлениях псевдоученых.....	75
На пути одурманивания исторического восприятия молодежи.....	98
С высоты «научного» самодовольства.....	113
В поисках идентичности понятий «Туран» и «Туркестан».....	127
Таджики в источниках и трудах исследователей древней и средневековой истории Центральной Азии.....	138
Конечная цель «историка - мечтателя».....	170
Единственно верный выбор: братская дружба на благо процветания региона.....	187
Заключение	196

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неоспорим тот факт, что история не всех народов удостоилась созданием государства, искусством сохранения и развития традиций государственного управления. В этом смысле историческое достижение таджиков заключается в том, что они входят в число самых цивилизованных народов мира. История сложения государства у древних автохтонных жителей Средней Азии – таджиков уходит далеко вглубь веков. Данного мнения придерживается абсолютное большинство выдающихся востоковедов мира.

Исследователи, основываясь на сведениях, содержащихся в письменных источниках касательно древней истории региона, и археологических находках, однозначно указывают на то, что в VII-VI вв. до н. э. народы, относящиеся к арийской расе – согдийцы, бактрийцы, маргианцы, хорезмийцы, парфяне, различные сакские племена и др., исконно проживавшие на этой обширной территории Центральной Азии, находились у истоков образования и формирования таджикского государства. К тому же анализ достоверных археологических материалов приводит к обоснованному заключению о том, что предки таджиков заложили основу государственного образования гораздо раньше, чем о том свидетельствуют письменные источники.

Празднование 5500-летия Саразма на международном уровне, согласно решению ЮНЕСКО, в основе которого лежат показатели оседло-земледельческого хоз-

яйства и ремесленного производства, свидетельствует о культуре градостроения наших предков. Это связано с формированием в глубокой древности таджикской государственности. Археологические находки Саразма, и на их основе – заключения ученого мира внесли дополнительные штрихи в давно утвердившееся мнение специалистов об определяющем месте таджиков в древней центрально - азиатской цивилизации.

Древнейший протогород, или, по мнению ряда специалистов, город – Саразм (в Пенджикентском районе), сложился в эпоху энеолита (конца каменного – начала бронзового веков). На протяжении почти тысячи лет (в течение IV-III тысячелетий до н.э.), он считался одним из центров цивилизации в регионе. Согласно находкам сохранившихся предметов материальной культуры, его жители достигли образцового уровня во всех сферах, необходимых для жизни и деятельности человека: земледелии, животноводстве, разновидностях ремесленного производства (производство гончарных изделий, обтесывание камней, ювелирное дело), горнодобывающем промысле, строительстве жилых, общественных, административных и культовых зданий. Благодаря этому местные жители превратили Саразм в ремесленно-торговый центр, соответствующий всем городским показателям. Это свидетельствует о феноменальных культурных достижениях предков таджиков в IV-III тысячелетиях до н.э.

Известный таджикский археолог Абдуллоджан Исаков (1935-1997) почти всю свою сознательную жизнь посвятил изучению этого важного центра древней цивилизации Средней Азии. На основе достоверных артефактов и мнения археологов мирового уровня, которые были

знакомы с этими раскопками, А. Исаков доказал, что далекие предки таджиков еще в IV-III тысячелетиях до нашей эры, то есть более чем за 5500 лет до нашего времени, достигли высокого уровня опыта в земледелии, животноводстве, ремеслах и градостроения. Они были лидерами в добыче и обработке меди, бронзы, серебра, золота и свинца. Это мнение ученого всецело поддерживают и зарубежные археологи, в том числе Р. Безенваль, А. П. Франкфорт, В. Лионе, М. Казанова из Франции, Л. Карловский, Ф. Колл из США, В. Массон, Г.А. Кошеленко из России и др., участники раскопок Саразма¹.

А. Исаков, упоминая о результатах своих раскопок в течение двадцати лет (1976-1996 гг.) в Саразме, пишет, что за этот период из 100 га площади, отведенной под раскопки, был вскрыт только 1 га. В пределах этой крайне небольшой исследованной территории «из земли выведено более 150 жилых домов, 4 храма огнепоклонников, склад общественного хранения, дворцы». Оказалось, что жители Саразма ходили по открытым дворам, улицам и переулкам между ними. «Теперь мы гуляем по десяткам дворов, улочкам и узким пешеходным тротуарам города Саразм, наслаждаясь высоким вкусом градостроительной культуры наших предков. Наши находки в основном состоят из предметов быта, золотых, серебряных, медных, бронзовых украшений, различных камней и костей животных и птиц. Расписные керамические сосуды, шлифо-

¹ См.: Исаков А. Саразм оғози тамаддуни тоҷикон. Бахшида ба 5500-солагии Саразми бостонӣ. – Душанбе: Дониш, 2018. –С. 250-255; Предисловие Президента НАНТ Ф. Рахими к книге: Исаков А. Саразм – оғози тамаддуни тоҷикон. – С. 3-11.

ванный камень и фрагменты росписей свидетельствуют о высоком мастерстве наших предков»².

В превращении Саразма в важнейший ремесленный и торговый центр региона, как показывают археологические находки, особую роль играли его торговые связи со странами Средней Азии и Ближнего Востока. На основании имеющихся материалов А. Исаков пришел к выводу, что изделия саразмийских мастеров были известны в странах Ближнего Востока. Морские и океанические раковины моллюсков и драгоценные камни, такие как сердолик (агат), лазурит, бирюза и др., привезенные в Саразм из Ирана, Белуджистана, Индии и Бадахшана, свидетельствуют о высоком развитии торговых связей³.

Еще одним важным подспорьем, на которое опирался А. Исаков, является полученные по результатам археологических раскопок данные Тельмана Ходжаева – антрополога Института археологии Академии наук Узбекистана. Согласно его заключению, в IV-III тысячелетиях до нашей эры от побережья Средиземного моря до Индии, от Хорасана до побережья Индийского океана проживала одна расовая группа. Жители Саразма тоже принадлежали к той же расе. В этот период на территории Мавераннахра не было монголоидной расы. «Да, и я того мнения, - пишет А. Исаков, - что в IV-III тысячелетиях территория от реки Сыр до Индийского океана является родиной иранских рас. Именно они формировали культуру земледелия, скотоводства, ремесел и градостроения народов Средней Азии»⁴.

² Исаков А. Саразм оғози тамаддуни тоҷикон. – С. 20.

³ См.: Там же. – С. 100.

⁴ Исаков А. Указ. соч. – С. 77.

Иными словами, признаки и элементы таджикской государственности существовали задолго до включения Средней Азии в могущественное государство Ахеменидов. Однако они еще находились в состоянии раздробленности и децентрализации, что не могло создать благоприятной основы для образования единой народности, и это послужило основанием для сомнения историков в существовании полноценных государственных образований в регионе. Но даже существование такого мнения не может стать основанием для отрицания того факта, что в конце II и начале I тысячелетий до н.э. все же в регионе были вполне сформировавшиеся государственные образования.

Намерение приведения подобных фактов заключается в том, что до сих пор есть такие псевдо-историки, которые смотрят на эту богатую историю древних автохтонных обитателей региона – таджиков, с завистью и злым пристрастием. Хотя они знают о своей принадлежности к какому-либо из многочисленных племен поздне-древнего и ранне-средневекового периодов, которых традиционный инстинкт, присущий кочевым племенам, приводил в эту местность, но всеми способами стараются представить свою далекую историю, как историю самых древних обитателей среднеазиатского пространства.

Этим действием они хотят поставить под сомнение тот факт, что таджики являются коренными арийскими жителями Центральной Азии, а их искусство государственного строительства и управления государством началось много веков назад, до появления кочевых племен в этом пространстве. Эту историческую истину при

анализе тысячи разновидностей источников специалисты мирового уровня давно доказали, и нет необходимости какими-нибудь мелкими выдуманными мифологическими «доказательствами» оспаривать их мнение. Но подобные историки должны знать, что важнейшим критерием для исследователя данного направления науки является способность должным образом разбираться в особенностях эпохи с позиции принципа историзма, при сопоставительном анализе источников и мнений ведущих специалистов, закономерностей происхождения тех или иных событий, той или иной эпохи.

Но, к сожалению, участвовавшие в последнее время безудержно огульные нападки на древнюю и средневековую историю таджикского народа со стороны сочинителей небылиц из соседней дружественной республики Г. Хидоятова, Ш. Камолитдина и некоторых других, вынуждает нас в предельно лаконичной форме показать несостоятельность их «аргументов» при желаемой, но безответственной интерпретации ими исторических ценностей таджикского народа. Знакомство с их абсолютно несостоятельными доводами приводит к убеждению в том, что на этом фоне они желают абсолютизировать роль тюркских кочевых племен в истории и культуре Центральной Азии.

Разумеется, переубеждать подобных апологетов, искателей удобных себе аргументов, для того, чтобы «доказать» Среднюю Азию в качестве прародины тюрков, крайне трудно. Эти исторические «правдолюбцы», которые осмелились нагло игнорировать мнения ведущих востоковедов мира о том, что первоначальными аборигенами края являлись индоарийские племена или таджик-

ские предки, готовы пойти на любые ухищрения ради защиты своих ничем не подкрепленных мнений. Судя по их публикациям, они, особенно за последние более двух десятилетий, настроили себя на то, чтобы во что бы то ни стало «защитить этот курс», занимающий центральное место в новейшей историографии этой братской республики.

В объеме одной книги крайне трудно со всей полнотой раскрыть абсолютно абсурдный замысел историков, подобных Г. А. Хидоятову (ныне покойному), Ш. С. Камолитдину, З. А. Илхамову и др., избравшим опрометчивый путь вопреки канонам академической науки, соответствующим принципу историзма в отношении признания таджиков, как древнейших аборигенов Средней Азии, и их определяющего места в древней и средневековой цивилизации региона. Но надеемся, что наш несколько лаконичный выборочный анализ их предвзятых мнений, если даже не сможет несколько охладить их злобные намерения в отношении славной истории таджикского народа, то для обширного круга читателей, главным образом Республики Узбекистан, приоткроет завесу оберегаемых ими тайн в этом направлении. Этим сочинителям истории следовало хотя бы знать, что когда речь идет о древней и раннесредневековой истории таджиков и узбеков, то, бесспорно, каждая из них имела свои независимые друг от друга точки этнического отсчета и сложения. Что касается их средневековой и новой истории, то нельзя в отдельности и изолированно друг от друга представлять их историю. В этом плане концептуальный взгляд академика Б. Гафурова и мнения других видных востоковедов, на которые опирался автор данной работы,

могут служить образцовыми примерами в исследовании истории народов региона.

Насколько объективно нам удалось определить свое мнение по этой насущной проблеме в современной историографии региона, проблемой – непредвзятому освещению его истории, главным образом, истории таджикского и тюркского (узбекского) народов, которые по воле реалии средневекового периода оказались в общем течении всех трагических (в особенности для таджикского народа) событий, но вместе с тем и в созидательной атмосфере, соответственно с требованием времени, будут судить специалисты и широкий круг читателей, интересующихся историей народов Средней Азии.

НАЧАЛО РЕВНОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ГЕНЕАЛОГИИ САМАНИДОВ И ИХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Археологические материалы Саразма свидетельствуют о том, что первые признаки государственного образования у древних таджиков относятся к IV-III тысячелетиям до н. э. В дальнейшем этот процесс заметно наблюдается на примере обширного союза восточно-иранских племен – Великого Хорезма, древних государственных образований Согда, Бактрии, Маргианы, Парфии и т. д.

Эти факты приводят к однозначному выводу о том, что задолго до образования государства Саманидов сложились государственные объединения под названиями вышеприведенных народов с арийскими корнями. Однако эти государства еще не были едиными и централизованными, и хотя находились у истоков формирования народности, но не могли создать условия для окончательного формирования народной идентичности. Эта миссия выпала на долю независимого и централизованного таджикского государства Саманидов. К этому периоду относится и окончательное формирование таджикского народа, что неоспоримо с научной точки зрения. В этом плане концептуальный взгляд академика Б. Гафурова находит безоговорочную поддержку со стороны отечественных исследователей и известных востоковедов мирового масштаба.

Но, не вдаваясь в подробности анализа присущего таджикам природного таланта создания управления госу-

дарством, который занимает достойное место в отечественной и зарубежной историографии, хотелось бы по мере возможности сосредоточить внимание на непосредственной причастности таджиков к образованию своего образцового и могущественного государства Саманидов. Это связано с безосновательной и предвзятой попыткой некоторых так называемых историков из соседней, во всех отношениях братской и исторически близкой к нам Республики Узбекистан, не только взять под сомнение генеалогические корни представителей династии Саманидов, но и принизить историческую славу этого вполне независимого могущественного таджикского государства.

Генеалогия Саманидов и процесс введения представителей рода Саман-худата в административные круги халифата достаточно подробно изложены, в многочисленных трудах исследователей, причастных к средневековой истории Центральной Азии. Фактически все известные в мировом масштабе востоковеды, склоны к мнению о непосредственной причастности таджиков к государству Саманидов. Тем не менее, в последние два-три десятилетия участились ничем необоснованные огульные выпады против этой давно утвердившиеся в науке истины со стороны некоторых язвительно пристрастных сочинителей истории из братской соседней страны, таких как Гога Хидоят, Шамсиддин Камоллидин и некоторые другие их приспешники. Далекое от логического восприятия таджикско-персидских источников, и на основании предпочитаемого ими «анализа» на англоязычном материале, они пытались определить генеалогическую причастность Саманидов к тюркам, а также

этим поставить под сомнение существование независимого таджикского государства при данном династическом управлении. Естественно, с такой необдуманной и предвзятой постановкой вопроса нельзя примириться.

Г. А. Хидоятов (1930-2015), доктор исторических наук, профессор, с 1961 по 1994 годы работал заведующим кафедрой новой и новейшей истории, одновременно (1967-1987) – деканом исторического факультета Ташкентского государственного университета. Автор ряда работ по вопросам англо-российских отношений в конце XIX века, о строительстве социализма в Средней Азии и др., не имеющих отношения к средневековой истории края, в особенности периода Саманидов. Однако после распада Советского Союза он вскоре отказался от изучения вопросов, связанных с советской эпохой, и задался целью исследования очень далекого прошлого тюркских племен Средней Азии.

Конечно, обращение к прошлой истории своего народа и реалистическое ее отображение всегда достойно похвалы и уважения. Однако попытка использовать безосновательные «доказательства» в ущерб историческим ценностям других народов, особенно древних жителей края – таджиков, с целью завуалировать славные достижения их предшественников, не к лицу настоящему исследователю. Такой предвзятый путь не может привести к зениту славы ни одного историка, и не может прибавить желаемую ценность его трудам. В этом Г. Хидоятов не может быть исключением.

Г. Хидоятов в своей работе «Крушение Саманидов»⁵ выразил недовольство по поводу юбилейных торжеств, посвященных 1100-летию государства Саманидов – первого независимого и централизованного таджикского государства, которые состоялись согласно Указу Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона при поддержке ЮНЕСКО в 1999 году. При этом он без основания и крайне предвзято пытался поставить под сомнение прямую причастность династии Саманидов к таджикам.

В частности этот далекий от исторической правды «историк», интерпретируя источники из вторых, третьих и более поздних рук, которыми пользовались европейские востоковеды, по своему усмотрению пишет: «Старая сасанидская культура была растоптана бедуинами (арабскими кочевниками – Х. П.) и в Хорасане стала формироваться новая, которая во многом продолжала традиции старой, но она – на новой арабско-мусульманской основе... Это был естественный исторический процесс продвижения ислама и исламской цивилизации в Хорасан и Мавераннахр. Не Саманиды создавали его, а этот культурный подъем, наблюдавшийся здесь в IX – X веках, поднял Саманидов и придал периоду их правления блеск при всей нищете их царствования. При дворе Саманидов нашли прибежище два гениальных поэта Востока – Фирдоуси и Рудаки. В Бухаре Фирдоуси создавал свою бессмертную поэму «Шахнаме», в которой воспевал царей Ирана. В ней он указал на связь Саманидов с пред-

⁵ См.: Хидоятов Г. А. Крушение Саманидов. – Москва - Ташкент, 2004. – 152 с.

ставителем древнего царского рода Ирана – Бахрамом Чубином, и тем самым придал им царственный статус.

Так Саманиды вошли в иранский эпос и стали частью иранских царствующих домов. Но есть и другое мнение об их этнических корнях»⁶.

Во-первых, этот историк, несведущий в исторических событиях Саманидской эпохи, не знает, что Рудаки и Фирдоуси ни от кого не искали убежища при Саманидском дворе, и по историческим свидетельствам не встречались друг с другом. Рудаки – родоначальник таджикско-персидской поэзии, уроженец селения Пянджруд (ныне Пенджикентский район Согдийской области Таджикистана) был почтительно приглашен ко двору Насра II (914-943). Как известно, Абулькасим Фирдоуси родился в Тусе (современный Иран), не был в Бухаре и создал свою всемирно известную поэму «Шахнаме» («Книга царей») в Иране.

Чтобы показать «этнические корни», этот автор опирался не на существующие достоверные источники, а на оценку американского исследователя Р. Фрая и пытался довести генеалогию Саманидов до тюрков. При этом, ссылаясь на Фрая, он не мог не заметить его полного согласия с мнением выдающегося востоковеда А. А. Семёнова о том, что «Саманиды происходили от знатного иранского рода, вышедшего из района Термеза; они считали себя потомками сасанидского полководца Бахрама Чубина»⁷.

⁶ Хидояттов Г. А. Крушение Саманидов. – С. 24.

⁷ См.: Фрай Р. Наследие Ирана. – М.: Наука, 1972. – С. 343; см. также и сравн.: Семенов А. А. К вопросу о происхождении Саманидов//Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. – Т. XXVII. – Сталинабад, 1954. – С. 3-11.

В качестве доказательства Хидояттов выдвинул мнение, что тюрки в основном в то время проживали в Балхе. Чтобы семантически «доказать» происхождение Саманидов, как тюрков, этот недалекий автор придумал словосочетание «Саман» и объяснил его так: «Слово «саман» на древнетюркском языке означает солому. С древнейших (?) времен в Центральной Азии тюрки-кочевники поставляли в города саман, который широко употреблялся в домашнем хозяйстве как корм скоту, как строительный материал, как топливо и пр. Не исключено, что Саманиды могли принадлежать к роду, который промышленял саманом, доставлял или занимался сбытом. Как бы то ни было, гипотеза о тюркских корнях Саманидов должна быть также рассмотрена в качестве одной из научных версий. Только в таком случае проблема Саманидов может перейти из области фантазий на реальную почву и приобрести надлежащую научную основу»⁸.

Принять эту небылицу в качестве «доказательства» является не более чем исторической фантазией и абсолютной беспомощностью автора даже в примитивных лингвистических понятиях. Тот, кто хотя бы сносно имеет знакомство с таджикским языком, поймет, что турецкое или узбекское слово «саман» – т.е. солома, абсолютно не имеет никакой близости к понятию «сомон». Таджикское слово «сомон» лежит в основе понятия «давлати Сомониён» (в русском переводе – как «государство Саманидов»), со времен Рудаки и до сегодняшнего дня понимается как «предел», «порядок», «упорядочение», «покой», «спокойствие», «завершение работы» и «терпение». С такой интерпретацией «сомон» приводится во

⁸ Хидояттов Г. А. Крушение Саманидов. – С. 25.

всех средневековых, новых и современных словарях. Так что к тюркскому «саману» таджикский «сомон» абсолютно не имеет никакой лингвистической близости.

Содержание своего необоснованного и тенденциозного толкования генеалогии Саманидов этот далекий от принципа историзма «историк» выражает следующим образом: «Саманиды – реальный факт в истории Центральной Азии. Их столица Бухара находится на территории Узбекистана, признана мировым сообществом, и их история является органической частью истории нашей республики. Изучение их истории (Саманидов – Х. П.) – не выдуманной, не националистической, а реальной, является важной задачей в осознании узбекским народом своего великого прошлого»⁹.

Не обязательно быть профессиональным историком, чтобы понять нестыковки и разногласия этого автора. С одной стороны, он ставит под сомнение независимость и могущество государства Саманидов и пытается полностью игнорировать его причастность к истории таджикского народа, а с другой – признает безграничную известность Рудаки и Фирдоуси на всем Востоке, как сочинителей всемирно известных поэм на персидском (то есть таджикском) языке. Пытаясь совершенно дистанцироваться от понятия «таджик», автор хотя и признает Рудаки выходцем из Пянджруда, но всё же считает его только «персидским поэтом», невзирая на то, что он общепризнанно считается основоположником таджикско-персидской классической литературы. Для этого, считавшегося себя всезнающим, историка изучение истории Саманидов должно было быть необходимо лишь для rea-

⁹ Хидояттов Г.А. Крушение Саманидов. –С. 30.

листического осмысления «великого прошлого» узбекского народа.

Касательно определения степень причастности государства Саманидов к истории таджикского народа, Хидоят, после приведения выдергиваемых им на свой лад множества цитат и необоснованных выводов, историографический анализа которых требует отдельного исследования, выдвинул следующий совершенно беспочвенный и открыто язвительный вывод: «Пока совершенно очевидно, что таджики не могут претендовать на роль создателей государства саманидов (с пренебрежением пишет с маленькой буквы – Х. П.) просто потому, что их не было в это время на исторической арене. И нет доказательств, что они даже гипотетически могли быть в этот период».¹⁰ Этот причудливый фантазер преподносит как научное «открытие» бредовое заключение, которое не под силу понять здраво-мыслящему человеку.

В то время, когда выдающиеся востоковеды мирового масштаба давно признали предков таджиков как древнейших аборигенов арийского происхождения, обитавших на просторах Средней Азии, как непреложную научную истину, выдавать такого рода измышления за «научное мнение» является показателем слабости интеллектуального мышления и недостаточности научного потенциала автора.

Историческое «открытие» указанного историка о могущественном государстве Саманидов, описание которого содержится в сочинениях историков того времени и более поздних средневековых историках, а также в трудах исследователей мирового уровня, выглядит совер-

¹⁰Хидоят Г. А. Крушение Саманидов. – С. 149.

шенно необубедительно и весьма примитивно. Он интерпретирует мнения ученых в удобном для себя смысле, не соблюдая даже простое правило цитирования, которого обязаны придерживаться даже студенты-первокурсники. По этой причине он осознанно довольствовался приведением искаженных и заведомо ложных цитат.

Уместно в качестве примера привести одну из его цитат, «извлеченную» из книги выдающегося востоковеда академика В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Опираясь якобы на мнение ученого, он каким-то образом пытается «доказать» слабость саманидских правителей и их зависимость от арабских халифов, Хидоятов пишет: «По мнению В. Бартольда, власть Саманидов над местными правителями была чисто символической, выражавшейся в отправке ежегодно подарков, но не податей... В. Бартольд подчеркивает, что это было следствием слабости власти Саманидов. «По историческим известиям», – пишет В. Бартольд, – следует признать, что среди представителей династии Саманидов «не было ни одного», в котором были бы выдающиеся признаки физических или духовных дарований. За исключением Исмаила, все были капризны, легкомысленны, недалекие умственно и большей частью больные чахоткой или туберкулезом». Затем он от себя добавляет: «Это был слабый, вырождающийся род, который заботился не столько о созидании экономики, политики или культуры, сколько о собственном выживании».¹¹

Теперь обратимся к словам самого В. Бартольда, который, опираясь на сведения ибн Асира и Гардези, писал: «...ко времени смерти Насра уже не осталось никого из его

¹¹ Хидоятов Г. А. Крушение Саманидов. – С.134-135.

главных сподвижников; (автор приводит мнения ибн Асира и Гардези о том, что – Х. П.) «они постоянно интриговали друг против друга; некоторые из них погиб-ли (т. е. были казнены), другие умерли (естественной смер-тью)». Едва ли слабый государь, погибший от чахотки в возрасте моложе сорока лет, мог оказать существенное влияние на ход государственных дел; хорошие стороны его царствования, вероятно, должны быть объяснены досто-инствами его везиров, Абу Абдаллаха Джейхани и Абул-Фазла Бал'ами»¹².

Становится ясным, что приведенная Хидоятовым цитата полностью отличается от оригинала. Прежде всего, у В. Бартольда нет упоминания о «полной сла-бости и смерти от болезней» всех представителей ди-настии Саманидов. Содержание слов ученого приводит к мнению о том, что: а) вследствие конфликтов и распрей не могли выделиться достойные наследники для занятия царского престола; б) Наср II умер от туберкулеза в возрасте до сорока лет (то есть, не другие, а только один Наср); в) об определяющем влиянии указанных авто-ритетных министров (везиров) на центральное государ-ственное управление.

В этой связи уместно отметить, что будущий великий востоковед В. В. Бартольд представил рукопись этой книги в качестве магистерской диссертации в 1900 г., но, учитывая фундаментальное значение данной работы, решением Ученого совета факультета восточных языков Петербургского университета этому в то время 31-лет-нему исследователю была присуждена степень доктора по

¹² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. – Т. I. – М.: ИВЛ, 1963. – С. 305.

истории Востока. Следует заметить, что в историческую науку он вошел как тюрколог. История таджиков, особенно Саманидского периода, оказалась в его поле зрения гораздо позже. Но, несмотря на это, даже и ранние исследования ученого касательно определения места таджиков в истории Хорасана и Мавераннахра заметно обоснованы и выдержанны.

В дальнейшем, по мере знакомства с обширным кругом источников, В. В. Бартольд пришел к однозначному мнению о том, что таджики в древности составляли коренное население Средней Азии. Спустя четверть века (1925 г.) после выхода в свет книги «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», он в своем историческом очерке «Таджики»¹³ пишет: «Коренное население современного Туркестана принадлежало к иранской группе народов... На протяжении более 1500 лет, от VI в. до н. э., в пределах современного Туркестана упоминаются два культурных народа иранского происхождения – согдийцы и хорезмийцы». Указывая на «иранскую группу народов», как древних обитателей края, ученый имел ввиду предков таджиков.

Касательно обстоятельств смерти Насра II, В. В. Бартольд в упомянутой книге «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ссылаясь на имеющиеся источники, указывает на существование других мнений, согласно которым Наср умер не из-за туберкулеза легких, а был убит своими рабами за то, что он примкнул к противоборствующей (шиитской) секте¹⁴. Если это предпо-

¹³ Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк // Сочинения. – Т. II. – Ч.1 – М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. – С. 451-468.

¹⁴ См.: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – С. 302-305.

жение верно, то ни один из Саманидских правителей не был болен туберкулезом, который мог стать причиной его смерти. Или даже если это предположение принять за истину, это не значит, что большинство эмиров «были больны, слабы и немощны».

Известно, что В. В. Бартольд, как общепризнанный ученый, всегда обосновывал свое мнение, ссылаясь на сведения, содержащиеся в достоверных источниках. Хидоятов же, в отличие от него, без угрызения совести стремился явно подменять содержание источников и мнения исследователей, причастных к истории таджикского народа, в угоду своим узкокорыстным националистическим интересам.

Если бы Г. Хидоятов хоть немного был знаком с закономерностями исторического процесса, то он должен был знать, что в древней и средневековой истории любого народа и государства имели место-постоянная вражда и заговоры представителей правящей династии. Это считалось традиционным явлением, вытекающим из природы натурального хозяйства, приводившей к экономической децентрализации.

Мог ли Хидоятов привести пример о мирных и добродушных отношениях между представителями какой-либо правящей династии, их взаимопониманиях в делах государственного управления, безоговорочного подчинения держателю престола или отсутствия политического сепаратизма?

Могли он при всём его желании находить примеры о том, что после нашествия на Мавераннахр кочевых племен и утверждения тюрко-монгольских династических представителей у власти на этой земле воцарилось

политическое взаимопонимание или же были созданы условия для мирного созидательного труда?

Всякий, кто хоть немного знаком с историческими событиями, знает, что представителям ни одной династии не дарован вечный суверенитет. Преемственность занятия престола шахами, ханами и даже императорами не могла быть случайным явлением. События происходили в соответствии со сложившимися реалиями социально-политической обстановки того времени, в рамках общей закономерности исторического процесса. В связи с этими происходят перемены в политической, социально-экономической жизни государства. Как правило, новые властители занимали трон отнюдь не мирным путем. Хотя утверждение на вершине политической власти и падение правящей династии имеет свои специфические особенности, но они не могут быть исключением из общей закономерности исторического процесса. Занимая свою нишу в общеисторическом процессе, представители верховной власти остаются в памяти поколений в соответствии со своими созидательными показателями, способствующими всемерному развитию страны.

Появление на небосводе мировой истории государства Саманидов, с какой бы стороны ни смотрели на это, какие бы названия ни придумывали язвительные оппоненты, предельно ясно одно: оно сложилось и поднялось к зениту славы, выполнило свою историческую миссию, обрело заметное место в истории в пространстве извечного обитания таджиков. Ясно и другое: его расцвет и падение были связаны с реалией исторического процесса, присущей тому периоду. В силу сложения исторических обстоятельств, находившиеся у Саманидов на службе

тюркские рабы, при появлении «трещины» в государственном управлении, без оглядки предавали своих бывших господ и насильственным путем восходили на вершину власти.

Но, как показало время, новоявленные властители не могли обходиться без той примерной традиции государственного управления, прочной социально – экономической основы и культурных достижений, которые оставили в наследство Саманиды. Поэтому их общепризнанное место в истории цивилизации Центральной Азии и за ее пределами не могут поколебать такие «сочинители истории», как хидоятовы и им подобные. При всем их желании, даже с помощью провокационных методов, они не могут отрицать определяющую роль таджикского народа в древней и средневековой истории региона.

Конечно, можно продолжить приведение других беспочвенных «мнений» Гоги Хидоятова о том, что якобы Саманиды находились под полным подчинением халифа, что это «провинциальная династия», что они являлись «наместниками Хорасана», и имели титул эмира в понятии «главнокомандующего», и т. п. небылицы. Далее он приводит «примеры и цитаты» с целью принизить значение диванов в административной структуре государства Саманидов, хотя другие исследователи обоснованно считают их наглядными показателями его полной независимости.

Приведя множество неуклюжих примеров, этот явно исторический выдумщик высказывал мнение о том, что в древности население Центральной Азии составляли только тюрки. «Таким образом, – пишет он, – легенда и наука единодушно утверждают, что тюрки являются самой

древней этнической общностью Центральной Азии и уже в первом тысячелетии до н. э. сформировали свои государственные объединения. Отсюда они расселялись в Сибирь, Алтай, Монголию, Волгу, Северное Причерноморье»¹⁵.

Хидоятов с намерением утвердить свое мнение о том, что именно тюрки были основателями Бухары, пишет: «Бухара являлась древним тюркским городом. Он был органической частью экономической, социальной и культурной жизни тюркских народов Центральной Азии». Далее, указывая на появление позже в этом пространстве «иранского этнического элемента», пишет: «Нельзя не отметить, что в Бухаре в течение нескольких веков шло накопление иранского этнического элемента. Их число росло в период правления Сасанидов»¹⁶.

В другом месте этот же автор, пытавшийся «доказать» тюркское происхождения Бахрама Чубина, указывает на его мифическую личность¹⁷. Приведя свои измышления относительно переселенческого процесса «иранских элементов» и после распада государства Сасанидов, особенно в годы утверждения власти арабов в регионе, он пишет: «Арабские властители занялись активной переселенческой политикой, стремясь укрепить в Центральной Азии «иранский элемент», создать здесь активную этническую силу, противостоящую тюркам, и подорвав тем самым подавляющее превосходство тюркских племен»¹⁸.

¹⁵ Хидоятов А. Крушение Саманидов. – С. 53.

¹⁶ Хидоятов А. Там же. – С. 76.

¹⁷ См.: Хидоятов А. Там же. – С. 110.

¹⁸ Хидоятов А. Там же. – С. 111.

Как видим, автор, явно не желая произносить известное словосочетание «предки таджиков», неустанно повторяет об «иранских элементах», якобы населяющих Восточный Иран затем и Среднюю Азию, когда в этом пространстве местные турки создали высокоразвитую цивилизацию.

То, что «иранские элементы», согласно огульному мнению Хидоятова, якобы проникали в Среднюю Азию лишь в период правления Сасанидов из Персии, не выдерживает никакой критики. Прежде чем преподнести читателю подобную белиберду, он должен был, как минимум, хотя бы поверхностно перелистать некоторые общеизвестные труды исследователей, причастных к изучению древней истории народов Центральной Азии. Тогда он наверняка мог бы обнаружить однозначное мнение, утвердившееся в мировой ориенталистике о том, что коренным (автохтонным) населением региона являлись предки таджиков. Опираясь на единодушное мнение авторитетных исследователей, академик Б. Г. Гафуров пишет: «Средняя Азия с примыкающими районами была основным центром распространения индоиранских племен и древней областью их обитания. Те из иранских племен, которые остались в Средней Азии, являлись предками основного населения Средней Азии с начала исторической эпохи до раннего средневековья.

В последствии на базе восточноиранских народностей Средней Азии, прежде всего бактрийцев, согдийцев и в меньшей степени иных этнических компонентов, сложился таджикский народ»¹⁹.

¹⁹ См. более подробно: Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 33-43.

Разумеется, можно приводить бесконечно мнения других, в том числе и зарубежных исследователей, которые однозначно считают таджиков самыми древними обитателями Средней Азии, и на этой основе в очередной раз повторять эту давно доказанную историческую истину.

Следует отметить, что для досконального научного опровержения всех деталей приведенных Хидоятовым бредовых «доказательств», идущих вразрез с принципом историзма, требуется более объемистое исследование по данной проблеме, которая давно нашла свое решение в мировой ориенталистике. Исходя из этого, следует довольствоваться лишь имеющимися достоверными аргументами, и на их основе опровергнуть его огульное мнение о месте обитания древних таджиков излюбные нападки на историю государства Саманидов.

В этом плане нельзя примириться с безосновательным мнением Хидоятова о том, что «государство Саманидов, будучи провинциальным государством, полностью подчинялось халифату». Как было сказано выше, во многих случаях он пытался прикрыть свою ложь цитированием (точнее, выдёргиванием цитат) из работ В. Бартольда, в частности, для «доказательства несамостоятельности» государства Саманидов. На самом же деле В. В. Бартольд однозначно указывает на самостоятельное управление Саманидов.

«Во главе государства, – пишет учёный, – конечно, стоял самодержавный правитель, ответственный только перед богом (автор обращается к пониманию античной и средневековой государственности – Х. П.). Если в глазах багдадского правительства (халифа – Х.П.) Саманиды

были только эмирами (наместниками), «клиентами повелителя правоверных» или даже только амилиями (сборщиками податей), то в своих владениях они, несомненно, были вполне самостоятельными государями... Персидские историки иногда называют Саманидов «повелителями правоверных», т.е. дают им тот же титул, как халифам»²⁰.

Как следует из заключения В. Бартольда, подкрепленного выше приведенными фактами, Саманидское государство было вполне независимым. В трудах средневековых историков имеется множество указаний на эту независимость. Например, известный арабский географ Абуль-Касим Мухамад аль-Багдади, известный как Ибн Хаукал (вторая половина X века) в своей книге «Суратул-арз» пишет: «Правители этой земли [Маверауннахр] и других областей Хорасана – знатные Саманиды... На всем Востоке верховное правление Саманидов более устойчиво и долговечно, их организация более совершенна и упорядочена, и их дары богаче, чем жалованье их солдат»²¹.

Подобные мнения о независимости и славе Саманидского государства встречаются и в других источниках и работах известных востоковедов. В этом плане Хидоятов в ходе поиска для себя оправдательного «аргумента» из работы Ричарда Фрая, не мог не заметить его мнения о полной независимости эмиров в государственном управлении. «Поэты и все, кто занимался литературной

²⁰ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. – Т. I. – М.: ИВЛ, 1963. – С. 285.

²¹ Ибни Ҳавкал. Сурат ул-Арз//Сомониён дар оинаи таърих. Ҷилди дувум (мутуни арабиасл). –Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Р. Ҷалил, 1998. – С. 142.

деятельностью, – пишет Фрай, – нашли в Саманидах, правивших Средней Азией и Восточным Ираном с 892 (приход к власти Исмаила, подлинного основателя царства) по 999 г., замечательных покровителей»²².

Настоящий историк должен знать, что в истории, как и в других направлениях наук, идет непрерывный исследовательский процесс. Естественно, рано или поздно суть лженаучных суждений и беспочвенных мнений будет избличена. Хидоятов, избравший этот совершенно недостойный ученого путь, еще при жизни получил соответствующую оценку своего пасквильного писания в компетентном научном анализе ныне покойного таджикского ученого Гаффора Ашурова²³, что является наглядным примером недолговечности подобных около-научных работ.

²² Фрай Р. Наследие Ирана. –М.: Наука, 1972. – С. 344.

²³ См.: Ашуров Г. История Саманидов и ее фальсификация // Ашуров Г. Философия эпохи Саманидов. –Душанбе: Ирфон, 2006. – С.142-216.

АКТИВИЗАЦИЯ ПОИСКА ТЮРКСКИХ КОРНЕЙ В ГЕНЕАЛОГИИ САМАНИДОВ

Второй более заметной персоной после Г. Хидоятова в чрезмерной фальсификации истории таджикского народа из соседней братской республики, выдававшим себя за «великого историка», является Ш. Камолиддин, нашедший свою «кормушку» за счет иностранных грантов и выполняющий их авантюристические заказы по дестабилизации политического положения в Средней Азии, он стремится на основе выдуманных исторических «фактов» делить народы региона на своих и чужих. К этому вопросу более подробно вернемся несколько позже. А сейчас хотелось бы ознакомить читателей с явно шовинистическим взглядом его на прошлое истории таджикского народа.

Ш. Камолиддин приложил и продолжает прилагать невероятные усилия по углублению бредовых-нападок своего предшественника Хидоятова на определяющую роль таджикского народа в древней и средневековой истории Центральной Азии. Особенно наглядно его «творческая активность» проявляется в «анализе» генеалогии Саманидов.

Для того чтобы «доказать» генеалогическую связь Саманидов с тюрками, он приводил множество запутанных легенд и домыслов из некоторых средневековых источников и трудов исследователей Среднеазиатского региона. Своими расплывчатыми объяснениями и беспочвенными толкованиями этот явно недалекий автор пытается обрисовать картину сложившихся в то время

отношений между Сасанидами и тюрками, с намерением на этом фоне «соединить» генеалогические корни Бахрама Чубина с тюрками, и самое важное для него в этом контексте - «доказать» тюркское происхождение Саманидов²⁴.

Предшественники Бахрама Чубина – предка Саманхудата, с его точки зрения, «имели родственные отношения к одному из тюркских по происхождению племен Средней Азии, онгоном которого была птица – ворона, речной беркут или журавль»²⁵. По его мнению, у Бахрама Чубина было трое сыновей: Наушард, Мехран и Шапур. Согласно источникам, Саманхудат был в четвертом или пятом поколении потомком его старшего сына Наушарда²⁶. Пытаясь «углубить» эту мысль, автор отметил, что «предки Саманхудата, были потомками Бахрама Чубина от его брака с дочерью тюркского кагана, имевшего местопребывание в Бухаре».²⁷

В результате «упорной» работы над «источниками», этот «правдоискатель» генеалогии Саманидов открыл для себя «истину». Она заключалась в том, что предками Саманидов были тюрки. В качестве «доказательства» выдвинул придуманную им гипотезу о том, что «Хусрав I Анушерван был женат на тюркской принцессе (царица) по имени Кайен, которая была дочерью тюркского хакана... Наследник Анушервана на Сасанидском троне принц Хурмазд IV был наполовину тюрком, за что был

²⁴ См.: Камолиддин Ш. Происхождение Саманидов. – Ташкент: ИФЕАК (Французский институт исследований Центральной Азии), 2008. – 116 с.

²⁵ Камолиддин Ш. Происхождение Саманидов. – С.26.

²⁶ См.: Камолиддин Ш. Там же.

²⁷ Камолиддин Ш. Происхождение Саманидов. – С. 35.

прозван «Туркзаде»²⁸. Далее, для более «убедительного» обоснования своего «научного открытия» в этом направлении, Ш. Камолиддин приводит различные мнения якобы специалистов о том, что «Тюркский каган Гарду был дядей императора Сасанидов Хурмазда IV»²⁹, о родственных связях «Бахрама Чубина с тюркским каганом, имевшим местопребывание в Бухаре. Известно, что в конце своей жизни Бахрам Чубин установил связь с тюркским каганом по имени Пармуд»³⁰ и т. д.

Таким образом, выдергивая по своему усмотрению «факты» якобы из источников, приходит, согласно своему выражению, к «предположению» о том, что «согласно источникам (каким? – Х. П.), Бахрам Чубин после своего бегства из Ирана женился на дочери Илтегина (Пармуда). В результате этого брака образовалось семейство, потомком которого был Саман-худат». В этом суждении автор идет ещё дальше: «Бахрам Чубин, – пишет он, – был выходцем из среды древнего знатного тюркского рода, являвшегося ветвью кушанских или массагетских Аршакидов»³¹. Чтобы еще больше навязать своё мнение несведущему читателю, автор добавил: «Саман-худат был представителем не иранской фамилии, входящей к династии Сасанидов, а, также как и его вышший предок Бахрам Чубин, имел огузско-тюркское происхождение».³²

Известный русско-советский востоковед А. А. Семёнов (1873-1958) в своей статье «К вопросу о происхож-

²⁸Камолиддин Ш. Указ. соч. С. 12-13.

²⁹ Там же. –С. 17, 21.

³⁰ Там же. –С. 47

³¹ Там же. –С. 83-84.

³²–Там же. –С. 84.

дении Саманидов»³³ на основе надежных первоисточников дает обстоятельный анализ генеалогии Саманидов. В частности, согласно мнению ученого, один из потомков Бахрама Чубина по имени Аркак (Аркак), зная, что Хорасан находится во власти халифов – Аббасидов, решил устроиться у них на службу. «Прибыв в Термез, – пишет А. А. Семёнов, – таджик (имеет в виду Аркака – Х.П.) услышал, что в Балх приехал один из родственников халифа. Он поехал в Балх, явился к Сейиду Хасан ал-Эмиру и обратился к нему с просьбой просветить его светом истиной веры (имон); тот согласился». Хасан ал-Эмир отправил Аркака с рекомендательным письмом к халифу. Последний назначил его управителем Балха, после того безотлучно находился при Хасан ал-Эмире. Когда Хасан ал-Эмир решил начать работы по благоустройству Термеза, Аркак призывал население Балха помочь этому потомку Пророка Мухаммеда. Вскоре проведены оросительные сооружения, были обработаны поля для орошения. Аркак организовал заселение народа и для себя выбрал в Термезе одно селение, обустроил его и назвал Сомон. «У Аркака в его Сомоне родился сын, которого он назвал Асад, с прозвищем Сомони»³⁴. Это наводит на мысль о том, что наименование «Сомон-худот» стало прозвищем Аркака. Не вдаваясь в подробности анализа данной статьи А. А. Семёнова³⁵, сам факт упоминания Аркака как таджика означает, что этот выдающийся

³³См.: Семёнов А. А. К вопросу о происхождении Саманидов // А. А. Семёнов. Избранные сочинения. – Душанбе: Офсет-Империя, 2013. – С. 37-52.

³⁴ Семёнов А. А. К вопросу о происхождении Саманидов. – С.38-39.

³⁵ Более подробно см.: Пирушо Х. Давлати Сомониён дар тарозуи таърихнигорӣ. – Душанбе: Дониш, 2020. –С. 58-59.

востоковед как Бахрама Чубина, так и его потомков считает таджиками.

Несмотря на все веские доказательства, утверждающие, что Саманиды по всем антрополого-этническим и языковым показателям по происхождению являлись таджиками, Камолиддин, с желанием наводить путаницу, цепляется за этимологические понятия тех или иных слов, непосредственно или опосредованно относящихся к Саманидам. Он понятие имени «Бахрам» и слово «саман» считает тюркского происхождения, и пытается доказать, что они «совершенно и определенно» тюркские.

Согласно его заключению, имя Бахрама Чубина имеет тюркские корни, а в переводе со среднеперсидского слово «Чубин» означает «ворона»³⁶. Для древних тюрков ворон или ворона символизировали восход солнца. «Следовательно, имя «Чубин» могло быть родовым именем Бахрама Чубина, которое являлось персидской калькой его тюркского оригинала «Карга».³⁷ Таким образом, этот «искатель генеалог», как отмечено выше, заключает: «Исходя из вышеизложенных данных, нам представляется, что предки Бахрама Чубина имели родственное отношение к одному из тюркских по происхождению племен Средней Азии, онгоном которого была птица – ворона, речной беркут, журавль. Это племя могло входить в древности в круг племенного объединения парфян, а затем, наряду с хионитами, кидаритами, эфталитами и тюрками, находилось на службе у ранних Сасанидов, и у более поздних представителей этой династии»³⁸. К такому

³⁶ «Чубин» – это чисто таджикско-персидское слово, означающее «деревянный» (предмет).

³⁷ См.: Камолиддин Ш. Происхождение Саманидов. – С. 24.

³⁸ Там же. – С. 26.

мнению автор приходит в результате «долгих и изнурительных поисков» имеющихся сведений о «жизни и деятельности Бахрама Чубина, содержащихся в византийских, армянских, пехлевийских, арабо-мусульманских и других источниках». Как видно, в этом перечне не упоминаются персидско-таджикские источники. По всей вероятности, автор явно не желает ссылаться на них по той простой причине, что они явно выводят наружу нелепые выдумки автора.

Такие абсолютно неверные толкования и формулировки у автора наблюдаются при его «анализе и синтезе» понятий «саман» и «шаман». По его необоснованному мнению, слова «саман» и «шаман» – религиозная практика (шаманизм), общая для древних тюрков и некоторых народов Урала и Сибири сегодня являются синонимами и признаком связи Саманидов с тюрками.

Таким «знатокам», как Хидоятов и Камолиддин, должно быть известно, что слова «сомон», «саман» и «шаман» занимают довольно заметное место в персидско-таджикском литературном языке издревле, с такими неоднозначными понятиями:

-«сомон» – порядок, система, состояние, предел, возможность, ранг, статус, власть, сила; означает получать, обеспечивать и т. д.

В значении порядка и завершения работы поэт упомянул:

*Раҳе нешам омад, ки поён-ш нест,
Фитода ба коре, ки сомон-ш нест.*

*Не виден конец дороги, по которой иду,
Затеял работу, завершения не жду.*

В понятие великого Абулькасима Фирдоуси «сомон» означает:

1) граница, рубеж;

*Басечид ҳар кас наси нони хеш,
Биварзиду бишнохт сомони хеш.*

*Стремился, чтоб хлеб свой достать,
И узнать тот рубеж, где должен стать.*

Или

2) завершение, конец цели:

*Бигаштанд гирди диж андар басе,
Надонист сомони ҷангаи касе.³⁹*

*Вокруг крепости в надежде завершения
Ходили, и никто не знал конец сражения.*

В «Персидском словаре» Амида слово «сомон» приводится в значении:

1) предметы быта, бытовая техника, инструменты труда;

2) пора сочинять, украшать и рисовать⁴⁰.

Слово «саман» в «Словаре» С. Айни приводится в значении дороговизны стоимости чего-либо.

В «Словаре таджикского языка»:

1) оценка, стоимость, дороговизна:

*Ҳар он ки кунҳи қаноат ба ганҷи дунё дод,
Фуруҳт Юсуфи Мисрӣ ба камтарин сомоне.*

³⁹ См.: Фарҳанги мухтасари «Шоҳнома». Тартибдиҳанда И. Ализода. – Душанбе: Адиб, 1992. – С. 340.

⁴⁰ См.: Ҳасани Амид. Луғати Амид. – Ҷилди II. – Техрон, 1363 х.ш.

*Тот, кто отдал сокровища мира ради удовлетворения,
Иосиф из Мисра продал его за менее самана [гроша].*

2) Саман или суман: суман – белый и ароматный цветок; саманбар или суманбар – цветистый, красивый, красочный; саманбарг или суманбарг – цвет белого цветка;⁴¹

-«Шаман» – в воображении Ш. Камолиддина, считавшего его тюркским словом и использовавшего его как доказательство родословной «причастности» Саманидов к тюркам, совершенно не имеет отношения к тюркскому лексикону. В классическом таджикском языке «шаман» приводится в понятии идолопоклонника или служителя буддийской святыни.⁴²

*Бутпарастӣ гирифтаем ҳама,
Ин ҷаҳон бутасту мо шаманем.*

Перевод:

*Мы все получили идолопоклонство
Этот мир – идол, а мы – шаманы.*

Рудаки.

Или:

*Агар тоҷи Эрон супорад ба ман,
Парастии кунам чун бутонро шаман.*

*Если корона Ирана будет передана мне,
То буду поклоняться ей, как шаман Будде.*

Фирдоуси

⁴¹ См.: Фарҳанги забони тоҷикӣ. – М., 1969. – С. 260.

⁴² Более подробно с примерами и комментариями понятия «саман» и «шаман» см.: Мухаммад А. Государственность Саманидов: расцвет и закат. Опыт этно-политологического анализа. – Душанбе, 2019. – С.57-61.

Еще одно нелепое и безосновательное «доказательство», придуманное Камолиддином вслед за Хидоятковым с целью считать сасанидский род тюркским, основано на том, что Бахрам Чубин или другие из предков царского рода Сасанидской династии появились на свет от тюрчанок, преимущественно наложниц. Однако при сопоставлении утверждений этих авторов с настоящими, а невыдуманскими источниками Саманидского периода и после, не встречаются сведения, указывающие на непосредственную связь Бахрама Чубина и его потомка – Саман-худата с тюрками или тюрчанками.

Наряду с «надежными» для него средневековыми источниками и «заклочениями» европейских исследователей, Камолиддин приводит мнение иранского историка Инаятуллаха Ризо, подчеркивая, что «фамилия Бахрама Чубина тюркская, он происходил из числа огузских тюрков, состоявших на службе у Сасанидов»⁴³. Для уточнения верности цитирования данного автора Камолиддином, уместно привести его слова в оригинальном переводе. «Некоторые историки, – пишет Ризо, – пытались выдать существование преемников Бахрама Чубина в Средней Азии за преемников племен машо, относящихся к тюркским племенам, и считать их частью из племен тюрков. Эта идея совершенно неправильна и в корне неверна»⁴⁴. Это мнение приводится и в работе датского востоковеда Артура Кристенсена (1875-1945) «Иран во времена Сасанидов», где отмечено, что Бахрам по прозвищу «Чубин», сын Бахрама Гуштаспа, происходил

⁴³ Камолиддин Ш. Происхождение Саманидов. Из серии «Рабочие документы ИФЕАК». 31-й выпуск, август 2008. – Ташкент, 2008. – С.9-10.

⁴⁴Инаятуллох Ризо. Ирон ва туркон дар рӯзгори Сосониён. – Техрон, 1374 (1955). – С. 152.

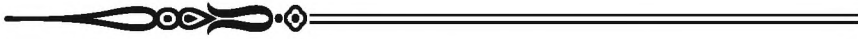
из известного Мехранского рода Ирана⁴⁵. Можно продолжить перечень подобных примеров, которые приводят к однозначному заключению о персидском (таджикском) родословии Бахрама Чубина⁴⁶. Но Камолиддин, беззастенчиво переиначивая по-своему тексты приводимых цитат, пытается протащить свои нелепые суждения, идущие вразрез с исторической правдой, на обозрение широкого круга читателей.

В данном случае он, как и предыдущие его коллеги, прежде всего Хидоятов, явно на стороне преднамеренного искажения генеалогии правителей из династии Саманидов. Может, они и знают традицию полигамии или наличия царских гаремов, но для «обоснования» своего мнения, суть которого сводится к тому, чтобы упорно отрицать наличие таджикских корней в родословном древе Саманидских царей. И для этого они идут на такие хитросплетения, преднамеренно связывая их род с тюркскими наложницами. Они поступают так вопреки тому, что подобный способ определения династических родословий не встречается ни в античной, ни в средневековой истории какого-либо другого государства.

⁴⁵См.: Кристинсен А. Эрон дар замони Сосониён (Иран в Сасанидскую эпоху) // Перевод Рапида Ёсами. – Тегеран: Мир книг, 1372 х.ш. (1953). – С. 578-579.

⁴⁶ Более подробно см.: Пирумшо Х. Давлати Сомониён дар тарозуи таърихнигорӣ. – Душанбе: Дониш, 2020. – С. 53-61.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ОСНОВАТЕЛЕЙ ДИНАСТИИ И ГОСУДАРСТВО ОБРАЗУЮЩЕГО НАРОДА

В истории определяющую роль в назревающих условиях для образования государственности имеют два фактора: 1) готовность народа к такому для него судьбоносному политическому повороту; 2) появление всесторонне подготовленной личности, которая может уверенно держать в своих руках бразды правления государством. В истории государственности даже неважно, откуда родом основатели тех или иных династий. Важно, что появление таких личностей не может быть случайным.

Ясно одно: создание централизованного государства является уделом только оседлого народа, пришедшего к власти с созидательными намерениями. Только такому народу под силу основать традиции государственного строительства. Исторический опыт показывает, что кочевые племена лишь в силу своей захватнической психологии насильственно овладевали вполне сформировавшимися централизованными государствами и, оказавшись у власти, порою насаждали присущие им нравы. При этом новые властители из числа кочевников, как правило, почти во всех случаях сохраняли прежние структуры и традиционные навыки государственного управления. Это вполне отчётливо наблюдалось после падения государства Саманидов, в длительный период

правления представителей кочевых династических племен. Такие явления довольно четко наблюдаются и в истории других государств.

В истории есть множество примеров, когда формирование и развитие великих империй основывалось на правлении этнически чуждых личностей, но их этнические признаки не могли играть решающую роль в процессе управления государством и в особенности его развития. Например, Александр Македонский родился в Македонии, считавшейся рабовладельческим государством в V-II вв. до нашей эры, расположенной в северо-восточной части Балканского полуострова. Другое государство – Греция, образовалось в южной части этого полуострова гораздо раньше, в середине II тысячелетия до н.э., и получило известность как ведущее классическое рабовладельческое государство в V-IV вв. до н.э. Однако в соответствии с требованиями времени царь Филипп II (359–336 гг. до н. э.) добился централизации северных провинций Македонии, а затем подчинил себе всю Македонию и Грецию. Его сын Александр (336-323 гг. до н. э.), личность которого формировалась на основе греческих ценностей, смог организовать и возглавить могущественную и расширяющуюся греческую империю. С сугубо научной точки зрения, нельзя полностью подчинять мировую величественность Греции этническому македонцу – Александру. С другой стороны, совершенно неправильно подчинять исторические ценности Греции Македонии, потому что там родился Александр. Александр не мог оказаться в стороне от влияния Греческой цивилизации – той среды, из которой вышел сам, и где получил соответствующее воспитание.

Согласно сведениям, содержащимся в источниках (в том числе в «Повести временных лет»), государство Киевская Русь, сложение которого напрямую связано с союзом восточнославянских племен во второй половине VIII и начале IX вв., но истинными основателями которого являлись призванные князьнорманны (варяги) из Скандинавии – Рюрик, Трувор и Синеус. Это происходило в соответствии со сложившимися в античности и средневековье традициями, согласно которым главным критерием для занятия трона являлись генеалогические показатели его владетеля. В этом плане восточные славяне не могли быть исключением. С учетом бытовавшего в то время мнения о том, что родословная связь Рюрика доходила до знаменитого императора Рима – Августа, он был приглашен на княжение как князь Киевский. Однако это не может стать основанием для того, чтобы считать Рюрика единоличным основателем Киевской Руси. Без соответствующих предпосылок для образования Киевской Руси, Рюриковичи не могли оказаться у истоков древнерусского государства, которое сложилось и сформировалось в контексте реалий того времени. «Земля Руси» (протяжённная от Киева до Воронежа) получила своё название по имени племени «Рось» (Русь), входившего в состав Полянского племенного союза.

Дата образования феодального государства Киевская Русь была определена в 882 году, когда в Киев вошел князь Олег с войском славян и наемным отрядом варягов. В период княжения других представителей династии Рюриковичей: Игоря (912-945), Ольги (945-964), Святослава (964-972), Владимира (980-1015) все восточные

племена славян, объединившись, превратили его в крупнейшее европейское государство. В этот период естественно, что варяжское войско пришло с династией Рюриковичей и полностью смешалось со славянами. Единственным оставшимся признаком было династическое имя Рюриковичей, совершенно забывших свою этническую связь с варягами. Историческое развитие и изменения и будущее России, вплоть до уровня великой мировой империи, были достигнуты не заслугами лишь только правящей династии, а усилиями русского народа и других народов на ее обширной территории. При этом естественно, что горделивая защита династического управления и полное подчинение истории государства его этническому происхождению не более чем смехотворны.

Это хорошо заметно на примере восшествия Наполеона на французский императорский престол. Наполеон Бонапарт (1769-1821), известный исторический деятель, генерал, первый консул (1799-1804), император Франции, родился в городе Аяччо на острове Корсика, находившемся под властью Генуи (Италия), за год до рождения Наполеона, в 1768 году, Корсика вошла в состав Франции. Естественно, с этого года началось внедрение на этом острове французского языка и культуры. Хотя знания, мировоззрение и военные навыки Наполеона сформировались во Франции, но по своему этническому происхождению он был чужим для Франции. Однако нелепо считать централизованную власть и могущество, которые Франция приобрела в период его консульства и императорское правление достижением корсиканцев. Сам он является, с одной стороны, продуктом трагической революционной действительности, а с другой – полити-

ческих и военных явлений того времени во Франции. Несмотря на трагическое крушение его амбициозных планов по завоеванию мира, всё же Наполеон признан исторической фигурой французской национальной истории.

Всё это свидетельствует о том, что в силу сложившейся ситуации власть менялась, порою оказывались на её вершине представители чужеродных династий, которые по воле обстоятельств сумели направить жизнь народа страны в созидательное русло. Наблюдалась и случаи, когда власть оказывалась в руках представителя из местных народов, но вскоре в результате его бездарности начинались дворцовые интриги, междоусобицы, сепаратистские движения, которые в конечном итоге приводили к переворотам, и хуже того, к распаду государства. Это приводит к выводу о том, что решающую роль в обеспечении стабильности и создании соответствующих условий для направления государства в нормальное созидательное русло, являлось налаживание доверительных взаимоотношений между властителем и народом. Другими словами, без появления соответствующих условий и без участия местного государствообразующего оседлого населения никакие отдельные личности, независимо от их родословных показателей или организаторского таланта, не могут создавать государства.

Это наглядно прослеживается на примере истории образования государства Саманидов. Оно не было случайным явлением. Оно связано с началом появления первых зачатков освободительной борьбы местного оседлого населения против Арабского (Аббасидского) халифата в Мавераннахре и Хорасане, приведшей к образованию государства Тахиридов. Хотя некоторые малосве-

душие историки могут возразить, опираясь на то, что государство Тахиридов (821-873) образовалось при непосредственной согласии халифа Мамуна (813-833), но освободительное движение местного персидско-таджикского населения против Халифата началось намного раньше. Поддержка Тахиридов со стороны халифа была вынужденной мерой. Это наблюдается в процессе прихода к власти Саффаридов (873-903), которые открыто выступали против Аббасидского халифа аль-Мутамида (870-892). Это наблюдается и в ходе утверждения легитимной власти Саманидов.

Вышесказанное наводит на мысль, что без созревания соответствующих политических условий, без непосредственной поддержки местного оседлого населения невозможно создавать необходимые условия для образования государственности и утверждения династического управления. Но всё же, когда происходило восшествие на трон одного из местных династических правителей, ему на много проще было наладить отношения со своими коренными некоренными народами, что в целом гарантировало обоюдное соблюдение созидательных интересов. Примером тому являются высокие достижения таджикской государственности Саманидов во всех сферах экономической и культурной жизни на всем пространстве Мавераннахра и Хорасана. Таким образом, особенность государства Саманидов состоит в том, что как само государство, так и его основатель являлись творением одного народа – таджикского.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ЗАХВАТА ВЛАСТИ КОЧЕВЫМИ ПЛЕМЕНАМИ И «ВАРВАРАМИ»

В истории немало примеров о новом государственном образовании на прочном фундаменте потерпевшей поражение некогда могущественной державы. Это зачастую совершают кочевые племена, для которых войны и набеги считались их традиционными занятиями. Известный русский востоковед В. В. Григорьев, хорошо знавший природу и нравы кочевых племен, писал: «Изучая историю кочевых народов, в их столкновениях с оседлыми, и историю оседлых государств в их борьбе с кочевниками, встречаем постоянно, у тех или у других, в Азии ли, в Европе ли, в Африке ли, одни и те же политики, одни и те же приемы для достижения их относительных целей. И как не хитрая политика кочевников удавалась им всегда и везде, пока оставались они верны кочевой природе своей, таким же образом оседлые государства постоянно политики этой не понимали, принимали постоянно по отношению к кочевым все одни и те же бесполезные меры, впадали всегда и везде в одни и те же, вредные, а иногда гибельные ошибки»⁴⁷.

Порою такие же самые нападения совершались на могущественные государства в период их нахождения в кризисном состоянии со стороны племен и народов,

⁴⁷ Григорьев В. В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // Журнал Министерства народного просвещения. – Март 1875. – Часть CL XXVIII. – СПб., 1875. – С. 1-2.

находившиеся на низком уровне развития, именуемых «варварами». Одним из ярких примеров тому является падение Римской империи. В силу ряда причин ослабление империи в период ее поздней истории (III – начало IV вв.), привело к регулярным набегам германских племен – франков, готов, алеманов.

Римские императоры в этот период не могли, как прежде, контролировать Малую Азию, Финикию, Египет, Палестину. Чтобы каким-то образом контролировать ситуацию, взошедший на престол в 306 г. Император Константин Великий перенес столицу из Рима в Византий – древнегреческий город. Позднее этот город назвали его именем – Константинополь. В 395 г. Император Феодосий I разделил Римскую империю между сыновьями на две части: западную территорию с центром в Риме и восточные земли со столицей Константинополь.

Начиная с IV в., по мере сложения соответствующих обстоятельств, в Западной Римской империи всё больше усиливалась политическая и экономическая нестабильность, приведшая к активизации передвижения племен, которых римляне называли варварами, из глубин Европы на ее территории. Восточная Римская или Византийская империя развивалась отчасти в силу возникновения и развития феодальных производственных отношений более стабильно. В дальнейшем, для защиты своих северных рубежей от постоянного нашествия варваров, императоры Западной Римской империи из их же представителей (германские племена готов, вандалов и франков) нанимали на службу, расселяя их на римских землях.

В 410 г., нарушив эту договоренность, готы захватили и разграбили столицу Западной Римской империи – Рим. Второе нашествие и разграбление Рима было совершенно варварами и вандалами (африканское племя) в 455 году. Были разрушены храмы, дворцы, произведения искусства, жилые дома, уничтожены бесценные произведения искусства. После очередного разгрома и свержения последнего римского императора – Ромула в 476 году, Западная Римская империя распалась и пришла в запустение.

Что касается Восточной Римской империи – Византии, то она, несмотря на постоянную борьбу с германскими племенами и персами, развивалась и процветала как могущественная держава. В дальнейшем в результате длительной войны с турками-османами в XIV-XV веках она потеряла былую мощь. 30 мая 1453 г. турецкий султан Мехмед II, несмотря на мужественное сопротивление горожан, занял Константинополь, и город был переименован в Стамбул. Таким образом, на могущественном фундаменте Византийской империи возникла новая Турецкая держава.

Таким же примером, который может подтвердить процесс прихода к власти, по выражению Л. Гумилёва, «варварских племён», может послужить падение Китайской империи. Проследивший на основе содержания источников падение Китайской империи, ученый пишет: «Во время, носящее в китайской истории название «эпох пяти варварских племен» (304-399), Северный Китай был захвачен и покорен хуннами и сяньбийцами, основавшими там ряд эфемерных государств, похожих на варварские королевства готов, бургундов и вандалов. Как в

Европе на Балканском полуострове устояла Восточная Римская империя, так и в Китае на берегах великой реки Янцзы удержалась самостоятельная Китайская империя – наследница империи Хань. Она была так похожа на свою великую предшественницу, как ранняя Византия – на Рим эпохи расцвета, и также находила в себе силы лишь для обороны против варваров, наседавших с севера и запада. Слабые и бездарные императоры часто менявшихся династий (в 420 г. пала династия Цинь, в 479 г. – Лю-Сун, в 502 г. – Южная Ци, в 557 г. – Лян), оставили в жертву варварским вождям китайское население «Срединной равнины»⁴⁸.

Другой пример из истории того же средневекового Китая, после вторжения в который, исходя из своей природы варварства, бесчинствовали над по-коренным народом монголы. На основе доступных ему источников В. В. Григорьев пишет: «Известно, что по завоевание Северного Китая, монголам приходила мысль перерезать все народонаселение этой страны и обратить возделанные земли её в пастбища для себя. Чем лучшим, нежели это предположение, характеризуются экономические понятия и вкусы кочевника? Тучное пастбище, на котором бы, откармливались и жирели стада его и табуны – верх всех его желаний, всех его мечтаний... всякая стена – препона для него, всякий дом тюрьма, всё, чего не может он унести с собой, – вздор. И вот, сознательно или бессознательно, стремясь к осуществлению своего

⁴⁸ Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. (Серия «Вехи истории»). – СПб.: СЗКЭО, Издательский дом «Кристалл», 2002. – С. 10.

идеала, он, при возможности, сметает с лица земли всё, что мешает ей быть пастбищем»⁴⁹.

Государство Саманидов постигла та же участь, с которой столкнулись Римская и Китайская империи накануне и вначале раннего средневековья. Его распад происходил в результате усиления политической нестабильности (дворцовых интриг, активизации внутреннего сепаратизма и внешних угроз, перераставших в вооруженные конфликты), и нарастания кризисных явлений в социально-экономической жизни страны. Наряду с этим в качестве определяющей причины распада государства следует считать явное предательство рабов и слуг. Находясь на службе по охране рубежей государства, продемонстрировали свою преданность хозяевам. Своей рабской услужливостью, входя в полное доверие владыки, они удостоивались высоких должностей, приобретали богатство и даже превращались в крупных рабовладельцев. Но при появлении удобного для себя момента без колебаний и угрызений совести они вставали на путь предательства, насильно захватывая власть из рук своего законного властителя.

В этом плане уместно упомянуть об одной исторической закономерности, связанной с определением роли кочевых племен в создании государства и культуры градостроения. В истории при всём желании трудно найти фактическое доказательство, связанное с созданием самими кочевыми племенами цельного централизованного государства. Как правило, во всех случаях

⁴⁹ Григорьев В. В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами. – С. 4.

путём вторжения захватив государство, они насильно насаждали там свою власть.

При более разумном насаждении своей власти в покорённой стране кочевники, не обладая управленческими навыками, фактически всецело перенимали былую систему управления, основателями которой являлись оседлоцивилизованные народы. Кочевники, захватив власть, могли лишь внедрять некоторые родоплеменные иерархические традиции. Примером тому может служить приход к власти арабских бедуинов, газневидов, караканидов, сельджукидов, чингисидов, шейбанидов.

Наиболее заметным показателем последствия их завоевания было то, что в процессе ассимиляции с местным оседлыми аборигенами в Средней Азии, тюрко-монгольские кочевые племена приспособили себя к условиям и традициям производственной и языковой цивилизации арийско-восточно-иранского населения. В дальнейшем, по истечении длительного периода, под воздействием новых климатических условий, большей степени ассимиляционного процесса происходили у бывших кочевников-завоевателей и антропологические изменения.

Исходя из приведенных выше примеров о непредрасположенности кочевых племён к созидательному труду оседлого населения на примере производства высокохудожественных ремесленных изделий, торговли, градостроения и т. п. деятельности, показать их в роли основателей крупных городов несовместимо с научным восприятием исторической действительности.

Все это наводит на мысль о том, что только оседлые люди склонны к созидательной деятельности. Они являются творцами материальной и духовной культуры, и

могут стоять у истоков государственных образований и градостроения. Это ясно наблюдается в истории древних индоиранцев. Еще задолго до появления тюркских кочевых племен в Средней Азии, персидско-таджикские предки создали высокоразвитую для своего времени региональную цивилизацию. Видимо, исходя из этого, всемирно известный немецкий философ Георг Гегель (1770-1831), связывая созидательную природу персов с религией зороастризма и склонностью к добру, пишет: «Парс должен повсюду содействовать жизни, её плодородию и радости, творить добро словом и делом, везде поддерживать добро среди людей, рыть каналы, сажать деревья, давать приют странникам, возделывать пустынные земли, кормить голодных, поить землю, которая и сама есть субъект и гений»⁵⁰.

Поэтому считать кочевых тюрков основателями таких всемирно известных городов, как Самарканд и Бухара, не вписывается в историческую действительность. Но почему-то Ш. Камолитдин на отрез отказывается воспринимать эту истину.

Историкам региона известно, что при приходе к власти Саманидов, в годы правления Насра (865-892), Самарканд, который в то время был известным таджикским городом, избран в качестве управленческого центра. После его смерти Исмаил Самани оставил Самарканд сыновьям Насра, и перенес столицу в Бухару, основателями которой были таджики.

⁵⁰ Гегель Г.В.Ф. Религия света и добра // Философия религии. В двух томах. – Т. II. – М., 1977. Цит. по: Ариянаме (География, история и культура арийских народов в публикациях). В двух томах. – Т. I. – Душанбе: ООО «Рафи Граф», 2006. – С. 474.

Причиной такого выбора послужило желание основателя могущественного централизованного таджикского государства Саманидов Исмаила положить конец постоянным набегам кочевых тюрков в пределы Бухары. Ему удалось наряду с близлежащими областями совершить успешный поход на Семиречье и Тираз (Талас) в 892 году. Этим он прекратил набеги тюркских разбойников на земли таджиков – Мавераннахр и Хорасан. Надежным источником, освещающим события, развернувшиеся вокруг Бухары, является «История Бухары» Абубакра Наршахи.

В частности о положении Бухары до прихода Исмаила Самани Наршахи пишет: «Издrevле, со времен варварства (чохилия), тюрки разоряли область Согд. В Согде была женщина-царица, которая окружила Согд стеной, после чего область Согд сделалась безопасной от тюрков. Абул-Абасс-и-Туси приказал Мухтади, сыну Хумада, внуку Амра аз-Зухли, который был эмиром Бухары, возвести вокруг Бухары стену, чтобы все бухарские волости находились внутри этой стены, подобно Самарканду, чтобы тюрки не могли проникать в Бухарскую область... Каждый из последующих эмиров приказывал содержать и охранять её стены. Для жителей Бухары это было тяжелой повинностью и податью: каждый год для этой цели тратилось очень много денег и собиралось много людей. Наконец, эмир Исмаил Самани, да будет милость Божия над ним, освободил народ от этой тяжести, на период до полного разрушения стены. Затем он сказал: «Пока я жив, являюсь стеной Бухары»⁵¹. То, что он обещал,

⁵¹ Абубакр Муҳаммад ибни Чаъфари Наршаҳӣ. Таърихи Бухоро. – Душанбе: Пайванд, 2012. – С.74.

он выполнил; постоянно принимая участие в сражениях, не давая возможности тюркским разбойникам нападать на Бухару.

Кочевники по своей природе не могли стать основателями централизованных государств и городов, Исходя из этого, академик Р. Масов верно заметил, что тюрко-монгольские кочевые племена и роды генетически и исторически были расположены к стихийному объединению и распаду. Характерной особенностью кочевого населения было то, что образ его существования, хозяйственная деятельность, быт и нравы, постоянная смена места обитания не позволяли вести оседлый образ жизни и создавать свои национально устойчивые объединения, не говоря уже о каких-либо развитых государственных системах, культуре, городских структурах, аграрных методах ведения сельского хозяйства, которые являлись традиционными для оседлых ирано-язычных народов Средней Азии⁵².

Ш. Камолиддин проявляет неуклюжую попытку во что бы то ни стало «доказать» тюрков основателями Бухары. Для этого в качестве «аргумента» приводит якобы «тюркскую» этимологию слово «Бухара». Хотя специалистами давно доказано, что слово «Бухара» происходит от авестийского «vav» или «var», которое было преобразовано в санскрите в «baga» или «vahar». Как известно, этот термин на пехлевийском – «wahar» или «waharing», что означает «храм огня». В провинции Бихар Индии есть город Бухар, и некоторые известные ученые, например, Р.

⁵²См.: Масов Р.М. Родившаяся на глазах истории (к вопросу образования Узбекской ССР). – Душанбе, 2008. – С.9.

Фрай⁵³, считают, что слова «Бухара» и «Бухар» происходят от «вихара» – общепринятого названия буддистских монастырей (аль-Хорезми, X в.). Таким образом, словом «ал-бухар» называли храм индийских и долопок-лонников.

Исходя из логики непредрасположенности кочевых племён к градостроению, они не могли быть основателями города Бухары. При желании считать кочевников причастными к градостроению следует увязать историю их более ранних волн проникновения в Среднюю Азию и принятия ими оседлых традиций местного населения.

⁵³См.: Фрай Р. Бухара в средние века. На стыке персидских традиций и исламской культуры. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2016. – 223 с.

РОДОВОЕ ГНЕЗДО ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН СРЕДНЕЙ АЗИИ

Всем, кто более или менее знаком с историей, известно, что добровольное, вынужденное или по другим причинам переселение из одного региона в другой всегда была и остается частью истории человеческого общества. Ученые неоднократно подчеркивали этот процесс. В частности таджикский востоковед Х. Назаров справедливо отметил, что перемещение народов и племен из одного региона в другой по разным причинам является нормальным явлением в истории. Поэтому, если они еще являются кочевниками, считать их коренными жителями нового места не соответствует истине. Например, некоторые из историков соседней страны считают народы нынешней тюркской расы наследниками кочевых племен восточного Ирана – Турана, и прослеживают их историческую связь со временем появления древне-иранской священной книги «Авеста», не имея под этим научной основы. «Однако известно, что они родственны монголоидной расе, а их предшественниками считаются гунны, начало которых они упоминают в истории, датируемое III веком до нашей эры. Огузы считаются предками всех тюркоязычных народов»⁵⁴.

История формирования тюркских племён очень сложна и противоречива в древних записях. Хотя для включения в соответствующее русло изучения процесса

⁵⁴ Назаров Х. К истории происхождения и расселения племен и народов Центральной Азии. – Душанбе, 2004. – С. 4.

их этнического формирования в систематизированной форме было предпринято немало усилий известными тюркологами, такими как Л. Гумилёв⁵⁵... Но до сих пор остаётся ещё много неосвещённых страниц в этом направлении. Поэтому, не вдаваясь в подробности анализа достижений и недостатков в историографии проблемы, уместно вкратце упомянуть лишь о процессе распространения этих племён на территории Средней Азии.

Л. Гумилёв в своих работах неоднократно приводит свое видение касательно выхода на арену истории тюрков. В своей довольно известной книге «Этносфера» он, в частности, писал: «Возникли тюркюти так: в 439 г. небольшой отряд князя Ашина бежал из Северо-Западного Китая от победоносных и безжалостных табгачей. Состав этого отряда был пёстрым, но преобладавшим этносом был сяньбийцы, т. е. древние монголы. Поселившись на склонах Алая и Хангая и смешавшись с аборигенами, тюркюты сделали своей узкой специальностью плавку железа и выделывание оружия. В 552 г. их первый хан – Тумын – одержал победу над жужанями, господствовавшими в Степи в IV-V вв. Так был создан Великий тюркский каганат»⁵⁶.

Согласно мнению Л. Гумилёва, «происхождение тюркоязычия и возникновение народа, назвавшего себя «тюрк»/«тюркют» – явления совершенно разные. Языки, ныне называемые тюркскими, сложились в глубокой древности, а народ «тюркютов» возник в конце V в. Вследствие этнического смешения в условиях лесостепного

⁵⁵ См.: Гумилёв Л. Древние тюрки. (Серия «Вехи истории»). – СПб.: СЗКЭО, Издательский дом «Кристалл», 2002. – 576 с.

⁵⁶ Гумилёв Л. Этносфера. История людей и история природы. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 382.

ландшафта, характерного для Алтая и его предгорий. Слияние пришельцев с местным населением оказалось настолько полным, что через сто лет, к 546 г., они представляли ту целостность, которую принято называть древне-тюркской народностью или тюркютами. А сама тюркоязычная среда в то время уже успела распространиться далеко на запад от Алтая в страны, где жили гузы, канглы, или печенеги, древние болгары и гунны»⁵⁷.

В предыдущей его книге «Древние тюрки», прослеживая распространения тюркских племён, Л. Гумилёв высказал мнение о том, что в 555 году территория тюркских племён распространилась к северу от Ташкента, Сырдарьи до конечного течения Амударьи и южных берегов Аральского моря. В то время Согд и Бухара находились во власти эфталитов, которые препятствовали этому движению. Конечно, это распространение не означало создание централизованного тюркского государства в Средней Азии. Однако было определено, что Центральный Казахстан, Семиречье и Хорезм были подчинены тюркютам в течение полутора лет. На северных берегах Аральского моря тюркюты столкнулись с сильным сопротивлением хунских племён (хионитов), варов и огоров или угров, и после победы над ними в 558 г. достигли берегов Волги, но реку не перешли, и ограничились подчинением Приуральских степей⁵⁸.

Отсюда началось распространение тюркских племён и усиление их политического влияния в Средней Азии, хотя этот миграционный процесс начался гораздо раньше, но не мог существенно повлиять на размеренную жизнь

⁵⁷ Гумилёв Л. Древние тюрки. – С. 28.

⁵⁸ См.: Гумилёв Л. Там же. – С. 38-39.

местного оседлого населения. Переселение, вернее, нашествие кочевых тюркских племён в пределах Мавераннахра активизировалось после образования Тюркского каганата (551-744 гг.). Следует отметить, что в конце VII века и середине VIII века арабы заняли основную часть Средней Азии и ликвидировали политическое господство тюрков⁵⁹. Поэтому считать их коренными жителями края, не вписывается ни в какие логические и научные рамки.

Результаты исследования ученых, которые основываются на сохранившихся легендах, китайских и арабоперсидских письменных источниках, в своей совокупности также приводят к мнению о том, что общие родовые гнезда тюркских племён в древности до начала средневековья находились на Алтае, вокруг него и в предгорьях монгольского Алтая⁶⁰.

В III-V вв. на просторах Сибири появлялись мелкие военные единицы тюркских племён, которых нельзя назвать государствами, и в результате межплеменных распрей они исчезали. Само слово «тюрк» – это собирательное имя, которое впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения. Первые признаки государственного образования у тюрков в виде союза племён появились там же, далеко от Средней Азии, в конце V – начале VI вв. На их основе и сложился Тюркский каганат (551-744).

Согласно мнению А. Ю. Якубовского: «Тюркские племена Алтая, объединившись с соседними племенами (толесами и тардушами), создали на территории Цент-

⁵⁹ См.: Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга первая. – Душанбе: Ирфон, 1998. – С. 287.

⁶⁰ См.: Гумилёв Л. Древние тюрки. – С. 24-28.

ральной Азии новое обширное государственное образование полуварварского типа»⁶¹. Указывая на причастность тюрков к этногенезу тюркоязычных народов, этот же автор писал: «В VI-VIII вв. в результате происходившей ассимиляции различных этнических элементов, входивших в тюркское политическое объединение, образовалась группа племён, говоривших на близких языках и наречиях, получившая общее наименование «тюрков» и сыгравшая впоследствии важную роль в этногенезе узбекского и других тюркоязычных народов Средней Азии»⁶².

Не вдаваясь в подробности изложения истории Тюркского каганата, которая занимает особое место в историографии Центрально-Азиатского региона ранне-феодального периода⁶³, на наш взгляд, достаточно привести для примера мнения отдельных исследователей касательно тюрков. По определению В. В. Бартольда, географическое пространство расселения тюрков до образования государства Саманидов занимало территорию «областей, расположенных между мусульманскими владениями и Китаем и населённых тюркскими и монгольскими кочевниками». По воле судьбы, вернее, по указанным выше причинам, после падения государства Саманидов и прихода к власти теперь новых династических представителей из кочевых тюркских племён, как указывает В. В.

⁶¹ История Узбекской ССР. – Т. I. – Книга первая. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. – С. 118.

⁶² История Узбекской ССР. – Т. I. – Книга первая. – С. 118.

⁶³ См.: Бартольд В.В. Общие работы по истории Средней Азии // Соч. – Т. II. – Ч. 1. – М.: ИВЛ, 1963. – С. 19-646; Гумилёв Л. Древние тюрки. (Серия «Вехи истории»). – СПб.: СЗКЭО, Издательский дом «Кристалл», 2002. – 576 с.; История Узбекской ССР. – Т. I. – Книга первая. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. – С. 117-150 и др.

Бартольд, Мавераннахр как по населенности, так и по плодородию продолжал занимать ведущее место среди «подчиненных тюркам областей».

Всё это благодаря сохранению традиции преемственности государственного управления Саманидов, наследниками которых себя считали эти новоявленные властители. Ясно одно: захват власти тюрками в Мавераннахре способствовал активизации перехода кочевых племён к оседлой бытовой и хозяйственной жизни и процесса их ассимиляции с коренным населением. «В этнографическом отношении, – пишет В. В. Бартольд, – страна, первоначально населенная арийцами, также подверглась отуречению, и в настоящее время (к концу XIX в. – Х. П.) по-тюркски говорят не только кочевые обитатели страны, но и значительная часть оседлого населения»⁶⁴.

В этом плане важно, что такие историки - «правдоискатели» из соседнего Узбекистана, как хидоятовы и камолиддины, не определили конкретно, какие из многочисленных племён тюрков имеют прямую причастность к этногенезу узбекского народа. Не мешало бы им ознакомиться с работой казахского ученого Шакарима Кудайберды-улы «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий»⁶⁵, которая увидела свет в 1911 г. в Оренбурге под названием «Шежире» («Родословная летопись») на казахском языке, арабским шрифтом.

⁶⁴ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. – Т. I. – М.: ИВЛ, 1963. – С. 114.

⁶⁵ См.: Кудайберды-улы Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий // перевод Бахыта Каирбекова. –Ама-Ата: СП Дастан «Жазушы», 1990. – 120 с.

В данной работе особый интерес представляет характеристика, данная автором тюркам. В частности он пишет: «Тюркские племена не были одним народом, какими были, к примеру, арабы и персы. Разнородные племена соединялись, образовывали союзы племен, шли войной на соседние государства и либо захватывали их, либо, потерпев поражение, сдавались на милость победителя, становились частью его войска и уже с ним шли покорять новые земли, и так, перетекая из рода в род, из племени в племя, назывались самыми различными именами. Если два тюрка, не будучи из одного рода, хотели породниться, им для этого было достаточно пустить кровь из тела своего и, смешав ее с молоком или кумысом, пить по очереди; отныне они становились единокровными братьями. «Анда» – называли таких братьев»⁶⁶.

Как отмечено выше, среди этого множества различных тюркских родов и племен непосредственно определить генеалогические корни узбеков – задача не из легких. Особенно если встанет вопрос, к каким группам кочевников относить узбеков: к тем, которые проникли в Среднюю Азию до образования Тюркского каганата, или позже? Ясно одно, что до их перекочевки в данном регионе обитало высокоразвитое оседлое население, которое стояло у истоков древней цивилизации. Ответ прост: согласно единоголосному обоснованному мнению специалистов, просторы Центральной Азии являлись исконным обиталищем индоиранских и арийских племен, до того как началось их расселение (II тыс. до н. э.) в другие

⁶⁶ Кудайберды-улы Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. – С. 31.

страны, в том числе в Индию⁶⁷. «Территории самой Средней Азии к VII-VI вв. до н. э., – пишет Б. Гафуров, – целиком занимали иранские народности – бактрийцы, хорезмийцы, согдийцы, племена сакской группы и др. На основе этих народностей, и прежде всего бактрийцев и согдийцев, в раннем средневековье и сформировался таджикский народ»⁶⁸.

В этой связи уместно привести и мнение переводившей с арабского на русский язык оригинал первого в истории тюркской лексикографии словаря, составленного в XI веке Махмудом ал-Кашгари – «Диван Лугат ат-Турк»⁶⁹, казахского ученого, автора предисловия и комментариев З.-А. М. Ауэзовой.

Указывая на сложившуюся политическую ситуацию периода жизни Махмуда ал-Кашгари, автор предисловия пишет: «События X-XI веков привели к тому, что тюрки-огузы объединили под своим началом большую часть бывшей Аббасидской империи, а тюрки-караханиды стали правителями Трансоксании и Кашгари»⁷⁰. З.-А. М. Ауэзова важным фактором утверждения власти тюрков в Восточном Туркестане, Мавераннахре и Хорасане считает принятие ими ислама. По ее мнению, «для Караханидов в X веке важнейшей стратегической целью являлся захват владений Саманидов. Принятие же Ислама предоставляло реальные возможности для победы над Саманидами»⁷¹.

⁶⁷ См.: Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 27-43.

⁶⁸ Гафуров Б.Г. Там же. – С. 37.

⁶⁹ См.: Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк/пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.

⁷⁰ Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. – С. 21.

⁷¹ Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. – С. 29.

Указывая на степень сохранения перевеса влияния таджикских традиций и языка на тюркских правителей, автор пишет: «В период становления новой империи лояльность тюрков по отношению к персам проявлялась в вовлечении персидских чиновников в дела государственного управления при Сельджукидах и приверженности тюркских правителей к поэзии на фарси»⁷². Использование самим ал-Кашгари в своем «Диван Лугат ат-Турк»-е таджикских или персидских словарных статей свидетельствует о явно заметном его влиянии на тюркские языки и наречия.

Разумеется, мы могли бы на этом завершить приведение мнений специалистов о процессе появления тюркских племен, их распространения в пределах Средней Азии и степени их влияния на антропологические показатели местного населения. В этом плане для того чтобы не подозревали нас в предвзятости наши коллеги из братского Узбекистана, главным образом Камолиддин и его единомышленники, считавшие Среднюю Азию своей первоначальной родиной, предпочитаем сослаться на мнения специалистов из этой соседней республики.

В фундаментальном труде, подготовленном узбекскими учеными, под названием «Узбеки»,⁷³ не прослеживается мнение о существовании следов древних тюрков в Средней Азии в древности. Археологические материалы показывают, что становление антропологического облика тюрков здесь происходило намного позже. В данном исследовании, в частности, отмечается: «В

⁷² Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. – С. 32.

⁷³ См.: Узбеки. Из серии «Народы и культура» // Отв. ред. З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д. А. Алимова. – М.: Наука, 2011. – 688 с.

эпоху неолита были представлены два антропологических комплекса: протоевропейский и среднеземноморский (один из подвидов европейской расы – Х.П.)». Эти показатели не претерпели изменения в эпоху бронзы и в первой половине I тыс. до н.э. Даже в эпоху античности (V-III вв. до н.э. – IV в. н.э.), когда происходили «массовые передвижения европеоидных племен из степных областей в Западный, Центральный и Южный Согд и далее в Северную Бактрию (южные области Узбекистана и Таджикистана, юго-восток Туркмении, Северный Афганистан)»⁷⁴.

В раннем средневековье, в период господства Западнотюркского каганата, население оставалось европеоидным. Согласно мнению авторов указанной книги, проникновение брахицефальных европеоидных популяций, имеющих в своем составе монголоидную примесь, происходило в IX в., и оно увеличивалось в XI-XII вв., когда Средняя Азия входила в состав Западно-караханидского каганата⁷⁵.

Дальнейшие показатели увеличения монголо-тюркских этнических элементов Средней Азии в книге приведены в следующем порядке: «Племена, подвергшиеся ассимиляции в домонгольское время, оказали более значительное влияние на морфологический облик населения Средней Азии, чем пришлые послемонгольское (XIII-XIV вв.). Приход в позднем средневековье (конец XV – начало XVI в.) даштикипчакских племен, явившихся одним из важных этнических компонентов в составе

⁷⁴ Узбеки. – С. 15-16.

⁷⁵ См.: Узбеки. – С. 17.

узбекского народа, привёл к увеличению монголоидной примеси и к резкому возрастанию удельного веса представителей северного варианта расы Среднеазиатского междуречья»⁷⁶. Согласно мнению авторов, длительный процесс проникновения тюрко-монгольских племён в Среднюю Азию привёл к появлению соответствующих этнических пластов. «Большинство авторов, – пишется в данной книге, – выделяют три больших этнических пласта: потомки древних и средневековых этносов, которые были оседлыми (как известно, оседлыми были древние предки таджиков – Х.П.); потомки домонгольских тюркских племён, смешавшихся со средневековыми огузами и тюрко-монгольскими племенами, пришедшими с войсками Чингисхана («ранние племена»); потомки даштикипчакских кочевых племён конца XV – начала XVI в. («поздние племена»)⁷⁷. Как явствует из содержания данной книги, авторы в отличие от ряда своих соотечественников, которые однозначно считают тюркские племена автохтонными жителями Средней Азии, в более умеренном тоне излагают мнение касательно периодов проникновения (в большинстве случаев, вторжения) в пределы этого края.

Таким образом, можно привести множество научно обоснованных фактов, начисто опровергающих мнения фантазеров от истории, которые пытаются искать следы,

⁷⁶ Узбеки. – С. 17.

⁷⁷ Узбеки. – С. 18.

подтверждающие возможность считать Среднюю Азию «колыбелью» тюркского этноса. Всё же мнение считать местом их сотворения Сибирское (Алтайское) пространство занимало и занимает прочное место, как отмечено выше, в сознании специалистов, причастных к истории и культуре тюркского народа.

ОБ ЭТНОНИМЕ «УЗБЕК»

Как известно, исследователи древнего и средневекового периодов истории Средней Азии на основе неопровержимых фактов довольно ясно определили древние корни таджиков и ареал их расселения, что трудно сказать в отношении узбеков.

Довольно удачная попытка определения корней и этнонима «узбек» прослеживается в вышеупомянутой работе Ш. Кудайберды-улы «Родословная тюрков». Для большей убедительности приведём полный текст автора из раздела «Озбеки (узбеки)» главы «Тюрки» указанной книги:

«Считается, что озбеки получили своё название по имени хана Озбека. Они из тех казахов, что когда-то последовали за Аз-Жанибеком и были отданы им в подчинение чагатаидов, а затем осели в Мавераннахре и стали называться озбеками. И только. По сути это самые настоящие казахи. Среди них были также моголы (монголы) и татары из улуса Джучи и Чагатая. Основной озбекский род – туяклы. В него входят: молла кесик, мырза кесик. Метани. Эти – из ногайцев. А так же найманские роды: костамгалы, уактамгалы, садырбек. Найманы считают себя отделившимися от коньратцев казахами. Из уйсунейтри рода: ошакты, козтамгалы, ергенекты. Встречаются котеша катаганы. Их прозывают здесь бекзат (кнзьями). А также малочисленные роды: сарай, багырып, жузкырык, мен, кытай, кыпшак, каракалпак, туркмен,

жалайыр, дурман, турк, баташ, мангыт, канлы, келегес, масет, баби, тама, меркит, аллат. Все они пришли из разных мест, и все называются узбеками»⁷⁸.

Для сравнения с мнением Аз-Жанибека уместно сопоставлять этимологическое определение Камолиддина – «узбек». «Согласно узбекской народной этимологии, – пишет автор, – это слово объясняется как *ўзига бек*, т. е. «сам себе бек». Однако на самом деле это слово связано с именем правителя Золотой Орды Узбекхана... В XVI-XVIII вв. слово *узбек* имело этнополитическое значение и выполняло роль своего рода суперэтноса. Согласно *шаджара*, т. е. родословному древу узбеков, объединение даштикипчакских узбеков состояло из 92 племен и родов, каждое из которых имело этническое, т. е. племенное название. А все вместе они назывались «узбеками» по имени их верховного правителя Узбекхана. Переселившись на территорию Средней Азии, они приняли высокую культуру и литературный язык местного тюркоязычного населения, которое соседние народы называли «тюрками». Постепенно большая часть узбеков перешла к оседлому образу жизни, и слилась с местным населением, передав ему своё этнополитическое название «узбек» в качестве суперэтноса. Поэтому этноним *узбек* не противоречил более раннему этнониму *турк*, и рассматривался в качестве его синонима и более позднего варианта»⁷⁹.

⁷⁸ Кудайберды-улы Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. – С. 107-108.

⁷⁹ Камолиддин Ш.С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. Учебник для магистратуры по специальности 5A120304 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (страны Центральной Азии). – Ташкент, 2018. –С. 126.

Противоречивость в суждениях автора наблюдается в том, что само слово «узбек» как этнополитическое понятие появилось в XVI в. по имени даштикипчакского правителя Узбекхана, т. е. не как язык, исторически сложившийся в определенном государстве, а из совокупности говоров 92 племён. Тут же возникнет вопрос, к какому роду относились даштикипчакские племена. Они, как и их правитель, корни своего родословья (шаджару) возводили не то к тюркам, не то к монголам (судя по тому, что избрали титул «хана»), они считали себя наследниками чингисидов). Позже, вторгнувшись в Среднюю Азию, нанеся поражение Тимуридам, заняв бухарский престол, положили начало династическому правлению Шейбанидов. Разумеется, нельзя оспаривать факт проживания тюркских племён в Средней Азии после расширения Тюркского Каганата, под воздействием коренных жителей, перешедших к оседлой жизни. Но всё же явно наблюдался перевес традиций, присущих коренным жителям – таджикам. Имея ввиду именно этот явный перевес, известный исследователь средневековой истории Средней Азии А. А. Семенов указывает, что узбеки своим этническим и государственным названием обязаны персоязычным народам, прежде всего, таджикам, которые внедрились среди подданных Узбекхана ислам, одновременно с таджикским языком. Постепенно термин «узбеки» сменился термином «узбек», который и стал собирательным именем для целой группы тюрко - монгольских племён Ак-Орды⁸⁰.

⁸⁰См.: Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана//Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I, т. XII. – Сталинабад, 1954. – С.4.

Другое дело, что массовое переселение дашти кипчакских племён, хотя несколько нарушило количественный перевес населения на равнинных, для кочевников удобных местностях, но всё же таджики по-прежнему составляли основной контингент городского населения. Им же по традиции принадлежали показатели ремесленного производства, торговли, и другие городские атрибуты. В этом плане автору следовало хотя бы поверхностно заглянуть в изданные за последние два десятилетия книги таджикских исследователей Х. Камола⁸¹, А. Саидова⁸², Дж. Джурабаева⁸³ и др.

Разумеется, разобраться во всём этом без специального исследования крайне трудно, к тому же этими авторами могут быть не охвачены другие родоплеменные компоненты, лежащие у истоков генетического сложения узбеков. Но в одном нельзя сомневаться: они родом не из Средней Азии, проникшие в этот край извне являются представителями этих компонентов и не могли не смешаться с местным оседлым населением – таджиками. Это приводит к мнению о том, что из этих многочисленных многослойных компонентов, причастных к этногенезу узбеков, также нельзя исключать и особую

⁸¹См.: Камол Х. Политическая история Мавераннахра в XVI в. – Душанбе: Деваштич, 2007. – 150 с.; Он же. История вторжения кочевых племен Дашти Кипчака в Мавераннахр и Хорасан. – Душанбе: Дониш, 2012. – 408 с.

⁸²См.: Саидов А. Политическое и социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVII – первой половине XVIII вв. – Душанбе: Дониш, 2010. – 292 с.; Он же. Мовароуннахр дар асри XVII ва нимаи аввали асри XVIII (таърихи сиёси, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ). – Душанбе: Дониш, 2020. – 491 с.

⁸³ См.: Джурабаев Дж. Политическая история Бухарского эмирата во второй половине XVIII – середине XIX вв. – Душанбе-Худжанд: Ношир, 2013. – 318 с.

роль таджиков. Видимо, это и послужило основанием для заключения Б. Гафурова: «К расе среднеазиатского междуречья относятся таджики (в наиболее чистом виде она представлена горными и припамирскими таджиками) и узбеки, но у последних имеется значительная примесь монголоидных элементов»⁸⁴.

Здесь уместно привести впечатления русского государственного и военного деятеля, публициста, писателя и востоковеда, знатока истории и традиций таджиков Д. Н. Логофета (1865-1922). Полученные им сведения в ходе бесед со старожилками горной Бухары и Памира, да и визуальные антропологические наблюдения привели его к выводу о принадлежности их к индоевропейской расе. «Для русских, – пишет он, – эти места являются особенно интересными, так как они были первоначальным местопребыванием наших предков – белых гуннов, скифов и сарматов... Антропологические и лингвистические исследования Дарваза, Шугнана и Рушана могли бы в значительной степени рассеять туман, окружающий вопросы о происхождении славян»⁸⁵.

Всё это означает, что под воздействием длительного процесса ассимиляции с коренным оседлым населением равнин Средней Азии, пришельцы-тюрки постепенно всё больше теряли свои монголоидные антропологические признаки, но всё же их следы заметно сохранились.

⁸⁴ Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 372.

⁸⁵ Логофет Д.Н. В горах и равнинах Бухары (Очерки Средней Азии). – СПб., 1913. – С. 365-366.

Поэтому то, что Камолиддин выдаёт их за автохтонное население Средней Азии, лишено всякого научного основания.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ТАДЖИКОВ В БРЕДОВЫХ ИЗМЫШЛЕНИЯХ ПСЕВДОУЧЕНЫХ

Б. Гафуров, опираясь на надёжные источники, стремился найти связующие элементы расово-этнических корней между предками аборигенов Центральной Азии – таджиков и обосновавшихся на этом пространстве узбеков, независимо от времени переселенческого процесса их родоплеменных тюркских предков. Несмотря на сделанные им научно обоснованные заключения на основе расово-антропологических и общекультурных показателей, хидоятовы и камолиддины приложили максимум усилий, чтобы поставить с ног наголову правду, ставшую неоспоримой в мировой историографии – признание таджиков как извечных аборигенов Центральной Азии. Но, несмотря на это, указанные авторы беззастенчиво пытаются относить их к категории пришельцев.

Они со злым умыслом основой этногенеза таджиков считают не то арабов, не то иранцев, не то тюрков, говорящих на персидском языке, и во всех случаях у них одно в уме: во чтобы то ни стало вычеркнуть этот народ, который все востоковеды мирового уровня считают первозданным населением Центральной Азии, из истории края.

Нарочито не скрывая свою злобу, Хидоятов писал: «Определение «таджика», как этнического образования, в литературе не встречается вплоть до начала XIX в. Они не играли самостоятельной роли в исторических процессах

на территории Центральной Азии и разрозненные группы или отдельные кишлаки народа, называвшегося таджиками, встречались в горных массивах Гималаев и Гиндукуша. Сам термин «таджик», имевший этнический смысл, появляется в литературе лишь в начале XIX в.»⁸⁶. Как видно, этот недобропорядочный искатель «исторической правды» готов определить место обитания таджиков наряду с Гималаями и Гиндукушем даже на Марсе, лишь бы не в Средней Азии.

Хотя можно на сотнях примеров из средневековых китайских, армянских и тибетских источников, персидско-таджикских, европейских, русских сочинений опровергнуть мнения таких далеких от простых этических норм околонуточных злопыхателей, которые выставляют напоказ свои ограниченные профессиональные навыки, рекомендуем им ознакомиться со сводом «Таджики в источниках и трудах исследователей», включающим тексты важнейших источников и трудов, в которых встречается слово «таджик» как этническое самоопределение ареала расселения этого народа в древнем, средневековом и новом времени⁸⁷. Для примера можно привести лишь следующие строки из стихов древнего представителя одного из тюркских племен Юсуфа Баласагунского, родившегося в 1015/16 г. в г. Баласа-гуне, недалеко от города Токмака (Кыргызстан):

⁸⁶ Хидояттов Г.А. Крушение Саманидов. – С. 20-21.

⁸⁷ См.: Таджики в источниках и трудах исследователей // сост. С. Бобомуллоев. – Душанбе: Истеъдод, 2013. – 280 с.; Тот же свод в новом выпуске: Таджики в источниках и трудах исследователей (материалы по истории таджиков) // Сост.: С. Бостонгухар и Н. Убайдуллоев. Книга 1 (с изменениями и дополнениями). – Душанбе: Дониш, 2018. – 520 с.

Да, книг у арабов, таджиков немало,
А нашею речью сия – лишь начало.
Кто мудр, эту книгу оценит с почтеньем,
Лишь тот ценит знания, кто зрел разуменьем⁸⁸.

Исходя из горделивого толкования своих небылиц, согласно которым «история Центральной Азии знает только лишь тюркские династические управления», хидоятовы и камолиддины, как указано выше, пытаются наотрез игнорировать существование таджикских государственных образований, в том числе государства Саманидов. При этом они генеалогические корни правителей данного государства, считают не иначе как тюркскими. Но эти выдумщики от истории должны знать, что отрицание исторических ценностей коренного населения края – таджиков, стоящих у истоков древней и средневековой региональной цивилизации, такими дешевыми беспочвенными приёмами, является совершенно алогичным и бесперспективным.

Уместно также довести до сведения подобных неудачных создателей мифологических сюжетов еще одну истину, имеющую место в мировой истории. Все, что содержится на страницах истории государственности других народов и наций, позволяет сделать вывод о том, что не династия, а творческий гений каждой нации создает благоприятную основу для организации и становления государственности. Поэтому ставить под сомнение непреложную истину о том, что только коренные жители региона – таджики могли заложить основу Саманидского

⁸⁸ Юсуф Баласагуни. Кутатгу билик. (Благодатное знание). Перевод с древне-тюркского языка. – М.: Наука, 1983. – С. 50-51.

государства и его образцовую структуру управления, либо исходит из узости исторического мышления, либо из их чрезмерного патологического упрямства. Иначе они могли бы заметить и то, что в отличие от ряда основателей династических властей, о которых упомянуто выше, таджиками являлись не только основной контингент населения государства Саманидов, но и его династические правители. Вопреки нашедшей своё прочное место в мировой историографии истине, «доказать» тюркское происхождение основателя этой династии является не более чем бредовым вымыслом.

Разумеется, исходя из исторически сложившихся таджикского менталитета и самосознания, мы могли бы столь резко не реагировать на такие явно искаженные измышления Хидоятова, Камолиддина и тех, кто считает исторические ценности региона лишь «достоянием» своего народа. В пылу амбициозного угара эти авторы умышленно, точнее злонамеренно, игнорируют роль таджиков в истории цивилизации Центральной Азии. Хотя этот исторический факт получил полное признание со стороны всех исследователей, причастных к изучению древней и средневековой истории региона. Такое пренебрежительное, даже явно враждебное отношение к историческим ценностям таджикского народа требует адекватного ответа.

Свои в корне неверные взгляды, с целью опорочить исторические и культурные достижения таджикского народа, Ш. Камолиддин протаскивает на страницы своих творений – «Происхождение Саманидов» и разработанного им (в соавторстве с З. А. Илхамовым) и учебно-методического пособия для студентов вузов Республики

Узбекистан – «Саманиды: из истории государственности Узбекистана в IX-X вв.»⁸⁹, а также «Современные концепции в историографии истории Центральной Азии»⁹⁰, злонамеренно навязывая их студентам и магистрам.

В частности в «Современной концепции...» Ш. Камолиддин в противовес таджикской периодизации определяет основные периоды истории государственности Узбекистана до XIV века следующим образом:

1. период перехода к государственному устройству – середина и вторая половина 2-го тыс. до н.э.;

2. начальный период становления государства – вторая половина 1 тыс. до н.э.;

3. древний период государственности – конец 4 в. до н.э. – до 4 в. н.э.;

4. период государственности начала Средневековья – V – середина VIII вв.;

5. период государственности во времена развитого феодализма – IX – начало XIII в.⁹¹

Как известно, основателями древних государственных образований, согласно научному определению ученых, являются оседлые народы. Родовое пространство тюркских племён в древности, как отмечено выше, находилось на Алтае, и лишь на просторах Сибири появились

⁸⁹ См.: Камолиддин Ш. С., Илхамов З.А. Саманиды: из истории государственности Узбекистана в IX-X вв.: учебно-методическое пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений. – Ташкент, 2019. – 192 с.

⁹⁰ См.: Камолиддин Ш.С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. На правах рукописи: учебник для магистратуры по специальности 5А120304 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (страны Центральной Азии). – Ташкент, 2018. – 221 с.

⁹¹ Камолиддин Ш. С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 35.

мелкие военные единицы тюркских племён в IV-V вв. Первые признаки государственного образования в виде союза племён появились там в конце V – начале VI вв., и на их основе сложился Тюркский каганат (551-744). Исходя из этой логики, первые три пункта данной периодизации не имеют никакого отношения к истории узбекской государственности в Средней Азии.

Путаясь в логической последовательности своего изложения, он пытается показать издревле Центральную Азию как обиталище тюркских или тюрко-язычных племён, утверждая, что «в результате массового переселения арийских племён в Центральную Азию во второй половине II тыс. до н. э. основная часть этих народов переселилась в Сибирь, а остальная часть перемешалась с арийскими пришельцами». С другой стороны, он пишет: «На основе сохранившихся немногочисленных письменных памятников того времени (I тыс. до н.э. – X.П.) считается, что население Центральной Азии того времени было ираноязычным»⁹². Для отвлечения внимания несведущего читателя от той истины, что эти «ираноязычные» были предками современных таджиков, он пишет, что «язык письменного памятника не всегда может быть одинаковым с языком живого общения»⁹³. Тут явно неудачно автор пытается навязать читателю своё ложное заключение о том, что «официальный язык мог быть один, а языков общения могло быть несколько»⁹⁴, т.е. этим хочет сказать, что языками общения того периода в регионе явно могли быть тюркские. Исходя из такой логики,

⁹² Камолиддин Ш. С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 81.

⁹³ Камолиддин Ш. С. Там же. – С.82.

⁹⁴ Там же.

следует смириться с той «правдой», что главными обитателями региона были тюрки.

Но это не всё. Автор, категорично заявляя о несостоятельности имеющего место вполне обоснованного мнения в российской и таджикской историографии о том, что «нынешнее таджики являются наследниками и продолжателями культуры древнего иранского населения Центральной Азии», пишет: «На самом деле это не так. Персидский язык относится к группе западных иранских языков и является пришлым в Средней Азии. Что касается древних иранских языков Центральной Азии, то они относились к группе восточноиранских языков, которые сильно отличались от западноиранских. В эпоху раннего средневековья согдийцы в культурном отношении были более близки не к персам, а к соседним оседлым и городским тюркам Средней Азии»⁹⁵.

Этот автор злобно пытается вычеркнуть из своего лексикона «таджикский язык», как, по его мнению, «несуществующий язык» в регионе, и вместо него употребляет «персидский язык». В данном случае ему не мешало бы познакомиться с мнением выдающегося иранского востоковеда Саида Нафиси, считавшего Мавераннахр первоначальной родиной персов. В частности он пишет: «Небесная книга «Авеста» появилась на берегах Сырдарьи и Амударьи... Историки считают, что мы, иранцы, отсюда переселились в современный Иран, который является нашим вторым домом... Персидский язык отсюда распространился в Индию, и сегодня

⁹⁵ Там же. – С. 87.

является одним из живых официальных языков брахманов»⁹⁶.

Но в отличие от этого иранского знатока нашей истории, пользующегося надежными арабо-персидскими источниками, Камолиддин далее в безапелляционном тоне пишет, что «в ягнобском языке много слов, заимствованных из древнетюркского языка. Это означает, что далекие предки ягнобцев были в тесном культурном взаимодействии с древними тюрками. Аналогичная ситуация наблюдается и в памирских языках»⁹⁷. Демонстрируя свои явно бредовые измышления, продолжает язвительные нападки на якобы неверное толкование «таджикского народа» и «таджикского языка».

В совершенно бестактном тоне этот выдумщик пишет: «Вообще в истории никогда не было такого понятия, как таджикский язык» и отдельной этнической единицы по названию «таджикский народ». Эти понятия были придуманы русскими колонизаторами и архитекторами «светлого будущего» в составе «братской семьи» советских народов. На самом деле, «таджикский язык» – это персидский язык, который в средние века считался вторым языком всех принявших ислам тюрков Средней Азии... Тюркам принадлежала большая роль в становлении нового персидского языка, основанного на арабском алфавите... Русские империалисты объявили себя «освободителями» потомков древних арийцев, т. е. «таджикского народа» от гнета тюркских завоевателей. Целью таких заявлений было создание почвы для увековечи-

⁹⁶ Нафисй Саъид. Сарзамини поки ниёконам//Тоҷикон дар масири таърих//Таҳқиқ ва тадвини М. Шукурзода. –Техрон, 1385 ҳ.ш. – С. 37-38.

⁹⁷Камолиддин Ш. С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С.87.

вания своей власти в Туркестане»⁹⁸. Ай да «исследователь»! Ай да болтун!

Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, этот автор обвиняет русских исследователей в признании за таджиками звания «потомков древних арийцев», а другой стороны, более заметный в научных кругах Узбекистана А. Аскарров ещё до этого «научного открытия» Ш. Камолиддина выдвинул свою версию о при-надлежности узбеков к арийцам в своей статье «Арийская проблема: новые подходы и взгляды»⁹⁹ и в особенности в солидной монографии «История происхождения узбекского народа»¹⁰⁰. Нет необходимости подробно вдаваться в анализ указанной статьи, написанной автором с целью продемонстрировать свое негативное мнение по поводу принятия таджикским руководством решения объявить 2006 год – Годом арийской цивилизации, поскольку покойный академик Р. Масов подверг вполне обоснованной критике А. Аскаррова за его огульное антинаучное утверждение о том, что именно тюрки, как первоначальные аборигены края, являются прямыми потомками арийцев¹⁰¹. Но всё же следует проследить за мнением указанного автора касательно «прямой расово-этнической причастности» арийцев к тюркам.

⁹⁸Камолиддин Ш.С. Там же. – С.88.

⁹⁹ См.: Аскарров А. Арийская проблема: новые подходы и взгляды // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Отв. редактор А.А. Анарбаев. Изд.: «Фан», Ташкент, 2005. – С. 81-91.

¹⁰⁰См.: Аскарров А. История происхождения узбекского народа. – Ташкент: Узбекистан, 2018. – 664 с.

¹⁰¹ См.: Масов Р. Фальсифицировать и присваивать чужую национальную историю никому не позволительно // Арии: история и современность. – Душанбе: Шарқи озод, 2006. –С. 3-17; Он же. Тюркизация арийцев: чужь или недомыслие? // Арии: история и современность. – С. 18-28.

Для того чтобы точно передать саму суть измышления автора касательно непосредственной корневой этнической связи тюрков с арийцами, решаемся на несколько более подробное цитирование, явно демонстрирующее его предвзятое отношение к решению данной проблемы. Предлагая новый, более «свежий» взгляд на историю появления арийцев на просторах Центральной Азии, опровергая давно сформировавшееся мнение о том, что Горный Алтай являлся прародиной тюрков, он включает в их территориальную сферу всю Евразийскую степь и Среднюю Азию, где согласно его мнению, обосновались и распространились арийцы, язык которых был тюркским. «Равнины Ирана, – пишет А. Аскарлов, – где осели прибывшие с севера скотоводы, в Авесте получили название «Ариана». В действительности, в древней истории под термином «Ариана» подразумевалась не только территория современного Ирана, но и всё географическое пространство, на котором проживало ираноязычное население. Таким образом, термин «арий» вначале используется как социальное понятие, а затем, когда они смешиваются с местным населением, этот термин обретает новое этническое значение. Под влиянием многочисленного коренного населения арии постепенно забывают свой родной прототюркский язык и иранизируются»¹⁰².

Чтобы ещё прочнее обосновать тюркское происхождение арийцев, автор выдвигает следующее заключение: «Таким образом, на основе исторических процессов, происшедших в середине II тысячелетия до н. э. – начале I тысячелетия до н. э., можно сделать следующий

¹⁰² Аскарлов А. История происхождения узбекского народа. – С. 262.

логический вывод: утверждение, что по своему происхождению аристократы династии Ахеменидов связаны с прототюркскими арийцами, пришедшими сюда с территории Евразийских степей в середине II тысячелетия до н. э., не лишено основания... Поэтому представители династии Ахеменидов Кир II и Дарий I на нескольких надписях особо подчеркнули свою принадлежность к ариям. Даже кушанские цари, к примеру, великий Канишка – на надписях портала монастыря Рабатак, указывают на свое происхождение от протюрков-ариев.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что древняя родина тюркских народов охватывала огромное пространство, в которое входила и Средняя Азия, в первую очередь территория современного Узбекистана. В современной литературе древнее прототюркское и тюркское этнокультурное пространство называется Евразийскими степями, территориальные границы которых обширны. Они раскинулись на огромных равнинных просторах – от северо-восточного побережья Черного моря на западе до южного Байкала и внутренней Монголии на востоке. Их северные границы простираются до реки Урал и даже севернее, вплоть до густых лесов, где проживали финно-угорские племена. Уральские горы и их юго-западные отроги с древности до позднего средневековья принадлежали тюркским племенам... В древности территории прототюркских племен достигали на юго-востоке Северного Китая, на юго-западе – Средней Азии. Археологические источники и народные предания раннее появление прототюркских племен в Средней Азии относят к бронзовому веку. Именно на это время приходится начало этногенеза узбекского народа, когда проис-

ходит ассимиляция иранских и прототюркских корней»¹⁰³.

Как видно, автор всячески старается доказать тюркское происхождение арийцев, хотя в мировую историографию давно вошла непререкаемая истина о принадлежности индоевропейцев, индоиранцев к арийской расе.

Как бы демонстрируя свою высокую познавательную историческую «эрудицию», Камолиддин пытается непременно «доказать» Среднюю Азию первобытным обиталищем тюрков, указывая, что «предки всех ираноязычных народов, арийцы были пришельцами на территории их нынешнего проживания. До арийского нашествия эти земли были населены совсем другими народами, говорившими не на индоевропейских языках... Поэтому их можно считать далекими предками современного тюркоязычного населения Центральной Азии»¹⁰⁴.

Этот «всезнающий историк» почему-то не может выделить узбеков в общей массе тюркских племён. Создается впечатление, что он, специально подменяя их, сам путается в определении понятий «тюрков» и «узбеков». Пытаясь обосновать древние этнические корни узбеков, он пишет: «Я считаю, что этногенез узбекского народа был связан с племенами, оставившими кельтеминарскую культуру, которые составляли часть древнейшего населения Средней Азии. Племена, оставившие эту культуру, говорили на языках урало-алтайской семьи, в т. ч. на древнетюркском языке... Позже они начали заниматься земледелием и садоводством (в эпоху бронзы), и при-

¹⁰³ Аскарлов А. История происхождения узбекского народа. – С.263-264.

¹⁰⁴ Камолиддин Ш. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 12.

нимали участие в создании и развитии городской культуры... После нашествия арийских племен в Среднюю Азию часть древних тюрков переселилась на север и восток, а оставшая часть продолжала жить в городах и селениях под властью арийцев... Таким образом, местные оседлые тюрки Средней Азии с древности проживали в этом регионе и их самосознание менялось в разные времена с приходом к власти разных кочевых племен... Узбекский народ является наследником и продолжателем земледельческой, садоводческой и городской культуры древних тюрков»¹⁰⁵.

Тут трудно определить кто из двух знатоков древнейших корней тюрков, то бишь узбеков, ближе к истине: А. Аскарлов, относящий арийцев к далеким предкам тюрков, или Ш. Камолиддин, который вовсе не видит связи между ними, только с той разницей, что, согласно его мнению, до появления арийцев Средняя Азия была обиталищем тюрков. Ясно одно: между ними существуют разногласия, но каждый из них по-своему далёк от восприятия исторической реалии той далекой эпохи, однако излишняя амбиция толкает их на заведомо ложные конъюнктурные, ничем не обоснованные «научные» заключения.

Камолиддин, наряду с тем, что прародиной узбеков считает Алтай, вместе с тем старается не упускать в этом смысле и Среднюю Азию. «Узбекский народ, – пишет он, – является коренным населением Узбекистана, и в его физических чертах преобладают признаки среднеазиатско-ферганского антропологического типа. Этническая

¹⁰⁵ Камолиддин Ш. С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. - С. 113-114.

история узбекского народа непосредственно связана с этническими и культурными процессами, протекавшими с древнейших времен в междуречье Амударьи и Сырдарьи»¹⁰⁶.

Этот «всезнающий» историк, с одной стороны, упорно пытается доказать узбеков как древнейших аборигенов Средней Азии и как оседлый народ, определяющий их причастность к земледельческой и городской культуре, но, как отмечено, с другой стороны, их непосредственные этнические корни возводит к алтайским тюркам. При всем этом категорически не хочет видеть следы самого древнего оседлого населения региона – таджиков. Главное, после упорных «поисков» ограничивается тем, что «этнический пласт, образовавшийся в результате смешения тюрков и согдийцев, лег в основу будущего узбекского народа»¹⁰⁷. В другом месте, указывая на сложение узбекского народа, пишет: «В этнической истории узбекского народа принимали участие различные компоненты, но их исходный главный корень, был один – древние тюрки»¹⁰⁸.

Как видно, во всей этой его поисковой суете он стремится показать непосредственную причастность предков узбеков к оседлой земледельческой и городской культуре Средней Азии, а с другой стороны, упорно видит их исходный корень в кочевых тюрках Алтая. И всё же в этой неопределённости чувствуется перевес тюркского кочевого элемента с показателями среднеазиатской оседло-

¹⁰⁶ Камолиддин Ш. С. Там же. – С. 32-33.

¹⁰⁷ Камолиддин Ш. С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 98.

¹⁰⁸ Камолиддин Ш. С. Там же. – С. 112.

земледельческой и городской культуры, но без участия таджикских предков.

В определении этнических компонентов узбекского народа, в отличие от Камолиддина, если даже не обстоятельным, то сравнительно убедительным является мнение вышеприведенного казахского автора книги «Родословная тюрков» Ш. Кудайберды-улы. Здесь уместно добавить ещё одно: исходя из общей неприязни к персам и таджикам, Камолиддин не желает принимать во внимание мнение вышеуказанного академика А. Аскарова, приведенное в его книге «История происхождения узбекского народа» лишь по той причине, что тот «делает больше ударение на то, что узбекский народ в своем родословном древе имел 2 главных (осевых) корня (ӯқ илдиэ) – «тюркский и иранский»¹⁰⁹. Ему также кажется неверным мнение специалистов об ираноязычности древнего населения Средней Азии. «Мысль о том, – пишет он, – что древнейшее население Средней Азии было ираноязычным, по нашему мнению, также необоснованно и бездоказательно»¹¹⁰.

Камолиддин то считает таджиков частью восточных иранцев (персов), то их игнорирует как народ, при этом никак не может ясно представить историю собственно узбекского народа, подбрасывая мнимые предположения, выдавая их за историческую правду. При этом, показывая себя как «радетеля, патриота и надежного защитника национальной истории», не желает понять, что история, как и другие научные направления, – это

¹⁰⁹ Камолиддин Ш.С. Там же. – С. 112.

¹¹⁰ Камолиддин Ш. С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 113.

непрерывный исследовательский процесс. Ложь рано или поздно будет обнаружена, и приведёт к позорному изобличению любого автора, избравшего заведомо ложный путь, идущий вразрез с принципами историзма.

В данном случае Камолиддин бесцеремонно пытается перечеркнуть славную историю таджикского народа и представить его как чужеродного для края; не то араба, не то из другого непонятого рода, каким-то образом оказавшегося в «стране тюрков». Если порою и проявляет робкую видимость попытки связать этнические корни таджиков с индоиранской или арийской расой, то это исходит из его опасения серьёзно не втянуться в полемику с выдающимися учёными, давно и прочно определившими яркий след этого древнейшего народа Центральной Азии, стоявшего у истоков региональной цивилизации.

В отличие от него с этим согласны видные исследователи истории узбекского народа. В частности в сводной книге «История Узбекской ССР», где приводятся сведения о составе народонаселения Средней Азии в I тысячелетии до н. э., указано: «Есть основания считать, что массагетские племена первоначально отличались от скифов, сближаясь по языку с фракокиммерийскими народами Восточной Европы. Лишь впоследствии основная их масса была ассимилирована скифами (в персидских источниках – саками). К востоку от массагетов жили саки. В районе нижнего бассейна Сыр-Дарьи жили даи (дахи). Оседло-земледельческое население называлось, обычно, по имени местности: хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы, жители Маргианы, парфяне и т. д. Как скифы (саки), так и эти народности говорили на языках

иранской группы, относящихся, в основном, к восточной его ветви»¹¹¹. Словом, речь идёт о том, что оседлыми земледельцами являлись предки таджиков, это один показатель. Вторым важным определяющим этнической особенности народа является языковая среда, которая в то время была восточно-иранской.

Анализ имеющихся источников приводит исследователей к однозначному выводу о том, что на огромной территории Центральной Азии с древнейших времен проживали оседлые земледельцы, предки таджиков: согдийцы, бактрийцы, парфяне, хорезмийцы, ферганцы и т. д. Сведения этнографических материалов показывают, что у них была единая традиционная обрядовая практика жизненного цикла, язык и ментальность. Впоследствии на этой территории стали появляться кочевые тюркские племена. Это положило начало процессу влияния культур и бытовых традиций оседлых земледельцев на кочевых скотоводов, постепенно перешедших к оседлой жизни.

Ведущую роль таджикских предков не могло ослабить и господство Тюркского каганата в Средней Азии. Это государственное образование «полуварварского типа», созданное тюрками в Центральной Азии¹¹², в том числе в его западной части, не могло на централизованной основе обеспечить соответствующее развитие региона. Согласно мнению ряда исследователей, «Западнотюркский каганат никогда не представлял собою настоящего централизованного государства, а скорее был федерацией десяти тюркских племен, из которых пять

¹¹¹ История Узбекской ССР. – Т. I. – Книга первая. – Ташкент: Наука, 1955. – С. 38.

¹¹² См.: Там же. – С. 118.

обитали к западу от Иссык-Куля, а остальные пять – к востоку от этого озера. Каждая из этих племенных групп имела собственного князя. Борьба шла не только между группами, но и иногда и между племенами внутри каждой группы»¹¹³. Также уместно сослаться на мнения сведущих специалистов, которые, не без основания обрисовав социально-экономическое положение каганата, писали: «Социальный строй народов, объединенных тюркским каганатом, находился на различных стадиях развития. Народы каганата в VI-VII вв. распадались на оседлое – земледельческое и кочевое – скотоводческое население. Передовой и ведущей в культурном отношении частью общества были оседлые земледельческие народы»¹¹⁴. Под оседло-земледельческими народами однозначно подразумеваются таджики.

Пределльно странными являются попытки Камолиддина сделать все исторические ценности региона, начиная с глубокой древности, достоянием тюрков. При этом до XVI в. упоминая о них в общей этнически собирательной форме, он не выделяет узбеков. Но почему-то, когда речь идёт об индоиранской общности, одной из главных ветвей которой являлись восточноиранские племена Средней Азии, извечные жители региона – предки таджикского народа, этот «всезнающий» историк стремится умолчать о прямой причастности его к общим индоевропейским этническим корням. Этим пытается держать в тени основополагающую причастность таджикского народа к созданию исторических ценнос-

¹¹³ История Узбекской ССР. – Т. I. – Книга первая. – С. 122.

¹¹⁴ Там же. – С.123.

тей, определяя его в качестве чужого этнического элемента в истории Средней Азии.

Если бы этот «настоящий защитник» исторических ценностей братского узбекского народа хотя бы на йоту вышел за рамки своих абсолютно узко ограниченных видений, как и другие исследователи, в том числе его соотечественники, то мог бы заметить соучастие других народов, главным образом таджиков, в этих региональных достижениях. В частности при желании он мог бы хотя бы интуитивно заметить прямую причастность государства Саманидов к таджикскому народу. В отличие от его явного нежелания признать историческую истину, авторы «Истории Узбекской ССР» пишут: «С правлением Саманидов связан большой подъем культурной жизни в Хорасане и в Мавераннахре, когда Мерв, Бухара, Самарканд, Ургенч всё более приобретали славу культурнейших центров своего времени... Если в IX и в начале X в. ираноязычное население Мавераннахра не писало на своем родном языке, то уже в середине X в. положение меняется, и таджикский литературный язык, дошедший в малоизмененном виде и до нашего времени, начинает всё больше завоевывать права гражданства в литературе, особенно поэзии... Гением литературного жанра касыды в саманидскую эпоху был таджик Рудаки»¹¹⁵.

Невзирая на многократное повторение в историографии республик Средней Азии о ярко заметной роли таджикского народа в истории и культуре региона, Камолиддин упорно не желает признавать заслуги средневековых таджикских ученых и мыслителей. Разумеется, он не может не заметить получивших мировую

¹¹⁵ История Узбекской ССР. – Т. I. – Книга первая. – С. 223-225.

известность, вышедших непосредственно из таджикской среды в Мавераннахре и Хорасане великих личностей, но излишняя самолюбивая горделивость, присущая лишь человеку с манией величия, а не настоящему учёному, не позволяет ему признать эту историческую истину.

Что касается литературного тюркского языка, то он сложился на много позже, разумеется, не без влияния таджикского языка. Первым тюркским мыслителем, осознавшим необходимость творить на одном из тюркских наречий – карлукско-уйгурском, являлся Юсуф Баласагунский (род. 1015/16) родом из г. Баласагун (недалеко от г. Токмак, Кыргызстан), написавший «Кутаду Билиг» («Благодатное знание») в 1069 г.; другим памятником тюркского языка является «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского (XI в.). Обе эти книги переведены на современный узбекский язык. Их авторы, разумеется, не смогли бы достичь этой славы без таджикской научно-литературной среды.

Камолиддин даже не подозревает, или просто в силу своего упрямства не осознает, что мы знаем куда больше, чем он, об истории узбекского народа, его происхождении, этнических корнях, и процессе его выделения из общей тюркской родоплеменной массы, сложении его народности, нации вплоть до обретения национального суверенитета. Знаем и то, что история наших двух народов тесно переплетена, и что никакие хидоятовы и камолиддины не могут поколебать их дружеские узы.

Посвятив одну из частей своей книги анализу "Национальной концепции Республики Таджикистан", Ш. Камолиддин пытается обвинять историков Таджикис-

тана в "паниранизме", "национализме" и т. д.¹¹⁶. Этот далекий от исследовательской этики «знаток истории», с упреком указывая на С. Айни, якобы использовавшего «труды В. В. Бартольда, написанные по заказу русского правительства, создал идейную основу мифа о «таджикском народе», сконструированного русскими большевиками. Только в то время «таджики» себя не называли «арийцами», так их называли русские колонизаторы». Далее в таком же духе продолжает, что «в то время «таджики» представляли собой разношерстное сообщество различного рода политических отщепенцев и изгнанников» и только «при Президенте Э. Рахмоне, они стали называть себя «арийцами»¹¹⁷.

В этом плане абсурдность его отрицательной оценки, данной академику В. В. Бартольду, проявляется в том, что этот выдающийся востоковед относил таджиков к арийской расе. В этом он противоречит сам себе, не сознавая того, что неоднократно ссылался на работы Бартольда, когда речь шла об истории Туркестана (при этом часто подменяя его понятием «Узбекистан»). Автор абсолютно не осведомлен о личности С. Айни как незаурядного знатока истории таджикского народа по достоверным средневековым источникам, который не нуждался в подражаниях В. В. Бартольду и другим русским или советским исследователям. Этот незадачливый автор должен знать, что заключения нашего Лидера, Президента республики Эмомали Рахмона по тем или иным

¹¹⁶ См.: Камолиддин Ш.С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 40-44.

¹¹⁷. Там же. – С. 44.

проблемам национальной истории всегда выдержанны и научно обоснованы.

Особая бестактность Камолиддина проявляется в его абсолютно огульной формулировке своего «мнения» о том, что таджики «никогда не составляли отдельный народ, а жили отдельными общинами в разных городах на обширной территории Ближнего и Среднего Востока, и Центральной Азии. И, конечно же, у них никогда не было своей отдельной территории и, тем более, государства»¹¹⁸. Эту чушь и выдает он за «Эврика!» – сенсационное «историческое открытие»!

В данной работе, как бы «углубляя и расширяя» свое видение относительно государства Саманидов, автор усердно пытается выдавать его в качестве узбекской государственности. Скороспелое мнение, исходящее из желания якобы углубления источниковедческой базы, еще больше затянуло его в бредовую трясиину. «В источниках (?), – пишет он, – говорится, что предки Саманидов были тюрками. Примечательно, что в родословной предков Саманидов имеются тюркские имена..., происхождение Саманидов было связано с древними тюрками..., правление Саманидов является неотъемлемой частью и одним из этапов истории узбекской государственности. Потому, что в этот период сформировалось основное ядро узбекского народа, определилась территория его проживания, сформировалась система управления и созданы основы национальной идеологии.

¹¹⁸ Камолиддин Ш. С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 43-44.

Поэтому символы Саманидов должны быть установлены не в Таджикистане, а в Узбекистане»¹¹⁹.

Тут явная путаница: с одной стороны, он, как и предыдущий автор – Хидоятов, берет под сомнение независимость государства Саманидов и указывает о полном подчинении его правителей арабским халифам, а с другой, при возникшем желании показать державную мощь тюрков (в данном случае – узбеков), они оба с гордостью величают его «узбекским государством, и Бухара – столица тюркской династии – Саманидов (IX-X вв.)»¹²⁰.

Впрочем, автор, используя это беспочвенное словословие, во что бы то ни стало, пытается «доказать», что именно кочевые тюркские племена, как «древнейшие аборигены с арийскими корнями» Центральной Азии, стояли у истоков цивилизации региона, и именно они являются основателями государства Саманидов. При этом всё это выдается за истину без угрызения совести, явно в противовес давно утвердившемуся в историографии мирового масштаба мнению о том, что именно древние представители индоиранской расы – таджики стояли у колыбели формирования общества и цивилизации региона. Культурно-производственные достижения других племен и народов Средней Азии во многом связаны со сложившимися их взаимоотношениями с таджикским народом.

¹¹⁹ Камолиддин Ш.С. Там же. – С. 104-107.

¹²⁰ Камолиддин Ш.С. Указ.соч.– С. 108.

НА ПУТИ ОДУРМАНИВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ МОЛОДЕЖИ

В книге Ш. Камолиддина «Саманиды: из истории государственности Узбекистана IX-X веков», написанной в соавторстве с З. А. Ильхомовым, которая представлена как учебное пособие, если не принимать во внимание некоторые дополнения, в целом её содержание протекает в русле предыдущих вымыслов автора. Книга состоит из трех частей, первая часть из которых посвящена преднамеренно предвзятому определению генеалогии Саман-худата.

Согласно желанию автора, выдававшего свою выдуманную версию за научное «открытие», родоначальник династии Саманидов – Саман-худат, имел тюркские родовые корни. Во всех 14 разделах этой главы, приводя в большинстве своем удобные для себя цитаты и ссылки из англоязычных авторов, создает видимость научного поиска в «источниках» с одной целью – «доказать» тюркские этнические корни Саман-худата.

Во второй части книги – «Саманиды», исходя уже из якобы «доказанности» этого факта в первой части книги, тюркских корней родословия Саманидов, автор пытается «доказать» в структуре их государственного управления перевес тюркских традиций. Особо подчеркивая брачную связь саманидских правителей стурчанками, этим пытается не только усилить показатели родового пере-

веса тюрков, но и «полнокровного» тюркского происхождения Саманидов.

С такими же намерениями приводит сведения о взаимоотношениях Саманидов и тюрков-огузов. С заметной горделивой позой автор, пытаясь «доказать» причастность тюрков к движению аш-шуубийя, пишет: «Тюркский шуубизм в отличие от иранского, безусловно, имел некоторые свои особенности. Если иранский шуубизм, был направлен против господства арабов и арабской культуры в исламском мире, то тюркский шуубизм, был связан с массовым принятием ислама оседлыми тюрками Средней Азии и со стремлением высшей тюркской военной аристократии и интеллигенции занять достойное место в общественно-политической и культурной жизни арабского халифата. При этом они делали ставку не на противостояние арабам, а на тесный военно-политический союз с ними, который вскоре перерос в еще более тесный тюрко-арабский этнокультурный симбиоз»¹²¹. С гордостью восхваляя тандем тюрков с халифами и наличие тюркского течения в шуубидском движении (если оно существовало), этот автор не осознаёт, что этим он противопоставляет выдуманное им течение настоящему шуубизму.

Известно, что шуубизм, как антиарабское движение, начиная с середины IX в. становится идеологической основой антихалифатских народных движений. Особое распространение получил среди образованных кругов местного оседлого населения Мавераннахра и Хорасана, которое всячески стремились подчеркивать свое куль-

¹²¹ Камолитдин Ш.С., Илхамов З. А. Саманиды: из истории государственности Узбекистана в IX-X вв. – Ташкент, 2018. – С. 99.

турное превосходство над арабами¹²². Они стремились захватить власть Арабского халифата в свои руки, возрождая былые традиции, утверждая местный, т. е. таджикский, язык в качестве официального.

Под влиянием шуубизма в особенности усиливается освободительная борьба против Халифата в годы местных династических правлений Тахиридов (821-873 гг.), Саффаридов (873-903 гг.). В годы правления Тахиридов в придворных кругах и среди правящих слоев особое положение получил местный (таджикский) язык. Якуб ибн Лейс – представитель династии Саффаридов – вовсе отказался слушать посвященные ему стихи на арабском языке. «При Саманидах, – пишет Б. Гафуров, – таджикский язык того времени, называвшийся в письменных произведениях дари, или фарси дари, был принят в основном как государственный язык. Официальная переписка по вопросам, не имевшим отношения к религии, стала вестись преимущественно на этом языке»¹²³. На таджикском языке (дари, фарси-дари) написаны всему миру известные научные работы и литературные произведения эпохи Саманидов. Всё это свидетельствует о завершении процесса образования таджикского народа и его государственности, что не могло быть достигнуто без упорной освободительной борьбы, в ходе которой заметное место занимает шуубидское движение.

Словом, имеющиеся сведения в источниках и обоснованные заключения исследователей однозначно подтверждают непререкаемый факт, что организующей и направляющей силой шуубидского движения являлись

¹²² См.: Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 332-333.

¹²³ Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 377.

патриотические настроенные слои таджикско-персидского населения, боровшиеся за возрождение своих сложившихся веками традиций государственного управления и родного языка¹²⁴.

В разделе «Саманиды и «священные» войны против тюрков», Камолиддин также делает упор на утверждение постулата о родственной связи Саманидов с тюрками. «Принятие ислама, – пишет автор, – самими тюрками, т. е. Саманидами, позволило мусульманам вести под их руководством «священные» войны против неверных тюрков, основной целью которых был захват рабов для дальнейшей их поставки в Багдад. Саманиды сыграли большую роль, как в исламизации тюрков, так и в тюркизации Средней Азии»¹²⁵ (Как это следует понимать? – Х. П.).

В третьей части этого учебного пособия – «Система управления Саманидов», автор, указывая на сохранение традиционной системы управления Сасанидов, вместе с тем утверждает, что «Саманиды, руководствовались в первую очередь, указаниям халифов». Далее, признавая их самостоятельное управление, пишет, что Саманиды «являлись первой мусульманской династией неарабского

¹²⁴ Более подробно о шуубидском движении см.: Бекзода К. Шуубия: диссиденты средневекового ислама. – Душанбе: Дониш, 2017. – 395 с.; Enderwitz, S. «Shu'ubiyya». *Encyclopedia of Islam*. Vol. IX (1997), pp. 513-14. Macdonald, D. B., "Shu' ūbiya", in: *Encyclopaedia of Islam, First Edition (1913-1936)*, Edited by M. Th. Houtsma, T.W. Arnold, R. Basset, R. Hartmann. Consulted online on 02 May 2023 <http://dx.doi.org/10.1163/2214-871X_ei1_SIM_5404>First published online: 2012;Linguistic Shu' ūbiya and Early Neo-Persian ProseAuthor(s): Lutz Richter-BernburgSource:Journal of the American Oriental Society, Vol. 94, No. 1 (Jan. - Mar., 1974), pp. 55-64; Интернет-ресурс: Published by: American Oriental Society Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/599730/>.

¹²⁵ Камолиддин Ш. С., Илхамов З. А. Саманиды: из истории государственности Узбекистана в IX-X вв. – С 107.

происхождения, правившей более ста лет и передавшей власть по наследству из поколения к поколению»¹²⁶.

Как заметно, этот борзописец признает, что Саманиды являлись династией неарабского происхождения, находившейся у власти более ста лет. В тоже время, указывая правовой статус Саманидов, он на прочь отрицает независимость этого государства и пытается доказать, что оно полностью подчинено Халифату. «С точки зрения законодательства, – пишет он, – на наш взгляд, система управления Саманидов, так же, как и само их правление, не может рассматриваться в качестве независимого государства... Если смотреть на этот вопрос с юридической точки зрения, то никакого независимого государства в то время, т.е. в IX-X вв., в Средней Азии не было»¹²⁷.

С другой стороны, подчеркивая полную самостоятельность саманидских правителей в назначении всех категорий чиновников, указывает, что «Саманиды не забывали о своем тюркском происхождении, что прослеживается на всем протяжении правления этой династии. Почти всё их окружение в столичной Бухаре, т. е. служившие им крупные сановники, политические деятели и военачальники, были тюрками. Большинство удельных правителей, назначаемых Саманидами в подчиненные им области, также составляли тюрки... Саманиды, были самостоятельными в ведении внутренней хозяйственно-финансовой политики, но их правление было строго

¹²⁶ Там же. – С. 131.

¹²⁷ Камолидин Ш. С., Илхамов З.А. Саманиды: из истории государственности Узбекистана в IX-X вв. Учебно-методическое пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений. – Ташкент, 2019. – С. 139.

ограничено определенными правами, которыми их наделили халифы»¹²⁸.

Даже в одном этом предложении наблюдается нелогичность суждений автора. С одной стороны, он настаивает на «самостоятельном ведении Саманидами хозяйственно-финансовой политики», что является главным показателем самостоятельности их правления, а с другой – на «ограниченности их правления». В этом смысле он даже не может понять, что главным определителем самостоятельности государства является его финансово-экономическая независимость. В этой связи уместно отметить, что одним из показателей государственной независимости государства Саманидов было самостоятельное распоряжение эмира общим доходом страны. «Доход Саманидов, - пишет В. В. Бартольд, - приблизительно равнялся 45 миллионам дирхемов и всецело поступал в их распоряжение»¹²⁹.

В этой части своего учебно-методического пособия Камолиддин вместе со своим соавтором в очередной раз подчеркивают тюркское происхождение Саманидов. Но хотя несколько робко, они всё же вынуждены из-за чувства неловкости перед исторической правдой признать перевес влияния иранской традиции и культуры. В частности авторы указывают: «Так как Саманиды были выходцами из среды тюрков Тохаристана и испытали на себе значительное влияние иранской культуры, они

¹²⁸Камолиддин Ш. С., Илхамов З. А. Саманиды: из истории государственности Узбекистана в IX-X вв. – С. 169-170.

¹²⁹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – Т. I. – М.: ИВЛ, 1963. – С. 298.

уделяли большое внимание развитию персидского языка и культуры»¹³⁰.

В этой связи уместно также упомянуть о ещё одном яром стороннике беспочвенно-огульного мнения считать как происхождение Саманидов, так и их государственность тюркскими. Таким является профессор Стамбульского университета искусств им. Мимара Синана Айдын Уста, автор статьи «Первое мусульманско-тюркское государство: Саманиды». Как явствует из названия статьи, автор с такой же ярой бескомпромиссностью, как и Камолиддин, однозначно выносит вердикт: считать государство Саманидов, историческим достоянием тюрков. Но судя по содержанию данной статьи, автор явно далек от научного осмысления эпохи. Свидетельством тому являются такие примитивные его положения, как: «В некоторых источниках (?) происхождение Саманидов относят к иранцам, но при внимательном изучении источников ясно видно, что они являются тюрками.

Наиболее серьезным основанием для тех, кто основывает их на иранском происхождении, являются генеалогии, восходящие к легендарному иранскому правителю Каюмарсу (Хазрати Адам). Однако странным образом остался без внимания и тот факт, что в этих источниках имеются имена тюркского происхождения как Тамгас, Гузек, Кулеркин, Кабба, Самтогин, Ишхин (Ихшид). Как видно, автор не указывает, на какие именно источники опирается. Далее, если автор даже обнаружил тюркские имена в «источниках», то это ещё не доказательство их генеалогической связи с Саманидами.

¹³⁰ Камолиддин Ш. С., Илхамов З. А. Саманиды: из истории государственности Узбекистана в IX-X вв. – С. 131.

Далее этот автор пишет: «Еще одной причиной, по которой Саманидов ошибочно называют иранцами, является активное применение персидского языка в период их правления». Приведя такие же смехотворные, выдуманные, логически несвязанные "аргументы", как «исходные данные», автор указывает, что «Саманиды были первым мусульманским тюркским государством. Различные мнения об их происхождении являются результатом попытки разорвать цепочку тюркских государств от Средней Азии до Анатолии в ее наиболее чувствительной точке, а именно в процессе исламизации. Благодаря им турки получили возможность изучить эту новую религию от своих же предков»¹³¹. В целом данная статья турецкого автора, ввиду отсутствия источниковедческой базы для серьезного научного анализа, ничего нового не может внести в огульно искаженные мнения его узбекских коллег касательно генеалогии Саманидов и их государственности.

Как отмечено выше, с какой бы стороны ни смотрели сторонники тюркского происхождения Саманидов, на какие бы удобные для себя «источники» ни опирались эти «определители» их генеалогии, они не могут поколебать давно доказанную на мировом уровне истину о том, что Саманиды однозначно имели арийско-таджикские корни. Это подтверждается антропологическими признаками (таджикская внешность Бахрама Чубина), что довольно достоверно описано в исторических источниках. Даже если десятки хидоятовых и камолиддинов попытаются доказать тюркскую связь этой семьи «тысячами фактов»,

¹³¹ Интернет-ресурс: turkishnews. Com [https:// www. Turkishnews. com> content> tad>](https://www.Turkishnews.com/content/tad/) 21 июня 2023 г.

они не смогут изменить эту непререкаемую истину. Правда о месте древнего народа региона – таджиков в истории Средней Азии, полной независимости Саманидского государства, его цивилизационной миссии, навсегда останется в мировой историографии.

В любом случае настоящий исследователь должен знать, что заложенные интеллекты, свойственные цивилизованному народу, являются закономерно надежной основой для создания государства и его управления. В данном случае генетически заложенный талант таджиков проявился в том, что Саманидское государство, как с династической позиции, так и с позиции высокой культуры государственного управления, полностью являлось творением таджикского народа. Эта непреложная истина нашла исчерпывающее подтверждение в мировой ориенталистике.

Уместно отметить, что накопленный опыт и незаурядное искусство государственного управления, свойственные таджикам как до Саманидов, так и в период их управления, сохраняли свою востребованность на протяжении почти тысячелетнего периода, когда политическая власть находилась в руках представителей иноземных и чужеродных племен. Иными словами, хотя таджики и были лишены верховной власти после распада Саманидского государства, но благодаря своей образованности и организаторским способностям они всегда занимали ключевые позиции в государственно-административной структуре и религиозно-просветительские должности в среднеазиатском регионе. Ярким примером тому является образцовая деятельность везиров (министров) и других высокопоставленных лиц из числа таких таджикских

представителей, как Али Шатранджи, Наджиби Фергани, Али Банизи, Али Сипехри в период правления Караханидов, Ахмед Хасан Майманди, Абу Сахл Завзани, Абул Касим Касир, Абулфатхи Рази, Хасанаки Вазир – в период правления Газневидов, Ходжа Низам-аль-Мульк Туси, ученый везир Сельджуков, наиболее известные везиры государства Хорезмшахов, Шахабуддин Насави, Фахруддин Али Джунди, получивший известность как Шараф-уль-мульк, Шамсуддин Мухаммад из знаменитого рода Джувайни и десятки других выдающихся деятелей, сыгравших ключевую роль в государственном управлении при тюркско-монгольских династических правителях в Центральной Азии. Важно и то, что именно на таджиков было возложено возглавить основные государственно-религиозные учреждения вплоть до падения ханских режимов в Средней Азии. Более того, именно таджики составляли просвещенную прослойку общества. На это четко указывают сведения, имеющиеся в официальных источниках, историко-географических сочинениях средневековых авторов и исследованиях ученых, причастных к изучению средневековой истории Средней Азии¹³².

В этом плане абсолютно неуместно оспаривать вполне обоснованное мнение известного таджикского ученого, академика А. Турсона. Оно гласит: «Ни одна тюркская или монгольская династия, господствовавшая в Средней Азии за минувшее тысячелетие, не установила,

¹³² См.: Низомульмулки Туси. Сиару-л-мулук (Сиёсатнаме). – Четвертое издание. – Тегеран: Интишороти илмӣ ва фарҳангӣ, 1378 г.ш; Низомулмулк. Сиёсатнома. Таҳияи пешшӯфтор, тавзеҳот ва луғот А. Ҳочиев. – Душанбе: Шарқи озод, 1998; История Таджикиского народа. Т. III. – Душанбе: Дониш, 2013; Саманиды – уникальный исторический феномен в мировой цивилизации. – Душанбе: Дониш, 2019; Пирумшо Ҳ. Давлати Сомониён дар тарозуи таърихнигорӣ. – Душанбе: Дониш, 2020 и др.

да и не могла установить (в силу отсутствия у них соответствующей политической традиции, пригодной для управления в земледельческой цивилизации) какие-либо новые формы государственности. Все политические формы, функционировавшие с XI в. по начало XX в., были копиями или прямыми продолжениями саманидских институтов. Более того, во многих, если не во всех государственно-управленческих структурах должности первых министров и высших сановников занимали таджики, о высшем духовном сословии общества и говорить нечего: оно полностью состояло из таджиков мулл и кази... Фактически все важнейшие сферы социального бытия края – экономика и торговля, культура и образование, а также вся религиозная жизнь – находились в руках таджиков... Официальным языком государственного делопроизводства, религиозного просвещения и, что очень существенно, языком преподавания на всех ступенях обучения и воспитания вплоть до начала большевизации края оставался форси-таджики»¹³³.

Так что у нас есть множество неоспоримых фактов, свидетельствующих об определяющей роли таджиков в тысячелетний период после падения государства Саманидов, когда верховная власть находилась в руках чужеземных и чужеродных представителей тюркомонгольских династических кланов. Но, несмотря на всю неприязнь и предвзятость хидояттовых и камолиддинов по отношению к историческим ценностям таджикского народа, соблюдение святого принципа историзма не позволяет нам использовать исторические ценности,

¹³³ Турсон А. Самандар и Зулкарнайн: к историософии таджиков// Таджики: история, культура, общество. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 40-41.

присущие таджикскому народу в далеком и более позднем периоде его истории, в качестве аргумента для принижения роли и места народов соседних республик на том или ином этапе истории региона в целом. Это, в отличие от указанных авторов, не наш метод.

В истории Центральной Азии необходимо дать реальную оценку места каждого народа, независимо от периодов их миграции и расселения на этом пространстве. Этапы становления народности и государственности, происходившие в разные исторические периоды, до и после в регионе, не следует рассматривать в качестве показателя исторической ценности и средства национального превосходства в регионе. Но это не значит, что все прошлые ценности нужно делить поровну. Или ещё хуже, примириться с совершенно беспочвенным утверждением таких псевдоисториков, которые без угрызения совести пытаются объявить своих предков древнейшими аборигенами края и основателями всех исторических достижений, при этом считая настоящих аборигенов – предков таджикского народа – пришельцами.

Эти «историки-правдоискатели», игнорируя такую историко-географическую закономерность, что Индия, Иран, Средняя Азия, Малая Азия, Ближний Восток, Магриб (Северная Африка) по природным особенностям не могли быть первоизданной родиной тюрко-монгольской расы. Главным мерилom в этом плане являются антропологические показатели. Но и это не даёт права считать их совершенно чужими в Средней Азии. Миграционный процесс в истории является закономерным. Можно привести сотни примеров о переселении племён, а то и целых народов даже с одного континента на другой.

Вместе с тем следует признать и другое: новое местопребывание становится их законной родиной.

Указанные авторы, если считают себя историками, должны знать о Великом переселении народов, или же о переселении кочевых племен Тюркского каганата на просторах Центральной Азии, а также о переселении части их на Ближний Восток, что впоследствии, захватив территории Византийской империи, они создали свою мощную Турецкую державу. Но ученые, знающие исторические реалии того периода, с научной точки зрения характеризующие закономерности исторического процесса, хотя и показывают трагедии, присущие насильственному захвату чужой территории, тем не менее, на них не вешают ярлык вечных преступных деяний. А победившие не объявляют себя исторически исконным населением той территории, которая ныне является их государством.

В этой связи хидоятовы и камолиддины должны знать историю Великих географических открытий, когда, насильственно заняв огромные континенты, ценой миллионов жизней аборигенов, эти чужеземные «гости» создавали свою государственность, но когда речь идет об истории до их вторжения, эти нынешние хозяева себя признают пришельцами. От этого они не теряют свой исторический престиж. Главное, всё мировое сообщество признает законность их территориальной собственности.

Таких примеров много. Но непонятно одно: с какой целью камолиддины пытаются «доказать» себя первобытными аборигенами Средней Азии и так ревниво относятся к древней и средневековой истории таджиков,

которых, как отмечено выше, все ученые, имеющие отношение к истории края, по всем показателям, главным образом расово-антропологическим, считают древнейшими прирождёнными жителями данного региона.

Учитывая закономерности исторического процесса, настоящие историки, в том числе таджикские, никогда не ставили вопрос о делении населения края на своих и чужих. Все мы, которые по велению истории и судьбы ныне являемся обладателями общепризнанных в мировом сообществе своих собственных государств в этом пространстве, называемом «Средняя Азия», должны исходить из этой реалии. Объективное изучение прошлого нас только сближает. В этом нужно видеть гарантии процветания наших республик.

Но это не освобождает нас от изучения реальной истории региона. Известно, что историческая наука шагнула далеко вперед, теперь все периоды нашей истории с древнейших времён до позднего средневековья анализируются на основе археологических находок и письменных источников. В этом контексте известны этапы миграции и постоянного проживания предков народов, заселивших Среднюю Азию. Научно доказано, что таджики как древнейшие оседлые жителями региона, и на всех исторических этапах, сохраняли свои традиционные занятия в качестве искусных земледельцев и скотоводов, градостроителей, ремесленников и торговцев. А племена, пришедшие на эту землю, приняли эти традиции. Отрицание такой реальности древних и средневековых времён противоречит принципам историзма.

Также не следует враждебно относиться к начавшемуся еще раньше и ускорившемуся после образования

Тюркского каганата (VI век н.э.) процессу проникновения различных тюркских племен и превращения их в составную часть населения этой страны, называя их на все последующие времена чужаками для региона. Конечно, было немало противостояний и столкновений между племенами и религиями, стремления к захвату престола и т. д. Но ясно прослеживается и совместная борьба против иноземных захватчиков, вторгшихся в регион.

При всем этом нельзя не заметить определяющую роль коренного оседлого населения края – таджиков, наделивших вновь прибывающие в том или ином историческом периоде в регион кочевые племена своей культурой земледелия, ремёсел, урбанизации, градостроения соответственно с исторической реальностью миграционного процесса.

С ВЫСОТЫ «НАУЧНОГО» САМОДОВОЛЬСТВА

Ещё одним проявлением чуждого для разумного человека, обладающего хоть мизерным чувством скромности, которого не наблюдается у «искателя» исторических небылиц Камолиддина, является его мания величия и всезнайства. Он выдаёт оставленные таджикскими учёными без ответа его смехотворные огульные мнения, направленные на игнорирование, как неоднократно выше было отмечено, яркого и решающего следа таджикского народа в региональной цивилизации, значение которого подтверждали востоковеды мирового масштаба, за свою «триумфальную» победу. Пытаясь выставить на всеобщее обозрение доказательства о своем «беспрецедентном научном подвиге», Камолиддин пишет: «Всего мной опубликовано более 30 статей и 3 книги по истории Саманидов, большая часть которых написана на понятном таджикским ученым русском языке. А молчание – знак согласия или бессилия. Можно подумать, что они игнорируют меня и мою работу. Но я считаю, что если бы у таджикских ученых было чем возразить моим заключениям и выводам, они бы давно, так же, как и раньше в подобных случаях, подняли международный скандал. Раз они не сделали этого, значит им нечего сказать. Молчат и их иранские коллеги. Хотя из опубликованных мной статей о Саманидах несколько написаны на английском языке, а моя главная монография о Саманидах также переведена на английский язык и издана

в Германии. Кроме того, я прочел 3 лекции о Саманидах – в Мичиганском университете (США), Лейденском университете (Голландия) и Калифорнийском университете UC Davis (США)»¹³⁴.

Прячась за завесой высокомерия, он не желает заметить место Ирана как древнего государства в истории цивилизации Востока, главным образом Центральной Азии, и общие таджикско-персидские исторические корни. Хотя в его суждениях, несмотря на их алогичность, всё же часто приводятся данные об абсолютном перевесе представителей индоарийской расы и персидского (в данном случае автор преднамеренно воздерживается от общепризнанного понятия – таджикско-персидского) языка в Центральной Азии. Более того, он уклоняется от признания того общепризнанного факта, что, являясь причастными к нашей общей с персами истории, таджики всё же имеют свою историю и самобытную культуру.

Этого исторического выдумщика раздражает то, что иранские ученые без никакой ответной реакции просто игнорируют его работы о государстве Саманидов. Он должен хотя бы интуитивно чувствовать, что молчание иранских ученых, как и их таджикских коллег, – не знак «согласия», а безмолвное непризнание не имеющей никакой научной ценности писанины автора. Разумные люди не вступают в беспредметный и совершенно абсурдный спор, тем более с теми, кто упорно не хочет признать, что у молока – белый цвет.

¹³⁴ Камолиддин Ш. С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – Ташкент, 2018. – С.102 (примечание, 19).

Сведущий читатель наверняка знает причины нежелательного вступления как таджикских, так и иранских исследователей в бессмысленную полемику по части «исторических открытий» Хидоятова и Камолиддина. Это не может истолковываться как отсутствие аналитических возможностей у таджикских исследователей, которые почему-то должны тратить уйму времени на опровержение каждой из их бессмысленных фраз.

С высоты своего «величественного взора» искатель соответствующей его разуму «исторической правды» Камолиддин, в силу своей неосведомленности, даже не смог понять, что в работах таджикских исследователей о государстве Саманидов, увидевших свет задолго до появления его так называемых «научных работ», содержатся вполне исчерпывающие научные разъяснения всех проблем, выдававшихся им за свои «сенсационные научные открытия».

Этот однобоко огульный толкователь истории таджикского народа в целом и государства Саманидов в частности, не мог не знать, вернее, не хотел знать о наличии таких фундаментальных трудов таджикских исследователей, как книги Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона «Таджики в зеркале истории», «Таджикская государственность: от Саманидов до рубежа XXI века», «Арийцы и познание арийской цивилизации», монографий С. Абдуллоева «Эмир Исмаил Самани», «Саманидские эмиры», «Историческая география государства Саманидов», А. Мухторова «Эмиры и везиры Саманидов», Н. Негматова – «Таджикский феномен: история и теория», «Прародина Ариев», Х. Назарова – «Причины возвышения и падения государства

Саманидов», «К истории происхождения и падения государства Саманидов», Г. Ашурова – «История Саманидов и её фальсификация», Г. Гаибова– «Исмаил Самани – мудрый политик», М. Муллоахмедова – «Культурные показатели саманидского периода», А. Мухторова – «Саманиды: время и место», М. А. Мухаммада – «Государственность Саманидов: расцвет и закат», Х. Пирумшо – «Государство Саманидов на весах историографии», А. Шарифзода – «Кулябский клад (Саманидские дирхемы)»¹³⁵ и др. В этом плане особое место занимает шеститомная фундаментальная «История таджикского народа», первый том которой посвящён

¹³⁵ См.: Рахмон Э. Таджики в зеркале истории. Книга первая. От Арийцев до Саманидов. – Лондон, 1999. – 240 с.; Его же. Таджикская государственность: От Саманидов до рубежа XXI в.; Его же. Арийцы и познание арийской цивилизации» и др.; Абдуллоев С. Амир Исмоили Сомонӣ. – Худжанд: Напριѐти Раҳим Чалил, 1998. – 402 с.; Его же. Амирони Сомонӣ. – М.: Шубаи чаҳорӯми напριѐти ҳарбӣ, 1999. – 632 с.; Его же. Ҷуғрофиѐи таърихии давлати Сомонӣѐн. – Хучанд: ДДХ ба номи академик Б. Ғафуров, 2001. – 374 с.; Мухторов А. Амирон ва вазирони Сомонӣ. – Душанбе: Напριѐти Оли Сомон, 1997. – 77 с.; Негматов Н.Н. Таджикский феномен: история и теория. – Душанбе: Оли Сомон, 1997. – 407 с.; Его же. Прародина Ариев. – Душанбе: Дониш, 2005; Негматов Н.Н., Мукимов Р.С., Хакимов Н. Г., Воднев В.В., Мандельштам А.М. Ариана и Арийанвѐджа (история и цивилизация). – Худжанд: Ношир, 2006. – 712 с.; Назаров Х. Авомили сууд ва сукути давлати Сомонӣѐн. – Душанбе: Ирфон, 1999. – 138 с.; Его же. К истории происхождения и расселения племен и народов Центральной Азии. – Душанбе: Дониш, 2004; Ашуров Г. История Саманидов и её фальсификация //Философия эпохи Саманидов. – Душанбе: Ирфон, 2006. – С. 142-216; Ғоибов Ф. Исмоили Сомонӣ – марди хираду сиѐсат. – Душанбе: Дониш, 1998. – 71 с.; Муллоаҳмадов М. Падидаҳои фарҳанги аҳди Сомонӣѐн. – Душанбе: Дониш, 2019. – 356 с.; Мухторов Абдусатор. Сомонӣѐн: макон ва замон. – Душанбе: Сурушан, 1999. – 288с.; Абдурахмон М. Государственность Саманидов: Расцвет и закат. Опыт этно-политического анализа. – Душанбе, 2019. – 110 с.; Пирумшо Х. Давлати Сомонӣѐн дар тарозуи таърихнигорӣ. – Душанбе: Дониш, 2020. – 425 с.; Шарифзода А. Ганҷинаи Кулоб (Дирҳамҳои сомонӣ). – Душанбе: Шарқи оод, 2019. – 648 с. и др.

древнейшей и древней истории таджикского народа¹³⁶, второй том – эпохе формирования таджикского народа¹³⁷, который охватывает все проблемы истории Саманидов на основе достоверных источников. Также за последнюю четверть века были выпущены сотни научных статей, посвященных различным проблемам истории государства Саманидов.

В исследовании истории государства Саманидов особое место занимает Центр исследования цивилизации эпохи Саманидов, образованный при Худжандском государственном университете им. академика Б. Гафурова в период подготовки к празднованию 1100-летия государства Саманидов. Центр координировал деятельность видных таджикских ученых С. Абдуллоева (руководитель Центра), Н. Салими, Н. Турсунова, Н. Зохидова, Н. Гиясова, А. Хасанова и др. в исследовании различных аспектов истории государства Саманидов. По-мимо множества научных публикаций, они подготовили и выпустили сборник «Саманиды в зеркале истории»¹³⁸ в двух томах, где включены наиболее важные персидско (таджикско)-арабские сочинения историков и географов саманидского периода и последующих веков, таких как Ибн Хордадбех, Табари, Ибн Факехи Хамадони, Джайхони, Истахри, Масуди, Хамзаи Исфакхони, Ибн Хаукал, Ибн Надим, Наршахи, Мукаддаси, Утби, Гардези,

¹³⁶См.: История таджикского народа. Т. I: Древнейшая и древняя история / под ред. Б.А. Литвинского и В.А. Ранова. – Душанбе: Суруш, 1998. – 752 с.

¹³⁷См.: История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа/под ред. Н.Н. Негматова. – Душанбе: Алхудо ИРИ, 1999. – 791 с.

¹³⁸См.: Сомониён дар оинаи таърих. – Ҷилди якум. (мутуни форсии тоҷикӣ); Ҷилди дувум (мутуни арабиасл). – Худжанд: Нашр. Ба номи Р.Чалил, 1998. – Ҷ. I. – 552 с.; Ҷ. II. – 672 с.

Бейхаки и многих др., работы которых содержат достоверные сведения о государстве Саманидов, его экономических и культурных достижениях. В этих источниках выпукло прослеживается таджикское искусство государственного управления. В этом плане следует упомянуть об издании книг «Энциклопедия Саманидов»¹³⁹ и «Ариянаме»¹⁴⁰.

Ценность и достоверность источников о государстве Саманидов, изданных в Таджикистане, заключается прежде всего в том, что они написаны на родном для Саманидов фарси-дари-таджикском языке и арабском. Камолитдин должен быть в состоянии почувствовать разницу ценности этих источников по сравнению с теми, которые доступны ему на его ставшем родным английским языке.

Прежде чем взяться за исследование истории Саманидов, ему следовало хотябы поверхностно ознакомиться с исследованиями таджикских ученых, большей частью написанных на родном для Саманидов таджикском языке. В частности, хотя может быть это прозвучит несколько нескромно, немешало бы ему знать о работе автора настоящих строк «Государство Саманидов на весах историографии», так же написанной на языке Саманидов¹⁴¹. В ней на сравнительно-критической основе прослеживается весь процесс изучения истории

¹³⁹ См.: Донишномаи Сомониён. Дар ду ҷилд // Зери тахрири академик Н. Салимӣ. – Ҷилди якум. – Худжанд: Нури маърифат, 2008. – 545 с.; Ҷилди дувум. – 2009. – 528 с.

¹⁴⁰ См.: Ариянаме (География, история и культура арийских народов в публикациях)/сост. С. Зарафшонфар и Х. Ёрзод. – Душанбе: Рафи Граф, 2006. – Т. I. – 504 с.; Т. II. – 496 с.

¹⁴¹ См.: Пирумшо Х. Давлати Сомониён дар тарозуи таърихнигорӣ. - Душанбе: Дониш, 2020. – 425 с.

государства Саманидов с периода его образования до наших дней. Впрочем, там должным образом оцениваются и «заслуги» тех, кто на эту славную историю таджикского народа смотрит с неудержимой злобой.

В последние годы изданы ценные научные сборники «Культура Гиссарской долины эпохи Саманидов»¹⁴², «Саманиды и возрождение персидско-таджикской цивилизации»¹⁴³, «Саманиды – уникальный исторический феномен в мировой цивилизации»¹⁴⁴ и др.

Ограничившись работами западноевропейских исследователей и выдавая их в качестве «надежных источников», Камолиддин абсолютно незнаком с работами современных исследователей Ирана и Афганистана, которые причастны к древней истории Хорасана и Мавераннахра, в том числе – эпохи Саманидов. Прежде чем высказать мнение о том, что «им нечем возразить» против его якобы «обоснованных выводов», он мог бы поинтересоваться общим содержанием работ Бахроми Акрама – «История Ирана»¹⁴⁵, А. Ранджбара – «Великий Хорасан»¹⁴⁶, А. Розы – «Полная история Ирана»¹⁴⁷, А. Ризои – «Десятитысячелетняя история Ирана»¹⁴⁸, Иноятуллоха Ризо – «Иран и тюрки в период Сасанидов»¹⁴⁹, П.

¹⁴² См.: Культура Гиссарской долины эпохи Саманидов. – Душанбе: Дониш, 2015. – 312 с.

¹⁴³ См.: Сомониён ва эҳёи тамаддуни форсии тоҷикӣ. – Душанбе: Пайванд, 1998. – 598 с.

¹⁴⁴ См.: Саманиды – уникальный исторический феномен в мировой цивилизации. – Душанбе: Дониш, 2019. – 876 с.

¹⁴⁵ См.: Бахроми Акрам. Таърихи Эрон. – Техрон, 1352 (1974).

¹⁴⁶ См.: Ранҷбар А. Хуросони Бузург. – Техрон, 1363 (1985).

¹⁴⁷ См.: Розӣ А. Таърихи комили Эрон, – Техрон: Иқбол, 1375 (1997).

¹⁴⁸ См.: Ризоӣ А. Таърихи даҳҳазорсолаи Эрон. – Ҷ. П. – Техрон: Иқбол, 1375 (1997).

¹⁴⁹ См.: Иноятуллоҳ Ризо. Ирон ва туркон дар рӯзгори Сосониён. – Техрон, 1374 (1996).

Самнони – «Исмаил Самани: великий полководец и справедливый царь»¹⁵⁰, Дж. Хирави – «Иран в эпоху Саманидов» и «История Саманидов (золотой век исламского периода)»¹⁵¹, С. Муроди. – «Бадахшан в истории»¹⁵², М. Ноджи – «Саманиды – период расцвета ирано-исламской цивилизации» и «Исламская цивилизация на территории Саманидов»¹⁵³ и десятков других. Тогда он смог бы каким-то образом вступить с ними в научную полемику. Уместно также отметить, что фактически все сочинения средневековых историков и географов, причастных к истории и культуре таджикского народа, на персидско-таджикском, арабском языках, подготовлены видными специалистами, и изданы с обширными комментариями на кириллице. Камолиддину следовало бы знать об этом.

Знакомства даже с мизерной частью этого обширного круга источников и имеющейся научной литературы достаточно для однозначного вывода о том, что династия Саманидов во всех отношениях имеет таджикское происхождение. Все выдающиеся востоковеды единодушны во мнении о полной независимости Саманидов в государственном управлении. Всё это освобождает как иранских, так и таджикских ученых от

¹⁵⁰См.: Симнонй П. Исмоили Сомонй: фармонфармои бузург ва одил – Техрон, 1374 (1996).

¹⁵¹См.: Хиравй Дж. Эрон дар замони Сомониён. (таърихи Сомониён аз оғоз то салтанати Насри дувум). Муқаддима ва баргардони Сафари Сулаймонӣ. – Душанбе: Ройзани фарҳангии ЧИЭ дар Тоҷикистон, 1998; Его же. Таърихи Сомониён (асри тиллоии Эрон баъд аз ислом). – Техрон: Амри Кабир, 1382 (2004).

¹⁵²См.: Муродӣ С. Бадахшон дар таърих. Ҷ. I-II. – Кобул, 1388 (2010).

¹⁵³ См.: Ночӣ М. Сомониён – давраи шукуфоии фарҳанги эронӣ-исломӣ. – Техрон, 1380 (2002); Его же. Тамаддуни исломӣ дар қаламрави Эрон. – Душанбе, 2011.

необходимости отвечать на бредовые фантазии Камоллидина и его упрямых единомышленников.

Действительно, чрезвычайно трудно воздействовать на воспалённое восприятие этих так называемых «ученых», не сумевших сделать выводы из тысячи источников и обоснованных взглядов общепризнанных исследователей. Но всё же мы в нескольких обобщающих фразах доводим до их сведения причины нежелательного вступления в полемику с такими людьми, которые просто в силу своей ограниченности упорно не желают признавать общеизвестную истину в споре. В силу ограниченности своего научного мировоззрения они всё равно закливаются на одном ответе: «Зачем аргументы? Я прав, и всё!».

Всё же у таджикских учёных есть две причины не придавать значения мнениям околонучных, вернее, абсолютно антинаучных сочинителей региональной истории:

1. Место таджиков в истории и культуре региона давно определено в мировой историографии и не нуждается в новом пересмотре.

Еще в 20-е годы прошлого века по результатам проведенного национально-территориального размежевания таджики оказались в составе Узбекской ССР. Сторонники пантюркизма, используя свое политическое превосходство, пустили в ход не только умышленное сокращение статистических показателей численности таджикского населения, но и в историческом плане пытались считать его не коренным для региона народом, а пришельцем. Однако они не смогли преодолеть сильный барьер мнения востоковедов, считавших таджиков

древними обитателями региона, сыгравшими особую роль в его истории и культуре.

Открытия археологов, изучение письменных источников в советское время вывели решение этого вопроса на уровень полного международного признания, тем самым сняв некоторые содержащиеся в нем предположения. Становление в центре официального внимания государства исследования истории и культуры Саманидского периода и его прошлого, открытие Саразма, подтвердившее начало таджикского градостроительства и государственности на международном уровне 5500 лет назад, снимает необходимость реагировать на каждое неприятное и враждебное измышление апологетов истории. Научному миру давно известна данная непререкаемая историческая истина. Это освобождает нас от излишнего повторения данного факта.

2. Таджикская терпимость и мудрость.

Не в состоянии понять этого природно умственного дара и выдавая его в качестве недостаточной осведомленности по части истории узбекского народа, хидоятовы, камолиддины и их приспешники исходят из позиции националистического измышления. Они стремятся посягнуть на корни дружбы таджиков и узбеков, ставших по воле истории и судьбы близкими соседями. Хотя их далекие расовые и этнические корни были разными, и в древности они жили в традиционных рамках, присущих оседлым народам и кочевым племенам, но в дальнейшем, по мере постепенного перехода отдельных тюркских племён к оседлому образу жизни, это привело их к соучастию в общем процессе региональной истории.

В XV веке, с определяющим этнонимом узбек, завершилось формирование этого, как отмечено выше, близкого к нам народа. До этого и особенно позже, произошло такое сильное сближение этих двух народов, что, за исключением горных, таджиков, у которых древние генетико-антропологические особенности сохранились, в равнинных местностях эти различия сошли до минимума. Даже в случае серьезной экспертизы, наверно, можно выявить наличие таджикской крови в жилах Хидоятова, Камолиддина и других их единомышленников.

Хотя в Средней Азии постоянно продолжались придворные интриги, войны, межэтнические, родовые, племенные и религиозные конфликты, но найти примеры вражды и кровопролития между таджикскими и узбекскими тружениками крайне сложно. Словом, сочетание историко-культурных традиций у таджиков и узбеков не позволяет нам использовать типичный для пантюркизма метод: «находить своё безраздельно господствующее» место в истории региона, чего бы то ни стоило.

Таким политизированным исследователям, получающим подачки (по нынешним понятиям, гранты¹⁵⁴) от каких-то иностранных законспирированных организаций и с учетом их интересов создающим пасквильные исторические творения, следовало бы знать, что недалекие и провокаторские исследователи приходят и уходят, а таджикский и узбекский народы были и навсегда останутся соседями, друзьями. Эти народы совместно

¹⁵⁴ Сам Камолиддин оплачивал свою службу и научные командировки за счет фонда Французского института по изучению Средней Азии – IFEAC, с этого же счета публиковал свои труды.

прошли через все испытания истории. Правдиво показать всё это во многом зависит от реалистического и непредвзятого, точнее, искреннего исследования истории этих двух братских народов.

В этом отношении мы всегда должны быть бдительными и не поддаваться на провокационные постулаты тех деятелей, которые ради своей выгоды готовы примкнуть к любым идеологическим течениям, пойти на любые искажения исторических фактов, при этом выдавая себя за радетелей национальной истории. Такие псевдоисторики, всячески пытаясь продемонстрировать своё исследовательское «мастерство», хотя порою и в несколько завуалированном виде, но всё же не могут скрыть свои националистические амбиции. Примерами тому могут послужить Хидояттов и Камолиддин, которые откровенно определили далеко идущие цели, заложенные в основу своих книг.

В частности Г. Хидояттов, вопреки утвердившемуся в региональном и мировом востоковедении мнению об обширной территории обитания таджикских предков в Центральной Азии, даже несколько нагло и осуждающе усмотрел их историческое пространство только лишь в пределах нынешнего Таджикистана.

«На территории нынешнего Таджикистана, – пишет этот выдумщик, – никогда не было своего собственного национального государства. Он во всей истории входил в состав других централизованных государств. Здесь не было единого языка, не было внутренних хозяйственных, культурных или психических(?) связей, которые могли быть фундаментом государства. Не было того национального духа или национальной идеи, отсутствовали

исторические традиции, которые двигали социальные силы на создание собственной государственности»¹⁵⁵. Как видно, он решительно не хочет видеть такие государственные образования, как Согд, Бактрия, Хорезм, Парфия, основателями которых были таджикские предки. Все это было задолго до переселения тюркских кочевых племен, но он упорно приписывает их к узбекам. Этот вольнодумец совершенно отказался от признания государства Саманидов, как таджикского, приписывая его к тюркам, хотя и не смог найти достаточно аргументов, чтобы определить, к каким племенам тюрков оно относилось.

Автор часто абсолютно неверно повторяет о наличии национальной государственности у узбеков в древности и средневековье. Если бы он мог мало-мальски осознать закономерности исторического процесса в древности и средневековье, мог бы знать, что в этот период не могли создаваться национальные государства. Все государства являлись конгломератами различных народов и племён. От этого и исходят их названия по имени их создателей. В то время образоваться государства под названиями таджикского, узбекского, киргизского или туркменского народов не могли. Речь может идти только о той или иной степени участия этих народов в сложении и развитии государственных образований.

Если так, то самыми древними в этом пространстве были индоарийские племена, т. е. таджикские предки. Исходя из этой логики, у колыбели государственности и градостроения были таджики, и свидетельство тому – Саразм. Что касается истории государства Саманидов и

¹⁵⁵ Хидояттов Г.А. Крушение Саманидов. – С. 16.

его влияния на последующие тюрко - монгольские династические управления, то это изложено выше, и не нуждается в излишнем повторении.

Желая во что бы то ни стало «доказать» непричастность таджиков к государству Саманидов, кроме прочих небылиц, приведенных Хидоятовым в своей работе, главным «доказательством» для него является тот факт, что столица этого государства – Бухара ныне находится на территории Узбекистана, а значит, и оно само является узбекским государством. Исходя из этого, он считал его органической частью своей республики и провозглашал, как непреложную истину, что изучение его истории «является важной задачей в осознании узбекским народом своего великого прошлого»¹⁵⁶.

В плане категорического отрицания определяющей роли таджиков в истории и региональной цивилизации Камолитдин оставил далеко позади своего предшественника – Хидоятова. Это читатель легко может заметить по содержанию приведенных выше цитат из его книг. Остается лишь прояснить далеко идущие цели и неблагоприятные задачи, ради которых он сочиняет небылицы.

¹⁵⁶ Хидоятов Г.А. Крушение Саманидов. – С. 30.

В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОНЯТИЙ «ТУРАН» И «ТУРКЕСТАН»

Несмотря на сотни мнений, утверждающих, что первоначальной родиной тюрков является Сибирь и Алтай, Камолиддин настаивает, что прародиной их является Туркестан, т. е. Средняя Азия. «Наша историческая родина, – пишет он, – называется в письменных источниках не «Туркийстан», а «Туркестан». Туркестан считается родиной всех тюрков мира, т. е. народов, говорящих на различных диалектах тюркского (а не турецкого!) языка, т. е. и османских тюрков. Поэтому они называют Туркестан «ота юрт», т. е. своей первоначальной родиной... Таким образом, настоящие турки или тюрки – это мы, потому, что «Туркестан» – это историческое название нашей родины»¹⁵⁷.

Наряду с названием Средней Азии в том или ином историческом периоде, Камолиддин часто упоминает о Туране и Туркестане. Согласно его мнению, являясь мифическим понятием, Туран впервые упоминается в поэме «Шахнаме» Фирдоуси. «В действительности, – пишет он, – в истории не было никакой территории или государства по названию Туран... В эпоху Сасанидов название «Туран» употреблялось для обозначения соседнего на севере и северо-востоке Ирана государства, а именно государства эфталитов... Названия «Туран» и «Туркестан» являются историческими топонимами,

¹⁵⁷ Камолиддин Ш. С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 124-125.

которые персы использовали для обозначения конкретных государств – в IV-V вв. название «Туран» для обозначения государства хионитов и эфталитов, а в VI-VIII вв. название «Туркестан» для обозначения Тюркского каганата. Топонимы «Туран» и «Туркестан» были взаимосвязаны и употреблялись также в качестве синонимов»¹⁵⁸.

Как видно, этот автор, не вникая в суть авестийских понятий, совершенно игнорирует «Туран», о котором пишет великий творец «Шахнаме» («Книга царей») Фирдоуси, подразумевая другую ветвь иранцев или арийцев. В «Авесте» неоднократно упоминается о Туре, который лежит в основе понятия Туран, что означает «страну туров». В частности в «Ардвисур-яште» говорится:

*И приносил ей в жертву
Тур, негодяй Франхрасьян¹⁵⁹,
В убежище поземном
Сто жеребцов, и тысячу
Коров, и мириад овец¹⁶⁰.*

(«Ардвисур-яшт» 5.41)

В другом пассаже «Авесты» показано мужество иранцев в бою с турами:

¹⁵⁸ Камолиддин Ш.С., Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 130.

¹⁵⁹ Франхрасьян – среднеперс. Фрасийак Тур, фарси Афрасиаб. В «Авесте» приводится как предводитель туров, который воевал с иранцами. По мнению специалистов, собирательный образ вождя саков.

¹⁶⁰ Авеста. «Яшт» 5. 41 // Авеста в русских переводах (1861-1996). – СПб., 1998. – С. 181.

*Вы так преодолели защиту данавских¹⁶¹ туров,
Вы так преодолели вражду данавских туров,
Вы прежде добрые мужи рода Каршиназо¹⁶²,
Самые сильные...,
Земляных обителей
Дану, разгромивших десятки тысяч¹⁶³.*

Такие эпизоды, повествующие о победоносных войнах иранцев против вождя племени туров – Франхрасьяна, в «Авесте» встречаются многократно¹⁶⁴. К тому же, следует добавить, что в некоторых текстах «Авесты» того же Франхрасьяна (по среднеперсидски – Фрасийак Тур) ревностно изображают огнепоклонником, строителем храма Огня. Но в пехлевийских традициях его считают кочевником, захватчиком и врагом зороастрийцев¹⁶⁵.

Многие исследователи со ссылками на «Авесту» указывают на непрекращающуюся борьбу между арийцами (иранцами) и восточноиранскими кочевыми племенами – туранцами¹⁶⁶, хотя и те и другие поклонялись одним и тем же божествам¹⁶⁷.

Согласно преданию, приведенному А. Фирдоуси в «Шахнаме» по части описания подвигов Рустама, иранцы и туранцы являлись потомками братьев Ираджа и Тура.

¹⁶¹ Дану – туранское племя, враждебное иранцам.

¹⁶² Каршиназо – древний иранский род.

¹⁶³ Авеста. «Яшт» 13.38 // Авеста в русских переводах (1861-1996). – СПб., 1998. – С. 331.

¹⁶⁴ См.: «Яшт»: 17, 38, 42, 55-56, 60-62 // Авеста в русских переводах (1861-1996). – СПб., 1998. – С. 331, 369, 370, 373-375.

¹⁶⁵ См.: Авеста. Справочный раздел. – С. 465-466.

¹⁶⁶ См.: Marqart J.A. Catalogue of the provincial Capitals of Eransahr. Pahlavi Text, Version and Commentary. – Roma, 1931. – С. 155-157; Nyberg H.S. Die Religionen des alten Iran. – Lpz., 1938. – P. 250 ff.

¹⁶⁷ См.: Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. – Душанбе: Дониш, 2017. – С. 233-235.

Тур вместе с другим братом – Салмом, затеяв вражду с Ираджем, убивают его. Это и стало поводом для извечной войны между потомками братьев. Наследник Ираджа Манучехр с целью возмездия нападает на владения Тура – Туран. В ответ правитель Турана Афрасияб взялся за истребления жителей Ирана. В борьбе против Турана вступили иранский богатырь Рустам и царевич Сиявуш. Далее в поэме идет восхваление подвигов Рустама в сражениях против туранцев, местом обитания которых, хотя напрямую это не указано, но всё же является Средняя Азия. Как в «Авесте», так и в «Шахнаме» дается описание враждебных действий представителей одного рода (арийского) друг против друга. При этом ясно заметны симпатии поэта на стороне иранцев. Как видно, считать «Туран» сокращенным вариантом «Туркестана» – это из области чистой фантазии.

Разумеется, на этом мы могли бы поставить точку. Но, учитывая чрезмерную назойливость историка-фантазера Камолитдина в отстаивании своей «правды», всё же считаем нужным в очередной раз обратиться к авторитетному мнению академика В. В. Бартольда, которого часто неверно интерпретируют на свой лад Камолитдин и ему подобные «знатоки» истории региона. «Что касается Турана, – пишет В. В. Бартольд, – то это название встречается в Авесте, и предполагают, что это другая ветвь арийского народа, менее культурная. Между этими двумя народами, ариями и турами, была вражда и затем, когда Туркестан подпал к VI в. (т.е., в результате нашествия Тюркского Каганата – Х. П.) под владычество турок, то эти два слова сблизились, и название Туран стало относиться к туркам, к которым оно не относилось

первоначально»¹⁶⁸. Данное мнение ученый подтверждает в своей рецензии на книгу М. А. Чаплицкой «The Turksof Central Asia» (Оксфорд, 1918). В частности указывает, что «автор не имеет вполне ясного представления об истории науки и не в состоянии разобраться в противоречивых мнениях ученых..., совершенно не упоминает о мнении, широко распространенном среди ученых, особенно среди иранистов, по которому туры были иранским народом»¹⁶⁹.

Академик В. Бартольд считал обитателей страны Туров, т. е. Турана, «менее культурными» в том смысле, что большая их часть еще не завершила переход к оседлой жизни и земледельческим занятиям. А согласно авестийским канонам, земледелие считалось священным занятием. Именно в этом только заключались разногласия и вражда между иранцами и обитателями страны Туров или Турана, т. е. между двумя ветвями одного народа. Как видно, при всём желании отождествлять «Туран» с «Туркестаном», где в то далекое время и в помине не была тюрков, это продолжение той же многосерийной фантазии.

Учитывая именно это, В. В. Бартольд достаточно убедительно формулирует свое обоснованное мнение о том, что «когда Туркестан подпал к VI в. под владычество турок, эти два слова («Туран» и «Туркестан» – Х.П.) сблизились». Это означает, что до образования Тюркского каната и активизации проникновения тюрков в

¹⁶⁸ Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. – Т. II. – Ч. 1: Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. – М.: ИВЛ, 1963. – С. 661.

¹⁶⁹ Бартольд В. В. Статьи и рецензии // Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. – С. 441-442.

Среднюю Азию, это пространство называлось страной Туров, т. е. Тураном.

Согласно мнению В. Гейгера, Х. Ньюберга, В. И. Абаеваи др., встречающиеся в «Авесте» имена туров «бесспорно, носят иранский характер» или же, «в «Авесте» нет никаких следов неиранских туров»¹⁷⁰. Можно продолжать приводить мнения других исследователей, которые, основываясь на содержании авестийских гимнов, однозначно высказывают мнения об общих этнических корнях иранцев и туранцев.

В этой связи уместно привести мнение русского путешественника-исследователя Д. Н. Логофета, вплотную интересовавшегося историей таджиков. Его мнение о Туране изложено следующим образом: «Долгая, в течение нескольких веков, борьба Ирана с Тураном оставила яркий след в преданиях и сказках народных. Но туранские племена, образовав на развалинах разрушенных государств свое государство, в свою очередь уступили место новым пришельцам, узбекско-монгольским племенам, огромной волной вплеснувшим в Центральную Азию и затопившим всю Бухару, отодвинув после продолжительной борьбы туранские и индоскифские племена на запад»¹⁷¹. Хотя его мнение не является чисто академическим заключением, но имеющийся след в преданиях, услышанных Д. Н. Логофетом, не может счи-

¹⁷⁰Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. – Erlangen, 1882. – S. 194-196; Nyberg H. S. Die Religion des alten Iran. – Lpz., 1938. – S. 252; Абаев В. И. Скифский быт и реформы Зороастра // Archiv Orientalni. – 1956. – XXIV. – С. 45 (ссылка дается по кн.: Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. – С. 260).

¹⁷¹ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. – Т. I. – СПб., 1911. – С. 150.

таться лишним подспорьем в доказывании абсолютной неидентичности понятий «Туран» и «Туркестан».

Что касается появления понятия «Туркестан» как названия отдельной страны, то оно происходит гораздо позже, на месте небольшого города на юге современного Казахстана под названием Ясы, имевшего широкую известность в Мавераннахре. Нужно отметить, что Туркестан в раннем средневековье воспринимался не как отдельная страна, а как географическое понятие, происходящее от персидского наименования «страна тюрков», место обитания которых – южные границы русского Туркестана, примыкающие к северным границам Ирана.

Согласно предположению В. В. Бартольда, при Сасанидах пространство обитания тюрков находилось севернее Окса (Амударьи). Впоследствии арабы их оттеснили к северу от культурных областей в местности севернее и восточнее Мавераннахра. В Иране и Афганистане тюрков считали своими соседями. Туркестаном называлась одна из провинций Афганистана. В литературе более позднего периода часто встречается русский, китайский и афганский Туркестан¹⁷².

Таким образом, название «Туркестан», как государства и административного деления, происходило от города, построенного, как выше указано, на месте селения, затем и города Ясы (ныне – Туркестан), где был захоронен известный богослов – основатель суфийского братства ясавия, святой Ходжа Ахмад Ясави (1093-1166).

¹⁷² Более подробно см.: Бартольд В. В. Туркестан. Работы по исторической географии. Из цикла статей из «Энциклопедии ислама» // Сочинения. – Т. III. – М.: Наука, 1965. – С. 518-520.

«Значение города, – пишет В. В. Бартольд, – было поднято зафиксированным впервые в монгольское время культом святого Ахмеда Ясеви, который как считали, обратил тюрков в ислам, и, особенно, великолепной гробницей, сооруженной Тимуром; святой слыл покровителем страны тюрков и назывался Хазрет-и Туркестан, чем, вероятно, и можно объяснить новое название города»¹⁷³. Вследствие того, что он стал важным местом паломничества тюрков, последователей ислама, в XVI в. город под названием Туркестан принадлежал казахскому ханству. В XVI-XVII вв. Туркестан считался важным политическим и экономическим центром.

В 1863 г. Россия активизировала свои планы захватнических действий в Средней Азии. В 1864 г. Началось движение царских войск вглубь Средней Азии. «К 1864 г., – пишет Н. А. Халфин, – ближайшей целью военных походов было занятие линии Сузак – Аулие-Ата, а конечной и важной целью – включение в состав Российской империи Чимкента и Туркестана, заключение выгодных договоров с правителями среднеазиатских ханств и укрепление в этих ханствах влияния Российской империи»¹⁷⁴.

Что касается города Туркестана, то, несмотря на отчаянное сопротивление его населения с 4 по 9 июня 1864 г. под начальством бека Мирза Давлета, он был занят отрядом Верёвкина. После поражения и бегства Мирзы Давлета представители населения города подали Верёвину петицию. В ней было отмечено, что они готовы к

¹⁷³Бартольд В.В. Туркестан. Из цикла статей из «Энциклопедии ислама» // Сочинения. – Т. III. – С. 520.

¹⁷⁴Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – М.: Наука, 1965. – С. 154.

сдаче города при условии, что за ним будет сохранен статус одного из священных городов ислама. Исходя из этого, сохранить все права и привилегии, которые до сих пор сохранены за этим городом, а также освободить всех от налоговых обложений и рекрутской повинности. Представление Верёвкина об освобождении населения г. Туркестана на 3-4 года от налогов было одобрено русским правительством¹⁷⁵.

Видимо, сам дух святости города, удачное начало завоевания Средней Азии с него, да и само понятие европейцев и русских о пространстве обитания тюрков легли в основу восприятия, применения к занятой им территории названия «Туркестан». Согласно мнению В. В. Бартольда, слово «Туркестан» в научную терминологию XIX в., до начала присоединения края к России, «введено не русскими, а англичанами, вероятно под влиянием персидского или афганского употребления этого слова. В литературе, особенно в отчетах о путешествиях, большей частью различаются Русский, Китайский и Афганский Туркестан, хотя слово Туркестан (или Туркистан) имело административное значение (не государственное – Х.П.) в России и Афганистане. В 1867 г. русские учредили Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте»¹⁷⁶.

По всей вероятности, это наличие исторически не существующего Туркестанского государства и привело В. В. Бартольда к заключению о том, что «в Советской России слово «Туркестан» постепенно вытесняется из

¹⁷⁵ Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – С.156-157.

¹⁷⁶ Бартольд В. В. Туркестан. Из цикла статей из «Энциклопедии ислама»// Сочинения. – Т. III. – С. 519.

употребления... После окончательного проведения национального принципа в 1924 г. общегеографическое название должно было уступить место названиям, образованным от названий народов: Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан... В таких случаях вместо названия «Туркестан» употребляется название «Средняя Азия»¹⁷⁷.

Что касается названия «Средняя Азия», то впервые его в научный обиход ввёл участник дипломатической миссии России в Бухаре (1820-1821), капитан Е. К. Мейендорф. До его поездки в Европе и России, хотя были известны государственные образования Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства, но по общегеографическим понятиям этот край был известен под названиями: «Трансоксания», «Татария», «Туркестан». Не имея четкой государственной границы, они назывались согласно собирательным понятиям имени обитателей края. «Если в географии, – указывает Е. К. Мейендорф, – принято давать стране имя народа, то следует, по крайней мере, чтобы она была заселена этим народом, иначе его обозначение окажется неопределённым и приведет к недоразумениям»¹⁷⁸. Поэтому, после того, как этот любопытный член посольства убедился в том, что в Бухаре и других ханствах проживает и народ не тюркского происхождения – таджики, он высказал мнение об изменении названия края. «Итак, – пишет он, – мне кажется, что было бы лучше заменить название «Татария» именем

¹⁷⁷ Бартольд В.В. Туркестан. Из цикла статей из «Энциклопедии ислама». – С. 519-520.

¹⁷⁸ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару/пер. с фр. Е. К. Бетгера. – М.: Наука, 1975. – С. 59.

«Средняя Азия», каковое я нахожу более точным и более правильным с географической точки зрения»¹⁷⁹.

В этой связи следует отметить, что в западно европейской историографии больше употребительно понятие «Центральная Азия», географически охватывающее более обширное пространство, а «Средняя Азия» находится в пределах средневекового Мавераннахра, и на наш взгляд, более логично вписывается в это географическое пространство.

Из всего вышесказанного можно прийти к выводу об абсолютной неоднозначности «Туркестана» и «Турана». Это лишь выдумка Камолидина и ему подобных сочинителей истории исходя из своих антинаучных интересов.

¹⁷⁹Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С. 60.

ТАДЖИКИ В ИСТОЧНИКАХ И ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Как отмечено выше, так называемые «историки» из соседней дружественной республики Хидоятов, Камоллидин, Илхамов и их последователи в своем широко высокомерном и узко националистическом угаре не могли видеть, скорее не хотели признать, таджиков как исконных жителей края, их отличительные антрополого-этнические черты, их ярко заметный след в истории и культуре Центральной Азии. Это вынуждает нас еще раз в качестве примера приводить некоторые сведения, содержащиеся в источниках, а также во мнениях ряда известных исследователей о таджиках и их определяющем месте в региональной цивилизации.

Согласно содержанию ряда китайских источников, переведенных на русский язык известным служителем Православной церкви, востоковедом, путешественником и первым русским китаеведом Н. Я. Бичуриным (1777-1853), названия «таджик» в виде «тяочжи» и Тяочжиское государство часто приводятся в его известном сборнике «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»¹⁸⁰. В частности в III отделении «Повествования о Западном крае» указано, что «Тяочжиская резиденция стоит на горе, в окружности содержит

¹⁸⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. II. – М. – Л., 1950. – 335 с.

около 40 ли (ли – измерение расстояния, равное 300 или 360 шагам или 500 метрам – Х.П.)»¹⁸¹. При отсутствии указания времени можно предполагать, что это относилось к началу новой эры. Далее приводятся данные, относящиеся к V-VII вв. о Босыском (северо-восточной Персии) государстве, столица которого находилась на территории бывшего Тяочжиского владения. Это в источнике отмечено следующим образом: «Босыйский владетель имеет пребывание в городе Сули, от Ньюми на западе. Это есть древнее государство Тяочжи... Река проходит через город с севера на юг»¹⁸². Далее повествуется о природных богатствах Босы.

Хотя в указанной работе и понятие «таджик» как народ четко не обозначено, но перевес предположения о том, что речь идет именно о таджиках, достаточно ощутим. К примеру, «государство Тяочжи» определяется как таджикское государство. Это обосновывается и сведениями, относящимися к таджикским владениям: Боханьна – Фергана; Кан – Самарканд (он Самоцян) – Согд; Холисими и юегань (Ургенч) – Хорезм; Гудо – Хуталаян; Шумань – Шуман; Тухоло – Тохаристан; Памило, Бами и Бохо – Памир; Хуми, Хокань – Вахан; Шини – Шугнан; Цзюми – Кумед; Дамо – Термез и т. д., что, несомненно, подтверждают обширностью ареала распространения таджиков и их определяющим перевесом в названных владениях и за их пределами в регионе. Слово «таджик», в разных вариантах встречается в

¹⁸¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. II. – С. 224.

¹⁸² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. II. – С. 262.

тибетских источниках, начиная с VIII в., среди прочих оно означало мусульман и Иран¹⁸³.

Ценные сведения о таджиках содержатся в армянских источниках. Камолиддин на 40 страницах своей работы «К вопросу о происхождении этнонима *таджик*. Часть 3. Армянские источники»¹⁸⁴ скрупулезно прослеживая за применением в разных вариантах приведенных армянскими авторами в своих работах этнонимами «таджик» и «Таджикистан», усердно пытается «доказать», что под понятием «таджик» они однозначно подразумевают арабов или под понятием «Таджикистан» – ту или иную арабскую страну. Чтобы «доказать» себе удобную правду, он взялся (разумеется, преднамеренно) за исследование «всего комплекса письменных источников, содержащих сведения о слове *тазии тазик* (*тажик/таджик*) с целью выяснить его происхождение и превращение в современный этноним». Главный итог его «исследования» заключается в том, чтобы «доказать» таджиков как некоренных жителей Средней Азии.

Согласно его выводам на основе сведений, извлеченных из армянских источников V-VI вв., «термин *тачик / тажик* с вариантами *тадчик* и *таджик* упоминается почти во всех армянских источниках. Этим термином армянские авторы доисламского времени называли северных арабов, а под названием Тачкстан или

¹⁸³ См.: Таджики в источниках и трудах исследователей (Материалы по истории таджиков). Книга I (сост.: С. Бастонгухар, Н. Убайдуллоев). – Душанбе: Дониш, 2018. – С. 21-31.

¹⁸⁴ Камолиддин Ш.С. К вопросу о происхождении этнонима *таджик*. Часть 3 // Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. Древность. Средние века. Новое время. Вып.3. Отв. ред. Ш. С. Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2018. С. 41 – 80.

Татчкастан, т. е. Таджикистан, подразумевали территории между Сирией и рекой Евфрат.

В источниках раннеисламского времени (VII – VIII вв.) термин *тачик* употреблялся в значении «араб» и «мусульманин». Топоним Тачкастан теперь стал означать Арабский халифат... В источниках IX–X вв. термином *тадик* армяне стали обозначать не только арабов, но и всех мусульман, включая персов, тюрков и других принявших ислам неарабов». Далее, продолжая в такой манере, приходит к интерпретации армянских источников XIX – начала XX вв., и повторяет, что «термин *тачик* означал «мусульманин», и чаще армянские авторы прилагали его к османским туркам, а топоним Тачкастан означал Турцию»¹⁸⁵.

Следует отметить, что от его множества противоречивых цитат из свыше 40 сочинений армянских авторов средневекового и нового периодов восприятие сведущего читателя не меняется. Под какими бы именами и понятиями ни представлял таджиков Камолиддин из работ армянских авторов, от этого суть дела не меняется. Под какими бы названиями они ни приводились на страницах древних и средневековых сочинений, таджики как древние обитатели Центральной Азии прочно занимают свое определяющее место в истории цивилизации региона.

Разумеется, при отсутствии точных географических координат того или иного государства и народа, из-за постоянно продолжавшихся миграционных процессов названия государственных образований часто менялись в

¹⁸⁵ Камолиддин Ш.С. К вопросу о происхождении этнонима *таджик*. Часть 3. Армянские источники. –С. 73-75.

зависимости от языковой среды или чужеземного информатора. Немало фактов, когда древние и средневековые историки и путешественники-географы из других стран описывали имена или название страны на языке самого автора.

Поэтому, на наш взгляд, таджиков часто путали с арабами в силу того, что таджики в распространении исламской религии и арабского языка, в силу своих способностей, превратились в их надежную опору. Исходя из этого, в ходе завоевания и утверждения власти арабов некоренные жители Мавераннахры и Хорасана называли их арабами или таджиками, не разделяя их этнических особенностей. Поэтому в средневековой армянской историографии зачастую таджиков и их место обитания показывали за пределами Средней Азии.

В частности, в сочинении армянского историка первой половины V в. Агатангелоса «Истории Армении» приводится: «Он [Хосрав] собрал огромное войско, составил полки и созвал ту же и даже большую, чем прежде, армию. И стал совершать набеги в сторону Асорестана, тем более, что и войска тачиков помогали и, разоряя всю страну, каждый [овеянный] славой храбрости, возвращался к себе»¹⁸⁶. Этот же автор, указывая на их боевитость, писал: «Немало битв он (Трдат¹⁸⁷) провел в краях тачикских, там за Евфратом, где однажды вышел с поля битвы с тяжело раненным конем», и далее со слов

¹⁸⁶ Агатангелос. История Армении // пер. с древнеармянского, вступ.ст. и комментарий К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатяна. – Ереван: Наири, 2004. – С. 15.

¹⁸⁷ Трдат или Тридат (250-330) – царь Великой Армении из династии Аршакидов.

самого Трдата: «Сердце моё с ней (Рипсимэ¹⁸⁸), и я ее никогда не забуду, пока я, царь Трдат, жив. Я хорошо знаю страны греков и римлян и наш парфянский край, ибо это наша исконная родина, а также Асорестан, Тачкстан и Атрпатакан»¹⁸⁹.

Не вдаваясь в подробности анализа всех сочинений армянских средневековых авторов, в которых содержатся упоминания в различных произношениях, суть сведений о таджиках и Таджикистане, с некоторыми неточными географическими показателями, не меняется. Их сведения, в отличие от предвзятого «анализа» Камоллидина, нуждаются в более обстоятельном сопоставительно-объективном изучении. В данном случае ясно одно: армянские авторы, исходя из масштаба известности таджиков, чрезмерно широко обрисовали ареал их распространения не только в Центральной Азии, но и далеко за её пределами. То, что указанный злонамеренный историк не мог или не хотел осознать эту истину, ровным счетом ничего не меняет в общепризнанной роли таджиков в истории региона.

Впрочем, показатель широкого ареала распространения таджиков не случаен. Это связано с именами выдающихся представителей этого народа, широко известными во всех крупнейших государствах или

¹⁸⁸ Рипсимэ или Рипсимия – раннехристианская армянская проповедница, бежавшая в Армению от домогательств римского императора Диоклетиана. Она также отвергла любовь к ней Трдата, за что была казнена. Прошло совсем немного времени, царь тяжело заболел и видел спасение только в принятии христианства, и соорудил в честь Рипсимэ величественный храм Рипсимэ, одну из достопримечательностей современной Армении.

¹⁸⁹ Агатангелос. История Армении. – С. 55. Названия, приведенные Агатангелосом: Асористан, на среднеперсидском – «Земля Ассирии», в составе Сасанидского государства; Тачкстан – пространство племен саков; Атрпатакан – Азербайджан.

империях исламского мира. Всему миру стали известны великие творения таджикских мыслителей и поэтов в Индии, таких как Хасани Дехлави (1354-1327). Амир Хусрав Дехлави (1253-1325), известные поэты XIII-XIV вв. Даджаддин Дехлави, Шахабаддин Бадаюни, Амидаддин Санами, Бадр Чачи (или Шаши), Маулан Дауд и др. В империи Великих Моголов в Индии (1526-1549 и 1555-1858) при господстве Тимуридов, таджикский язык фактически получил статус государственного языка. Этот период является периодом расцвета персо-таджикской литературы в Индии. Наряду с именами великого поэта, философа Мирза Абулкодира Бедиля (1644-1720), Зебуниссо (1838-1702) можно назвать десятки известных поэтов, бессмертные творения которых созданы на таджикском языке. Можно привести десятки примеров великих творений таджикских мыслителей и поэтов в Турции периода правления Сельджукидов (Конийский Султанат). К ним относятся Афзал ад-Дин Хакани (1126-1199), Наджм ад-Дин Кубра (1145-1220), Шихаб ад-Дин Хафс Сухраварди (1145-1234). Среди них и последующих особо выделяется один из величайших духовных наставников и поэтов таджико-персоязычного мира Джалал ад-Дин Руми Балхи (1207-1273), Кутб ад-Дин Махмуд Ширази (1236-1311) и др. Таких примеров можно привести очень много, исходя из чрезвычайно широкой популярности таджиков в тех или иных странах Востока, в которых этот народ ассоциировался с именами тех государств, откуда исходила их известность, и чрезмерно обширной географии их обитания. При более обстоятельном изучении истории таджикского народа, разумеется, можно ощутить эту реальность.

В силу неосведомленности или проявления сознательного упрямства этом плане, у Камолиддина совершенно другое мнение. Он и его единомышленники больше склонны абсолютизировать заслуги западноевропейских востоковедов. При такой постановке вопроса явный перевес на стороне кругов, выделяющих гранты с целью путем умышленного искажения исторической действительности вызывать разногласия между дружественными народами республик Средней Азии, и этим дестабилизировать политическую обстановку в регионе, что отвечает их геополитическим интересам.

Известно, что русско-среднеазиатские торговые отношения берут начало задолго до образования Киевской Руси, о чем свидетельствует обнаружение в европейской части территории России множества монетных кладов, относящихся к сасанидскому и в особенности к саманидскому периодам. Что касается посольских связей, то они с периода царствования Ивана IV Грозного (1533-1584) приобрели регулярный характер¹⁹⁰. Но научное изучение истории края в русской историографии, как отмечено, началось несколько позже. Это было связано, с одной стороны, с усилением геополитических интересов Англии и России в регионе, а с другой – с всевозрастающим научным интересом ученых России к истории и культуре народов Средней Азии, в ходе её присоединения к России и в колониальный период ее истории.

Почти все русские исследователи, дипломаты, представители военных кругов, посетившие Среднюю Азию

¹⁹⁰ Подробно о российско-среднеазиатских отношениях см.: Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI – середины XIX веков в русской историографии. – Душанбе: Маориф, 2000. – 338 с.

как до, так и после присоединения края к России, высказали единодушное мнение о том, что таджики, как древнейшие аборигены данного пространства, относятся к индоевропейской, арийской расе.

Член Российской дипломатической миссии в Бухаре А. Ф. Негри (1820-1821 гг.), Е. К. Мейендорф – один из первых европейских и русских путешественников, давших обстоятельные сведения о Бухарском эмирате, с большой симпатией отзываясь о таджиках, пишет: «Бухарский народ разделяется на две основные группы: одна – победившая и господствующая, другая – побежденная и подчиненная. Первую составляют узбеки, вторую – таджики. Последние рассматривают себя как первоначальное население страны и происходят, вероятно, от древних согдийцев. Таджики отличаются коренастой фигурой, европейскими чертами лица, красивым цветом кожи. Они значительно менее смуглы, чем персы, и черноволосы»¹⁹¹. Такой характеристики таджиков в русской научной литературе ранее не встречается. Что касается мнения автора о том, что только древние согдийцы являлись предками таджиков, то это исходит от его недостаточной исторической информированности о древних бактрийцах, харазмийцах, ферганцах, саках и других, из которых впоследствии сложился таджикский народ.

Характеризуя место таджика периода его пребывания в Бухаре, Е. К. Мейендорф пишет: «Лицо таджика всегда выражает самые свершенные кротость и безмятежность... Таджики деятельны, трудолюбивы и имеют немалые способности к различным профессиям: они –

¹⁹¹Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С.103-105.

купцы, ремесленники и земледельцы; кочевая жизнь не доставляет им никакой радости. Большинство умеет читать и писать, и, кроме духовенства, составляют наиболее цивилизованную часть бухарского населения»¹⁹².

Е. К. Мейендорф попытался определить численный состав народностей и этнических групп. Согласно его приблизительным подсчетам (в Бухаре, как и в других странах средневекового мусульманского Востока, перепись населения, как противоречащая канонам шариата, не проводилась), по количеству населения первое место занимали узбеки, насчитывающее 1,5 млн., на втором месте таджики – 650 тыс.¹⁹³. Следует отметить, что этот показатель приводится без учета владений Восточной Бухары, которые еще не были присоединены к эмирату. Если учесть, что подавляющее большинство населения этой части, именуемой Восточной Бухарой, составляли таджики, а также если к ним прибавить население Памира, то этот показатель возрастает многократно. Ценность информации Е. К. Мейендорфа заключается в том, что он, посути, впервые ознакомил западноевропейских и русских читателей с таджиками.

Вторым исследователем, более пристально интересующимся историей и культурой таджиков, являлся член российского посольства К. Ф. Бутенева в Бухару (1840-1841 гг.), в будущем известный ученый-ориенталист Н. В. Ханыков (1822-1878). Хотя членами посольства был собран «обширный и разнообразный материал для характеристики, как производительных сил Бухарского ханства, так и быта его населения», но среди них особое

¹⁹² Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С. 105.

¹⁹³См.: Там же. – С. 106.

место принадлежит труду Н. В. Ханькова «Описание Бухарского ханства» и материалам, собранным А. Леманом «по флоре и фауне ханства».¹⁹⁴ Н. В. Ханьков указывает на таджиков как на коренных жителей Бухары, утверждает, что когда таджики заселили место современного города, «густые камыши покрывали то место, где теперь находится Бухара, и служили притоном диким зверям. Таджики первые начали обрабатывать берега его и применять тогда еще богатые воды его к возделыванию полей и садов и вообще должно иметь высокое понятие о их трудолюбии если верить цветущим описаниям тогдашнего состояния сего края»¹⁹⁵. Не мешало бы Камолитдину знать о мнении Н. Ханькова касательно основания города Бухары. Н. Ханьков, обращая внимание на внешние черты таджиков, пишет: «Черты лица их правильны и красивы, рост большей частью довольно высокий, цвет кожи белой, а волоса и глаза почти всегда черные, в одежде своей хотя они и следуют строго предписаниям Корана, но всё-таки в ней заметно гораздо более изысканности, чем у узбеков»¹⁹⁶. В ходе исследования этнографии Персии также характеризуя таджиков, указывает, что таджики, как и все персы, относятся к арийско-океанической расе¹⁹⁷.

Перечисляя названия 97 родов узбеков, он приводит результаты своих наблюдений следующим образом: «Узбеки по наружности своей много напоминают племена Монгольские; но вообще глаза их больше и черты лица их немного красивее, роста бывают они большей частью

¹⁹⁴Ханьков Н.В. Описание Бухарского ханства. – СПб., 1843. – 280 с.

¹⁹⁵ Там же. – С. 53.

¹⁹⁶ Там же. – С. 56.

¹⁹⁷ См.: Ханьков Н.В. Записки по этнографии Персии. – М.: Наука, 1977. – С.70.

среднего, цвет волос бороды их меняется между рыжим и темнорусым, черноволосых же весьма мало... По образу жизни их надобно разделить: на оседлых, на кочующих земледельцев и на кочующих»¹⁹⁸. Что касается оседлых узбеков, автор их сравнивает с таджиками и находит общую схожесть, только с той разницей, что у таджиков в домашнем быту «заметно более утонченности, которую они невольно заимствуют в государствах более образованных, посещаемых ими по делам торговли. Кочующие живут в кибитках подобно нашим киргизам..., но внутренность кибитки несколько красивее убрана, нежели в кибитках киргизов»¹⁹⁹.

В примечаниях к работе немецкого ученого Карла Риттера (1779-1859) «Иран»²⁰⁰, Н. В. Ханьков, высказывая мнение о том, что таджики – древний народ, пишет: «Таким образом, мне кажется несомненным, что слово Таджики, означавшее, с глубокой древности и до покорения Персии арабами, приверженцев учения Зороастра, вышло из употребления вследствие причин религиозных и вновь появилось в письменном языке, после того, как монголы, потоками крови, разбавили несколько семитический фанатизм, привитый арабами иранцам, в такую эпоху, когда исламизм уже довольно окреп, чтобы не бояться старых воспоминаний, – и появилось действительно в смысле термина этнографического «персоязычников»²⁰¹.

¹⁹⁸ Ханьков Н. В. Описание Бухарского ханства. – С. 66.

¹⁹⁹ Там же. – С. 66-67.

²⁰⁰ См.: Риттер К. Иран/перевод и дополнение Н.В. Ханькова. – СПб., 1874.

²⁰¹ Цитируется по кн.: Таджики в источниках и трудах исследователей. – Книга 1 (с изменениями и дополнениями). – Душанбе: Дониш, 2018. – С. 53.

Все это свидетельствует о том, что в первой половине XIX в. в русской историографии появляются более конкретные сведения о таджиках. Другими словами, к началу присоединения Средней Азии к России в востоковедческих кругах России уже появляется более четкое представление об этом народе. В этом плане немало сведений о таджиках проникало и через работы западноевропейских путешественников, представителей дипломатических и разведывательных кругов.

Одним из их представителей, посетивших край в начале 30-х годов XIX в., являлся капитан британской армии, сотрудник Ост-Индской компанейской службы Александр Бёрнс (Борнс) (1805-1841). Интересуясь историей жителей Бадахшана и Памира, он неоднократно слышал, что они, главным образом, их правители (миры), себя считают потомками Александра Македонского и этим подчеркивают, что эти местности являются их древними обиталищами. Согласно мнению автора, это подтверждается тем, что «все эти правители суть таджики», являются обитателями этой страны «до нашествия турецких и татарских племен»²⁰². Далее Бёрнс пишет, что «все они имели светлый цвет кожи и отчасти походили на персиян нового времени; но вместе с этим составляли самую резкую противоположность с турками и узбеками»²⁰³.

В этом плане особый интерес представляют работы известного венгерского ученого, путешественника и ориенталиста Арминия (Германа) Вамбери (1832-1913). В

²⁰² Борнс А. Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской компанейской службы. – Часть третья. – М., 1850. – С. 309.

²⁰³ Борнс А. Путешествие в Бухару. – С.310.

своей книге «Очерки Средней Азии», характеризуя таджиков, он, в частности, пишет: «Тадшики, которых называют остатками первоначального населения Средней Азии, теперь встречаются в наибольшем числе в Бухарском ханстве и Бедахшане. Кроме того, их много еще в городах Коканда, Хивы, Китайской Татарии, и Афганистана»²⁰⁴. В книге «Путешествие по Средней Азии» А. Вамбери, указывая на древность истории таджиков, их состояние подчиненности узбекам, с некоторой досадой отмечает, что они стоят выше турок по своим духовным преимуществам. «Тадшики, – пишет он, – первоначальные обитатели всех городов Средней Азии, встречаются здесь (имеется ввиду в Бухаре. – Х. П.) в самом большом числе, и потому Бухара единственное место, где таджик гордится своей национальностью. Он держится еще границ своего прежнего отечества, древнего Хорасана: на восток – Хотена (в Китае), на запад – Каспийского моря; на север – Ходшента, на юг – Индии»²⁰⁵.

Согласно наблюдениям А. Вамбери, таджики составляли часть населения Кокандского ханства или Ферганы. «Тадшики, – пишет он, – хотя и не многочисленное, чем в Бухаре, но встречаются большими группами, и, чего нигде не найдешь, образуют даже целые деревни и города. Так, город Ходшент, деревни Велекенда (вероятно Гулякандаз – Х. П.) и Кизакус (Кистакуз – Х. П.) исключительно населены этим первобытным персидским племенем, и, еще 400 лет тому назад, как гласит предание, значительные города Наменган (Наман-

²⁰⁴Вамбери А. Очерки Средней Азии. – М., 1868. – С. 315-316.

²⁰⁵Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – М., 1867. – С. 306.

ган), Андиган (Андижан) и Мерголан (Маргелан) принадлежали им. Что касается до их характера, то кокандские таджики не лучше своих бухарских единоплеменников... Жители которого говорят языком, сохранившим много форм, которые часто употреблял древнейший персидский поэт Рудеки, родом бухарец»²⁰⁶. Таджики как древний народ региона неоднократно упоминаются в искреннолестной оценке и в другой работе указанного автора – «История Бухары или Трансоксании»²⁰⁷.

В изучении истории и культуры таджикского народа особая заслуга принадлежит русским исследователям, которые, начиная с конца XVIII в., постепенно начали выделяться. В первой четверти, в особенности с середины XIX в., они по праву держали пальму первенства в исследовании истории и культуры народов Средней Азии. Уместно отметить, что Камолиддин явно несоглашается с такой нашей оценкой. Но независимо от его явно предвзятого взгляда, заслуга русских исследователей является определяющей в историографии региона второй половины XIX – начала XX вв. Их поистине великое наследие служило, и будет служить, в качестве надежных источников для изучения позднесредневековой и новой истории края. В этом контексте особо выделяются заслуги русских востоковедов, благодаря исследованиям которых таджики заняли достойное место в истории мировой ориенталистики.

До присоединения Средней Азии к России те разбросанные сведения, появлявшиеся в печати, в основ-

²⁰⁶ Вамбери Г. Путешествие по Средней Азии. – С. 317.

²⁰⁷ См.: Вамбери Г. История Бухары или Трансоксании. – СПб., 1873. – С. 8, 43, 90-91, 145-176-177-189.

ном носили фрагментарные антропологические сведения о таджиках. Как уже отмечено, они лишь подчеркивали внешние отличия таджиков от основной массы населения края, их индоевропейские черты лица и их арийское происхождение.

Присоединение края к России, несмотря на колонизаторскую политику царизма, открыло широкий простор для исследователей в историческом и, в особенности, в этнографическом плане. В своей совокупности русские исследователи довольно подробно обрисовали картину хозяйственно-бытовой жизни, обряды и другие стороны традиционной самобытной культуры таджиков второй половины XIX – начала XX вв. Но это вовсе не означает, что все исследователи и путешественники, оставляющие в наследство сведения о таджиках, правдивы и безупречны. Они зависели от степени исторической и культурно-бытовой осведомленности, Поэтому в анализе их наследия следует быть осторожным и вместе с тем должна присутствовать предельная объективность в их оценке.

Одним из первых посетителей Средней Азии после присоединения к России являлся известный путешественник и естествоиспытатель А. П. Федченко. Он свои впечатления, полученные от знакомства с таджиками, передает следующими словами: «Таджики, принадлежащие к иранской расе, составляют первобытных жителей страны и до сих пор еще хорошо сохранили свой тип... Жители долин, напротив, смещались с позднее пришедшими сюда узбеками, народом тюркского пле-

мени, резко отличающимся от таджиков своим внешним типом»²⁰⁸.

О таджиках, принадлежащих к арийской расе, сравнительно обстоятельная характеристика дается в работах чиновника военно-административной службы при Туркестанском генерал-губернаторе А. Д. Гребёнкина (1840-1888), знавшего таджиков не понаслышке, а обстоятельно исследовавшего их историю, жизнь и традиции. «С занятием города Туркестана (1864 г.), – пишет он, – мы вступили в страну таджиков, и чем далее с того времени подвигались на восток и юг, тем таджикское население встречалось чаще и чаще; наконец, в западных отрогах Тянь-Шана, из которых берут свое начало Чирчик, Ангрен, Сыр, Аксу и Заравшан, оно обратилось в преобладающее над тюркским, а местами – в совершенно сплошное таджикское, без примеси другой народности. Итак, в течение шести лет мы, русские, уже имеем дело не с одним тюркским населением, но и с арийским; в течение шести лет мы имели полную возможность изучать остатки древних обитателей Средней Азии, исследовать ту форму, в которую изменилось это племя, некогда владевшее большей частью Азии, бывшее представителем цивилизации всего мира»²⁰⁹.

Если все эти сведения сравнивать с положением таджиков в колониальные годы, до национально-терри-

²⁰⁸Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1869. – С.39-40.

²⁰⁹Гребенкин А. Д. Таджики. Узбеки. Мелкие народности Заравшанского округа//Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. – Вып. 2: Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. – М., 1872. – С. 1 (более подробно о таджиках, см. с. 1-50).

ториального размежевания и после, то не трудно заметить существенные изменения, разумеется, не в пользу таджиков. По какой причине это происходило, всем хотя бы сносно знакомым с историей этого периода, известно.

Ценные этнографические сведения о горных таджиках содержатся в работе востоковеда - индолога И. Минаева «Сведения о странах по верховьям Аму-Даби»²¹⁰. В отличие от многих авторов, которые, посетив эту горную местность, в основном опираются на свои наблюдения, И. Минаев предпочитал основываться на сведениях предыдущих авторов. Касательно мнения о древности обитания человека в этом горном массиве он во введении к своей книге указывает, что «в начале века (XIX– X.П.), после первых успехов сравнительного языкознания, под влиянием старых преданий и древних известий о первых рассадниках культуры, ученые одно время искали родину арийцев на Памире или же в странах пограничных, но после более обстоятельного знакомства то представление еще больше расширилось и несколько исходило из этой рамки»²¹¹. Нужно заметить, что мнение автора основывается на уровне доступности ему материала до середины 70-х годов XIX в.

Позже по мере более обстоятельного изучения края русскими и западноевропейскими исследователями, непосредственно посетившими край, мнение о том, что Памир и Бадахшан являлись важными очагами жителей арийского происхождения, все больше укреплялось. Это даже заметно по заключениям автора. Указывая на

²¹⁰Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879. – 270 с. (с картой).

²¹¹Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – С. IV.

внешность бадахшанцев, он пишет: «Раса эта очень красива; большая часть таджиков, если не все, говорят по-персидски и отличаются общительностью»²¹².

Не безынтересно и мнение известного русского военного деятеля, дипломата и востоковеда Л.Ф. Костенко (1841-1888) об арийском происхождении горных таджиков Памира. В частности он писал: «Памир пробуждает в себе глубокий интерес всего образованного мира по двум причинам: во-первых, эта самая высокая часть азиатского материка, откуда все реки текут в различные стороны, так что туземцы весьма остроумно назвали его *крышей мира (бами дунья)*, а во-вторых, здесь предполагается колыбель арийского племени. Во времена доисторические это племя хлынуло с Памира двумя потоками: один устремился на юг – в Индию, а другой на запад, в Европу; таким образом, составилось индо - германское или, иначе, индо - европейское племя»²¹³.

Среди авторов, оставивших довольно интересные сведения этнографического характера о горных таджиках второй половины XIX в., заметное место принадлежит Д. Л. Иванову (1846-1924). В своем довольно обширном докладе «Путешествие на Памир»²¹⁴, читанном по частям в общем собрании Императорского Русского Географического общества 11, 20 апреля, 2 мая 1884 г., наряду с географическими, орографическими и другими

²¹²Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. 1879. – С.190.

²¹³ Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России. – Т. I. – СПб., 1880. – С. 141.

²¹⁴Иванов Д. Л. Путешествие на Памир // Известия Императорского Русского Географического общества (в дальнейшем: Изв. РГО). – Т. XX. – 1884. – С. 209-252.

проблемами, ставшими целью поездки этого естествоиспытателя на Памир в 1884 г., приводит немало подробностей и этнографического характера. После информации о памирских киргизах Д. Л. Иванов переходит к этнографическому освещению населения Западного Памира, главным образом, жителей Дарваза, Рушана, Шугнана и отчасти Каратегина. Свои впечатления от наблюдения за таджиками указанных местностей он передает следующим образом: «Взглянешь на таджика горца, – и прежде всего, сказывается раса: вы сразу видите, что это другой человек – не киргиз, не монгол. Правильные черты лица, открытые, прямо поставленные глаза, густые брови и бороды (часто русые волосы), другой склад всего корпуса, уже сразу отличают арийское племя»²¹⁵.

Подчеркивая арийское происхождение таджиков, В. В. Бартольд пишет: «Насколько мы можем проследить историю Средней Азии, оседлое население ее всегда принадлежало к арийскому племени, именно к иранской группе арийских народов»²¹⁶. Это само по себе означает, что речь идет о таджиках.

Этнографические сведения касательно горных таджиков Памира приводятся капитаном Кузнецовым. В своей довольно обширной статье «Памиры»²¹⁷, давая подробности географического расположения местности, маршруты, климатические условия, вкратце упоминает об этнической особенности памирцев. В частности он

²¹⁵ Там же. – Т. XX. – 1884. – С.240.

²¹⁶ Бартольд В.В. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии// Сочинения. – Т. II. – Ч. 2. – М.: Наука, 1964. – С.322.

²¹⁷ Кузнецов. Памиры // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LVI. – СПб., 1894. – С.1-21.

указывает: «Жители западных Памиров, таджики – народ арийского происхождения»²¹⁸.

Интенсивность изучения таджиков русскими исследователями особенно возросла вначале XX в. Этому способствовало само втягивание в орбиту российской империи, как административного субъекта Туркестана, беспрекословного утверждения протектората России над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством.

Население города Бухары, которое в основном было таджикским, на Е. Маркова производило ярко заметное впечатление. «Народ в Бухаре, – пишет он, – эта картина: на каждом шагу; куда ни оглянешься, красавец на красавце, уж особенно дети и молодые мальчишки. Сверкающие, как фарфор, и огнем горящие черные глаза среди матовой белизны слегка смуглого полного лица, с очень правильными чертами, оттененными черной порослью молодых усов и молодой бороды, чувственные румяные губы сразу выдают вам прекрасный иранский тип таджика, коренного обитателя древней Трансоксаны или, так называемого в средние века, «Маварель-нагара» (Мавераннахра - Х. П.), то - есть «Заречья»²¹⁹.

Далее автор, наблюдая за таджиками Ходжента, свои впечатления выражает следующими словами: «Тип здешнего населения гораздо красивее, чем в Ташкенте и в других городах. Здесь всё больше таджики или сарты, переродившиеся из таджиков... Благородный иранский тип своей белой кожей, своими мягкими прекрасными

²¹⁸ Там же. – С.13.

²¹⁹ Марков Е. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. В двух томах, 6-ти частях. Т. I. – СПб., 1901. – С.394-395.

чертами лица, – сразу выделяются среди звероподобных физиономий монгольской крови, косоглазых, плосконосых, скуластых. Особенно красивы тут дети, девочки преимущественно. Они гораздо больше похожи на европейцев»²²⁰.

Что касается его определения «племени славянского типа», то он пишет: «К ним нужно отнести часть населения северного Каратегина и Дарваза и часть горцев Вахана, в Южных Памирах. Говорят, в Вахиа-Боло, одной из областей Дарваза, тоже есть целые поселки горцев этого типа, но нам не пришлось быть там лично. Горцы эти отличаются светло-русыми, довольно часто рыжеватыми, волосами, голубыми и серыми глазами и телосложением в высокой степени напоминают наших крестьян-великорусов»²²¹.

Русский исследователь А. Н. Самойлович в своей работе «Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества»²²², выражая уверенность в принадлежности таджиков к арийцам, писал: «Насколько мы можем проследить историю Средней Азии, оседлое население ее всегда принадлежало к арийскому племени, именно к иранской группе арийских народов»²²³.

²²⁰ Марков Е. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. Т. II. – СПб., 1901. – С.32-33.

²²¹ Масловский С. Гальча. (Первобытное население Туркестана). – С. 24.

²²² Самойлович А. Н. Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества. Историко-географический очерк. – СПб., 1903. – 145 с.

²²³ Самойлович А. Н. Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества. Историко-географический очерк. – СПб., 1903. – С.34.

Особое место в этнографическом изучении таджиков занимает работа известного русского этнографакраевода А. Шишова (1860-1936), «Таджики»²²⁴. Говоря о значении слова «таджик», он, поддерживая мнение Н. Ханыкова, пишет, что оно «происходит от персидского существительного тадж, корона, и означает «коронованный», «увенчанный»²²⁵.

Что касается происхождения таджиков, А. Шишов, с уверенностью связывая их непосредственно с арийцами, пишет: «Древнейшими источниками сведений о Туркестане служат индийские и иранские религиозно-этнические предания. На них основывается, между прочим, гипотеза, что Памирская высь, ограничивающая Туркестан с юго-востока, была колыбелью арийского племени, которое разошлось отсюда в разные стороны». «Вообще признано, – пишет он, – что Бадахшан и верхняя часть долины Оксуса были одним из первых мест пребывания арийской расы. Их движение к югу, вероятно, было постепенное и вначале происходило более, вследствие естественного роста, нежели от жажды завоеваний. По мере занятий ими местностей более плодородных и с лучшим климатом, число их должно было увеличиваться еще быстрее. Военные предприятия более значительные сделались возможными и движение вперед пошло скорее»²²⁶.

Одна из ветвей арийцев, состоявшая из последователей Зороастра, заняла Согдиану (страну между реками Аму и Сыр), Маргиану (Мерв), Бактриану (Афганский

²²⁴ См.: Шишов А. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. – Ташкент, 1910. – 325 с.

²²⁵ Шишов А. Таджики. – С. 77.

²²⁶ Шишов А. Таджики. – С. 89.

Туркестан), Ариану (Иран) и всё иранское плоскогорье, весь Иран, а также Ховарезм (Хиву).

Арийцы, сохранившиеся в Туркестанском крае, известные в древности под именем таджиков, составляют коренное оседлое население бассейнов Аму и Сыр-Дарьи, также как и Тарима в Восточном Туркестане»²²⁷. Общую цифру таджикского населения в Центральной Азии, на основе доступных ему данных, А. Шишов определил в 1 890 000²²⁸. Последовательно приведя мнения предыдущих авторов, пытается обрисовать «наружные признаки таджиков». В целом он дает те же описания, или отличительные их признаки по сравнению с кочевыми тюркскими племенами, которые давали русские и европейские исследователи, посетившие до него Среднюю Азию²²⁹.

Что касается особенности таджикского языка, то, согласно наблюдениям автора, «таджики говорят на персидском языке. Они принадлежат к ветви иранцев, захватывающей народы, которые когда-то говорили по зендски, на языке Авесты или древнеперсидской святой книги, равно как на языке клинообразных надписей первого разряда персидских великих царей, или же состояли в ближайшем родстве с ними. Из зенда выработался, смешавшись с элементами семитическими, пелеви, а из последнего ново-персидский... Все таджики говорят различными персидскими наречиями, начиная с бухарского таджика, хвастающегося живостью и чистотою своего персидского наречия и кончая

²²⁷ Там же. – С. 88-89.

²²⁸ См.: Шишов А. Таджики. – С. 91.

²²⁹ См.: Там же. – С. 92-98.

сарикольцами и ваханцами, усвоившими себе непонятный образ выражений, который принадлежит к одной из ветвей иранского языка». Далее указывает на сравнительную чистоту языка таджиков Ходжента, которые разговаривали на языке, в котором сохранилось много грамматических форм вроде тех, «какие употреблял древний персидский поэт Рудаки, родом бухарец»²³⁰. Уместно отметить, что новоперсидский литературный язык, или «порсии дари», лежащий в основе современного таджикского языка, сложился в Мавераннахре и Хорасане.

Как явствует из вышеприведенных сведений западноевропейских и русских авторов, они однозначно показали свою солидарность с мнением о том, что таджики являлись коренными древними аборигенами Центральной Азии и прямыми по-томками арийцев. Это подтверждали и особенности их языковых показателей. Но, несмотря на это, как отмечено, со стороны вышеупомянутых узбекских исследователей всё чаще исходит призыв: признать Среднюю Азию исторической родиной узбеков и считать именно их «потомками» арийского этноса.

В советское время исследователи исходили из мнения о длительном процессе смешения местных аборигенов Средней Азии, носителей восточно-иранских языков, с пришлыми тюркоязычными племенами, на основе которых позже формировались узбекские предки²³¹. Другими словами, формирование своих предков

²³⁰ Шишов А. Таджики. – С. 95-96.

²³¹ См.: Аскарлов А.А. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1986. – С.7-10; Ходжайов Т.К. Краткие итоги

узбекские историки связывали с древнейшими аборигенами региона, индоиранцами – предками таджиков. Это исходило из их желания значительно углублять временные рамки появления своих предков в этом пространстве.

После распада СССР и вместе с ним исчезли обязательное соблюдение принципа интернационализма и братские связи между республиками, открылся широкий простор для «захватнических» действий в отношении исторических ценностей в регионе. В этом марафоне поисков «следов» далеких древних предков особое усердие показывают некоторые наши узбекские коллеги. Они в надежде найти следы древних корней своих предков готовы в качестве «доказательства» ухватиться за что угодно. При этом не обязательно углубляться в содержание или смысл обнаруженных письменных источников или вещественных артефактов. Главное, исходя из своих интересов, пытаются, искусно жонглируя на свой лад как содержанием источников, так и предельно обоснованными заключениями известных ученых о предках таджиков, стоявших у истоков народонаселения Средней Азии.

На наш взгляд, нет необходимости вдаваться в детально подробный анализ причин намерения вышеуказанных узбекских исследователей, которые радикально изменили за последние два десятилетия свои взгляды на свою историю, в особенности на её этнические корни. Ввиду того, что в этом плане достаточно

изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1986. – С. 93-100.

обстоятельно изложил свое, мнение известный советский и российский археолог, этнолог и антрополог В. А. Шнирельман, такая необходимость фактически отпадает. В статье «Арийцы или тюрки?»²³² автор, довольно убедительно излагая свое мнение в отношении «мотивировки» наших соседних историков, пишет: «Для туркмен, казахов и узбеков обретение арийского прошлого означает, прежде всего, утверждение своего статуса как «коренного народа» и, следовательно, это легитимизирует их право на строительство своего государства на территории, представляющей «древней прародиной». Кроме того, «арийское родство» предоставляет тюркским народам почетное место в древней истории и уравнивает их с европейцами, помогая освободиться от комплекса ущербности. В частности это откроет возможность приобщения через арийцев к славе древних цивилизаций»²³³.

В. А. Шнирельман приводит соответствующие аргументы касательно причин трансформации взглядов узбекских исследователей: если раньше они отталкивались от многослойности этнических компонентов, в которых перевес был на стороне персидских племен, как наиболее яркого показателя арийского происхождения, то с начала XXI века у некоторых из них утвердилось мнение о том, что именно они, узбеки, являются прямыми потомками арийцев. При этом таджикам определили статус пришельцев, не имеющих никакого

²³² Шнирельман В. А. Арийцы или тюрки? Борьба за предков в Центральной Азии//Политическая концептология. Журнал меадисциплинарных исследований – М.: Южный федеральный университет, 2009. – № 4. – С. 192-212.

²³³ Там же. – С. 192.

отношения к арийцам. В. А. Шнирельман, прослеживая за изменениями, происходившими во взглядах известного узбекского ученого А. Аскарлова в отношении причастности узбеков к арийцам, пишет:

«В изданном в начале 1990-х гг. под редакцией узбекского археолога, академика А. А. Аскарлова, фундаментальном двухтомнике «История народов Узбекистана» формирование узбекского народа также описывалось как слияние отореченных иранских племен с пришлыми тюрками»²³⁴. Таким образом, согласно мнению автора, до прихода новых тюрков в регионе были «отореченные» персы. Появившиеся новые тюрки просто смешались с ними. «Похоже, – пишет В. А. Шнирельман, – это мнение является официальной точкой зрения Института истории АН Республики Узбекистан, где убеждены в том, что «древнейшие тюрки» жили в Средней Азии еще до «индоарийского завоевания». Сегодня такие идеи иной раз включаются даже в школьные учебники. Так, в пособии для учителей саки и массагеты представлены предками узбеков»²³⁵.

Словом, если А. Аскарлов доказывает, что, «обитая в Средней Азии не менее 3,5 тыс. лет, тюрки являлись там тоже «коренным населением», то Камолиддин, как отмечено выше, признает только одну удобную для себя «истину»: тюрки, и только тюрки, являются коренными аборигенами края и настоящими потомками арийцев. Что касается остальных, имея в виду восточных иранцев, т. е. таджиков, то они намного позже переселились в этот принадлежащий тюркам край.

²³⁴ Шнирельман В.А. Арийцы или тюрки? – С. 204.

²³⁵ Шнирельман В. А. Там же.

Разумеется, В. А. Шнирельман в этом споре однозначно и открыто не осуждает такие действия пантюркистских историков-идеологов. Он, как настоящий исследователь, мог бы изложить свое видение о причинах таких дебатов, и более детально проанализировать мнения авторов, причастных к данной проблеме. Но по этическим соображениям, присущим настоящему мудрому исследователю, ученый в своих суждениях дает возможность читателю найти в этом клубке мнений свою правду. А правда – не на стороне пантюркистов. Это довольно ясно прослеживается в его определении места таджикских ученых в этой важной для них научной полемике.

«Таджики, – пишет В. А. Шнирельман, – с большим трудом добившиеся создания своей собственной республики в составе СССР, издавна чувствуют себя обделенными, ибо в ходе произведенного в 1920-х гг. в Туркестане национального размежевания самые густонаселенные и плодородные земли отошли к Узбекистану. В Узбекистане десятилетиями проводилась тюркизация таджиков, а то, что они считали своим историческим наследием, не столько замалчивалось или подвергалось гонениям, сколько присваивалось узбеками. Поэтому сегодня таджикские интеллектуалы возмущаются посягательствами узбеков на таджикские земли и таджикское культурное наследие»²³⁶.

То, что научная полемика всегда имеет место между учеными и это считается важным подспорьем в выявления истины, всем, кто в той или иной степени причастны ко всем направлениям науки, это ясно как

²³⁶ Шнирельман В. А. Арийцы или тюрки? – С. 207-208.

божий день. Но всякая историческая проблема должна решаться путем предъявления аргументированных фактов, а не насаждением удобных для одной стороны необоснованных мнений, которые стали традиционной для наших узбекских коллег формой ведения научных дискуссий. Это приобретает особую опасность, когда научные диспуты втягиваются в политическую плоскость.

Иначе как объяснить эти факты: в 2022 г. на саммите Организации тюркских государств принято решение объявить «Самарканд – Столицей тюркской цивилизации»; 3-4 июня 2022 г. в Бухаре состоялся IV Форум молодых лидеров Организации тюркских государств (ОТГ), на котором городу присвоен статус «Первой столицы молодежных инициатив тюркского мира». В честь этого был открыт «Парк молодежи тюркского мира» и монумент «Бухара – столица первых молодежных инициатив тюркского мира».

Горячее желание наших соседей, друзей выдать всемирно известных таджикских средневековых мыслителей и ученых различных направлений науки за своих ясно прослеживается не только в масштабе Средней Азии, но и в мировом масштабе. К примеру, во французском городе Рюэй-Мальмезоне (в 14 км от Парижа) в 2019 г. был открыт «Узбекский сад», где установлен памятник «узбекскому медику и философу ибн Сине». В ноябре 2022 г. в Париже в Национальной медицинской академии был установлен бюст с надписью: «Всемирно известный узбекский медик эпохи средневековья Абу Али ибн Сина».

В таком же духе, в столице Турции Анкаре соорудили памятник Ибн Сине с надписью: «Великий турецкий ученый Ибн Сина». Надпись на установленном в 2022 г. памятнике этому выдающемуся таджикскому ученому и мыслителю при медицинском факультете Университета Анкары, гласит: «Великий тюркский мыслитель ибн Сина». В то же самое время в Турции вышла монография под названием «Ибн Сина – великий турецкий ученый». Между тем доподлинно известно, что его отец был таджиком, и мать тоже была таджичка, по имени Ситора, а не Юлдуз по-узбекски.

Таких примеров в отношении других таджикских выдающихся исторических личностей, жизнедеятельность которых протекала вне современной территории Таджикистана, но в истинно таджикской городской культурной среде, всячески пытаются выдавать за представителей тюркского кочевого этноса, не мало. В связи с этим уместно привести следующие строки известного таджикского поэта Лоика Шерали:

*Мавлавиро турк мегӯянд,
Турк меноманд ҳам Зардуштро.
Бӯалиро турк медонанд...
Аз эшон аҷаб нест,
Ки Худоро низ рӯзе турк мехонанд...*

Мавлави²³⁷, говорят, был тюрком,

²³⁷ Мавлана Джалаладдин Балхи или Руми (1207-1273), всемирно известный таджикский мудрец, поэт и богослов, родившийся в Балхе (Вахш, совр. Таджикистан). В период вторжения монголов в Среднюю Азию, его отец, со всей семьей покинув Балх, обосновался в Турции (г. Конья). Там Джалалиддин Руми написал свою главную поэму – «Месневи» в 6 книгах, на таджикском языке.

*Заратустру называют тюрком.
Буали (Авиценну) считают тюрком,
Неудивительно, что однажды
И Бога они назовут тюрком.*

Разумеется, великих личностей нельзя представлять однозначно по узко-националистическим критериям. Они являются достоянием всего общества, но, как принято в науке, для получения более точной и обширной информации о них, по сложившиеся традиции, указывается их этническое происхождение.

КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ «ИСТОРИКА- МЕЧТАТЕЛЯ»

Не вдаваясь в подробный анализ множества других необдуманно изложенных небылиц, встречающихся в работах Камолиддина касательно истории таджикского народа, неохваченных в кругу наших суждений, считаем уместным привести лишь заключительную часть того националистического аккорда, изложенного им официально, которая предельно понятна без особых комментариев.

«Известно, – пишет автор, – что сегодня Турция является самым крупным, экономически развитым и политически влиятельным из всех государств тюркоязычного мира. Это – факт. Но мы не должны забывать и про исторические ценности. Развитие не стоит все время на одном месте. Никто не знает, каким будет завтрашний день. Может быть, и Туркестан в будущем возродится и, как прежде, станет великим и сильным государством. Сегодня для этого есть все возможности. Поэтому мы должны сейчас создать приемлемую всем почву для наших будущих взаимоотношений. Справедливое решение, вынесенное на основе подлинно исторических данных, никто и никогда не сможет отрицать. Если турки считают наш Туркестан «ота юрт», т. е. своей первоначальной родиной, они должны также признать и принять его исторический язык»²³⁸.

²³⁸Камолиддин Ш. С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. Учебник для студентов магистратуры по специальности 5А120304 – Историография, источниковедение и методы исторического

Далее он призывает как можно быстрее поставить барьер для других языков и открыть широкий простор для узбекского языка²³⁹. Несмотря на то, что острие этого призыва, согласно желанию автора, направлено на ликвидацию русского языка, но оно явно нацелено и на ликвидацию таджикского языка, который в советское время, несмотря на все ограничительные препоны, всё же функционировали в Узбекистане, в школах с таджикским языком обучения.

Этот «предсказатель истории» в качестве аргумента о возможности вероятного осуществления далеко идущих своих намерений о насаждении исторического приоритета Республики Узбекистан в среднеазиатском пространстве, пишет: «Другие этнические группы Средней Азии – туркмены, казахи, киргизы и каракалпаки вели, в основном, кочевой образ жизни. Из них только казахи имели свою государственность. Остальные народы, т. е. туркмены, киргизы, и каракалпаки, в XVI-XVIII вв. не имели своей политической власти и входили в состав узбекских ханств как часть местного населения. Поэтому на картах и глобусах того времени они упоминаются в качестве этнонима, указывающего места их проживания. Что касается таджиков, то они на исторических картах вообще не упоминаются... Следовательно, топонимы Usbeck, Usbeckia, Ozbegistan уже в XVI-XVIII вв. имели объединяющее этнокультурное и этнологическое значение, и включали в себя не только территории расселения этнических узбеков, которым принадлежала

исследования (страны Центральной Азии). – Ташкент, 2018 (на правах рукописи). – С. 119.

²³⁹ См.: Камолитдин Ш.С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 120-122.

политическая власть в регионе, но и оседло-земледельческих и городских тюрков, так называемых *сартов*, составлявших культурную основу этого объединения, а также примкнувших к ним кочевых племен Средней Азии и другие этнические группы, т. е. таджиков (в т. ч. иранцев), арабов, евреев и др. У всех этих этнических групп был общий литературный письменный язык – чагатайский. До начала XX в. этот язык выполнял для них также роль интердиалекта, т. е. языка межнационального общения. Таким же единым этнокультурным и этнополитическим объединением близкородственных народов является Узбекистан и в настоящее время»²⁴⁰.

Как видно, по мнению этого одержимого манией величия автора, с XVI века и до национально-территориального размежевания (1924 г.) никакие другие народности кроме узбеков не могли осознавать свое место в сложившейся политической реалии края. Советская власть окончательно нарушила процесс образования единого централизованного узбекского государства под названием Туркестан.

Камолиддин даже определил его общий для всех язык, который «добровольно» принимали все другие народы как «интердиалект»: для всех «этих этнических групп был общий литературный письменный язык – чагатайский».

Как видно, таджикский язык, как и другие языки, для этого «новооткрывателя истории» не существовал. Он не может, скорее язвительно не желает замечать, научное и

²⁴⁰ Камолиддин Ш. С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 135.

литературное наследие таких известных таджикских представителей науки и литературы, как ученый, видный представитель таджикских энциклопедистов – поэт, писатель, философ, астроном, незаурядный каллиграф, художник, педагог Ахмад Дониш (1827-1897); историк, поэт, литератор Мизо Азими Соми (1837-1909); писатель, путешественник, целитель Мирза Сираджи Хаким (1877-1914); поэт, педагог Сиддики (1865-1927), который был известен под псевдонимом Аджзи; поэт Тошходжа Асири (1864-1915); писатель, ученый, общественный деятель Абдурауф Фитрат (1884-1937); историк, писатель, литературовед, поэт, педагог Садриддин Айни (1878-1954) и десятки других.

Ш. Камолиддин и подобные ему псевдоисторики, как отмечено выше, выдают таджикских средневековых выдающихся личностей, снискавших широкую известность не только в Центральной Азии, но и далеко за её пределами, за своих сородичей. И это происходит тогда, когда, за очень редким исключением чагатайского языка, все их научные и художественные творения представлены либо на арабском (часть научных трудов), либо на таджикском (всё литературное наследие) языках, но вошли в историю соседних и дружественных нам республик, как свои. При этом главным показателем для них принято считать не родной язык и этническое происхождение, а место их появления на свет, т. е. территории, которые входят ныне в состав республик региона.

С их стороны далеко не принимаются в расчет таджики Восточной Бухары и владений Западного Памира, так же как и талантливые их представители – поэты Карим Девона, Имомиддини Хисори, Рози, Тамкин,

Азимкули Хисори из Гиссара, Кулфати, Давлат Шарифов из Кулябского бекства, Бахрини Дарвози, Муллоёри Ванчи, Мавзун, Мухлис, Махри, Мубораки Вахони, Шои Шугни, Фаррухшо, Кудрати Шугнони, Собири Андароби, Шохфуткр, Муллои Теми, Мирзо Кучак, Шогун, Одили Шугнони, Мулло Давлатшох, Мирзобиди Рушони, Шамшери Вахони, Гияси, Мирзо Сангмухаммад, Мирзо Андалеб, Ханджари, Ошик, Собит, Хусайн, Ориф и многие другие.

Только в одном отдаленном бекстве Бухарского эмирата – Дарвазе – насчитывались боле 30 известных поэтов, многие из которых имели свои диваны (объемистые сборники стихов). Они являлись продолжателями традиций средневековой таджикско-персидской поэзии. Но, по причине изолированности края оказавшись до конца XIX в. не в составе «узбекских» государственных образований (каковыми они считают Бухарский эмират и другие ханства Средней Азии), они не вошли в историю литературных достижений тюркского (узбекского) народа.

Этот список можно продолжить. Но в отличие от указанного автора, мы не можем не отметить заслуги таких узбекских писателей, поэтов и других деятелей культуры, как Закирджан Фуркат, Мухаммед Аминходжа Мирзаходжа (псевдоним Мукими), Хамза Хаким-заде Ниязи (этнический таджик), Завки и др. Этот так называемый историк должен был бы знать о великих творениях на таджикском языке. Если бы он имел знакомство с их наследием, он познал бы и ту истину, что фактически все немногочисленные узбекские писатели и поэты позднего средневековья и нового времени имели

тесную связь с ведущими школами вышеперечисленных таджикских литературных авторитетов Бухары и Хивы, а также Туркестанского генерал-губернаторства, либо были их учениками.

Мы уверены в одном: этот «великий знаток» истории Средней Азии и всего тюркского мира, если он действительно историк, наверняка знает, в всяком случае, он должен хотя бы интуитивно чувствовать определяющее место таджикских всемирно известных ученых и литературных гениев, которых вследствие превратностей, присущих периоду кровавых деяний тюрко-монгольских династических правителей, судьба разбросала по разным странам исламского мира.

Говоря об отсутствии официальных языков, присущих другим народностям региона в конце XIX – начале XX вв., Камолиддин даже не в состоянии заметить издание учебников для студентов медресе, средних и начальных школ на таджикском языке, или хотя бы, выход газеты «Бухорои шариф» на этом языке и т.п.

Общеизвестен факт, что таджикский язык до утверждения Советской власти по-прежнему сохранял свой перевес в качестве официального делопроизводственного, придворного языка в Бухарском и отчасти в Хивинском ханствах. Уместно лишь напомнить, что почти все официальные документы и переписка велись на таджикском языке. Последний бухарский эмир – Алимхан мог бы написать свои «Воспоминания»²⁴¹ и «Плачевную

²⁴¹ См.: Хотираҳои амир Олимхон (Воспоминания эмира Олимхана). С обстоятельным предисловием академика А. Мухтарова. – Душанбе: Адиб, 1992.

историю жителей Бухары»²⁴² на узбекском языке, но предпочел написать их на таджикском.

Несмотря на вышеупомянутый явный перевес таджикского литературного и делопроизводственного языка в Бухарском эмирате, Кокандском ханстве до его ликвидации (1876 г) и отчасти в Хиве, этот сочинитель пишет: «Исследование сведений источников (?) показывает, что до образования Таджикской республики отдельного “таджикского народа”, о котором писал Айни, действительно не было. Персоязычные жители Туркестана, в основном, были людьми персидского происхождения, в разные времена мигрировавшими из Ирана в Среднюю Азию, начиная с эпохи арабского завоевания вплоть до нач. XX века. Среди них было также много людей тюркского происхождения, перешедших на персидский язык, о чем свидетельствуют многочисленные этнографические (?) данные»²⁴³. Далее для углубления этого исторического «открытия» он в качестве «аргумента» приводит: «Представители одних и тех же племен и народов, проживавшие в разных ханствах, идентифицировали себя по-разному. Например, тюркоязычных иранцев, оказавшихся в Туркестане, так же как персоязычных, называли *эрони*. Таким же образом и узбеки до 1924 г. были как тюркоязычными, так и персоязычными (носители двух языков)».

Обвиняя «русских завоевателей» в ликвидации легитимной власти узбеков над всей Средней Азией, он в своей работе «Современные концепции в историко-

²⁴²См.: Сайид амир Олимхон. Таърихи хузну-л-милали Бухоро. – Душанбе: Паёми ошно, 2006.

²⁴³ Камолиддин Ш.С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 150.

графии истории Центральной Азии» пишет: «Как мы видим, причиной всех межнациональных конфликтов в Средней Азии были русские завоеватели, которые отобрали у узбеков их легитимную власть и сделали все, чтобы в один прекрасный день они не смогли ее восстановить. Сегодня все соседние республики имеют территориальные претензии к Узбекистану: казахи хотят Ташкент и Каракалпакстан, киргизы – всю Ферганскую долину, таджики – Самарканд и Бухару, а туркмены – Хорезм. Получается, что у узбеков нет своей земли. Между тем, во время национально-территориального размежевания 1924 г. больше всех потеряли узбеки, которые до русского завоевания на протяжении более 300 лет были политическими хозяевами всей Средней Азии... Другие этнические группы Средней Азии, туркмены, киргизы и каракалпаки, в XVI – XVIII вв. не имели своей политической власти, и, составляя часть населения региона, входили в состав узбекских ханств... В результате «национально-территориального размежевания» узбеки лишились многих своих земель, которые русские оккупанты роздали своим подопечным – казахам, киргизам и таджикам»²⁴⁴. Таким образом, он выдает себя, как выше отмечено, за идеолога и борца за объединение всех «потерянных» узбекских земель, т.е. всей Средней Азии.

Насколько нам известно, правительственные круги республик Средней Азии и Казахстана никогда официально не ставили данную проблему с целью её решения или «приобретения потерянного». Если кто-то из

²⁴⁴Камолиддин Ш.С., Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 151-152.

представителей научных кругов республик порою и поднимает этот вопрос, но не более чем на уровне словестного разговора или в качестве объекта научного исследования, то это не значит, что речь может идти о пересмотре итогов национально-территориального размежевания. Другое дело, что для истории и настоящего историка прошедшие события всегда становятся объектами пристального беспристрастного изучения.

Да, были допущены ошибки, которые при необходимом подходе к их изучению с позиции их обязательного решения, что еще хуже, могут стать поводом для разногласия и конфронтации в регионе. Те, кто хотя бы мало-мальски знаком с исторической реальией того периода, знают, что решение национального вопроса с позиции политического руководства того периода не могло быть осуществлено абсолютно безупречно. При том географическом раскладе ареала расселения этнических групп и народов в Средней Азии и Казахстане, а также Закавказье и других регионах бывшей Российской империи решить эту архисложную в то время национальную проблему с абсолютно верным учетом интересов всех народов фактически было невозможно. Также нельзя было оставлять без изменения территориально-административное деление бывших ханств региона, которые как отмечено выше, Камолиддин и его единомышленники, как и их предшественники, считают только узбекскими государственными образованиями.

Тут надо исходить из позиции закономерности исторического процесса. Как известно, средневековые государства, состоящие из конгломератов различных этнических народностей, если не считать отдельных

центробежных сил из числа представителей правящей династии, феодальных группировок или восстаний трудового населения против деспотических режимов, по сути, не знала решительной борьбы отдельного этноса за создание своей государственности. Но, по мере сложения национального самосознания, появляются признаки стремления к государственному самоопределению. Это значит, что влияние пантюркистской идеологии, которая уже фактически сложилась в Казани и в Крыму во второй половине XIX – начале XX вв., отчетливо прослеживалось в Бухарском и отчасти и Хивинском ханствах, и его нельзя считать случайным явлением. Там пантюркизм хотя и не так ярко заметно, но получил понятие панузбекизма, с прицелом создания могущественного государства Туркестан. На этой идейной основе и началось притеснение нетюркской, вернее, не узбекской части населения региона. Данная тенденция сохранилась и в первые годы Советской власти.

Таким образом, при еще не сформировавшемся национальном самосознании у других народов региона, в условиях их существования в составе ханств, состоящих, как отмечено выше, из конгломератов разных народов и племен, речь не могла идти о создании национальных государств. Между тем все больше усиливалось давление не только на таджиков, но и на киргизов, казахов, туркмен, каракалпаков со стороны узбеков, согласно определению Камолиддина – «настоящих владельцев» ханств региона.

Положение не могло измениться даже при создании государственного образования под названием «Туркестан», как об этом ныне мечтает указанный «предска-

затель». Решение проблемы по замыслу Камолиддина в ходе национально-территориального размежевания означало бы, что другие вышеперечисленные народы должны были оставаться (в лучшем случае в рамках области) в составе той узбекской державы под названием «Великий Туркестан», о которой ныне мечтает этот определитель исторической судьбы региона.

В пылу «всезнайства» (зазнайства) и далеко идущей аватюристической цели, Камолиддин готов любым путем добиваться поддержки своих единомышленников из числа ведущих и общепризнанных ученых-соотечественников. Так как среди них он не находит поддержки, то избрал свой испытанный метод: во что бы то ни стало их обвинить в отсутствии патриотизма, национальной гордости и тому подобные измышления. Это явно заметно в его нижеследующем назидательном изречении: “В период после обретения независимости учеными Узбекистана также были выдвинуты различные мнения по разным вопросам истории, в частности по вопросу о происхождении узбекского народа, в т. ч. научно необоснованные или недостаточно обоснованные и даже антинаучные”²⁴⁵. В этом плане он выносит свой вердикт таким известным ученым, как А. Ильхамов, Б. Бабаджанов, М. Хайруллаев, Д. А. Олимова, У. Насыров, А. Шукуров, А. Аскарлов, Э. В. Ртвеладзе, А. Саидов, как «некомпетентным или малокомпетентным» в своих научных сферах²⁴⁶.

²⁴⁵ Камолиддин Ш.С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 64.

²⁴⁶ См.: Камолиддин Ш.С. Там же. – С. 64-79.

Согласно его мнению, причина неадекватной оценки истории происхождения узбекского народа этими учеными кроется во влиянии зарубежных учреждений, выделяющих им научные гранты, хотя сам он, как отмечено выше, в этом плане никому не уступает пальму первенства. В каких только грехах он их ни обвиняет! К примеру, Б. Бабаджанова обвиняет в том, что тот “прошел “школу” марксистско-ленинской философии и оказался под властью грантов зарубежных спонсоров”²⁴⁷.

Камолиддин во всех грехах обвинит тех, кто не желает сотрудничать с ним. Повсюду ему мерещатся “научная мафия”, “отсутствие научной школы” в Узбекистане, что “у ученых чиновников и администраторов бывает множество “учеников”. Согласно его мнению, “в общественных науках есть такие ученые чиновники, которые “подготовили” 50-60 учеников. На самом деле из них только несколько являются их настоящими учениками... Вообще у нас, – указывает он, – часто вместо понятия «научная школа» больше подходит «научная мафия». В этом плане в качестве своей главной мишени он избрал бывших и настоящего директоров Института истории АН Узбекистана. Обвиняя во всех “грехах” бывшего директора (2000-2011 гг.) Института истории АН республики, доктора исторических наук, ведущего исследователя в области теории и методологии исторической науки Д. А. Алимову в профессиональной некомпетентности, пишет: “Например, возьмем одного из кандидатов на получение научного звания “академика” Д. Алимову. Оказывается, она “подготовила” 9 докторов наук. Но мы не можем сказать, что у нас в Узбекистане

²⁴⁷ Там же. – С. 66.

есть “научная школа Алимовой”... По моему мнению, здесь больше подходит определение “научная мафия Алимовой”. Потому что в ее “правление” в институте истории АН РУз в исторической науке Узбекистана образовалась именно такая ситуация”²⁴⁸.

Также, по его мнению, количество научных трудов у академиков Республики Узбекистан еще не является показателем их научной ценности. «По-этому, – рекомендует он, – решающими критериями при отборе кандидата на присуждение научного звания действительного члена АН РУз должны быть не его должность, количество учеников, количество опубликованных трудов и политические взгляды, а в первую очередь его научный потенциал, фундаментальность и научная значимость его трудов»²⁴⁹. Ясно одно: он настоятельно требует, что в качестве эталона учености должны признать только его, именно его!

Такие же “лестные” отзывы имеются в отношении всех выше перечисленных ученых Республики Узбекистан. По пафосу язвительных выражений автора нетрудно понять, что его авантюристические измышления не находят поддержки со стороны по-настоящему передовой когорты ученых братской республики, стоящих на позиции принципа историзма.

Уместно отметить, что когда речь идет о неблагоприятной позиции Хидоятова, Камолиддина и им подобных, мы далеки от мнения о том, что их влияние охватывает широкий круг исследователей дружественного Узбекистана. Известно, что еще до революции, особенно

²⁴⁸Камолиддин Ш. С. Там же. – С. 70.

²⁴⁹Камолиддин Ш. С. Там же. – С. 70-71.

в советский период, Ташкент считался одним из крупнейших центров востоковедческой науки. Формирование будущих специалистов республик Средней Азии в той или иной степени было связано с учеными Ташкента. Историки старшего поколения хорошо помнят таких известных в масштабе Советского Союза и за его пределами ученых, как М. Ю. Юлдашева (1904-1985), Т. Г. Абаеву (род. 1927), М. А. Абдураимова (1916-1975), А. Х. Бабаходжаева (1904-1975), М. Абдусаматова (1928-2008), С. А. Азимджанову (1922-2001), У. И. Каримова (1920-1997), Р. Н. Набиева (1912-1985), Б. А. Ахмедова (1924-2002), Ш. М. Шамухаммедова (1921-2007), А. У. Урунбаева (рожд. 1929) и др., которые неукоснительно придерживались принципа историзма и доброжелательно относились к соискателям из других республик региона.

Разумеется, потологическая озлобленность, присущая отдельным на кого-то обиженным людям, встречается в обществе, но крайне редко появляются люди, заразившиеся вирусом, именуемым манией величия. Такая болезнь появляется хотя сравнительно редко, но дает о себе знать. Зараженные ею, как правило, хотят вокруг видеть не только своих подражателей и единомышленников, но и навязать свои околонуточные фантазии, в том числе по истории, ведущим ученым, причем, оценивая их действительно научные заслуги или открытия в неуклюже-примитивной форме, как “ненаучные”, при этом считая свое мнение единственно “научной и верной” интерпретацией исторических событий.

Можно смотреть на это несколько снисходительно, как на признак бестактности, присущий отдельным

людям. Но особо удивляет другое. С какой целью, скажем, Камолиддин выдает свое ничем не обоснованное видение за современную концепцию в историографии Средней Азии? Кто уполномочил его “разработать” национальные концепции истории России, Украины и “Национальные концепции в области истории в государствах Средней Азии”²⁵⁰? При этом – с националистическим и узкоэгоистическим уклоном, и, самое главное, с далеко идущим прицелом – предложить свои взгляды в качестве учебника для исторических магистрантов вузов республики, которые еще научно не окрепли и легко могут поддаваться подобным националистическим авантюрам.

Он порою пытается выдавать эти неуклюжие свои “идеи” за якобы месть таджикским ученым Б. Гафурову, Р. Масову, Н. Негматову, которые на сугубо научной основе поддерживали мнения других известных востоковедов касательно истории таджикского народа как древнего обитателя Средней Азии. Из содержания их работ явствует, что они дают лишь констанцию фактов о реалии древней и средневековой истории таджикского народа. Описывая события, они исходят из достоверного анализа происходивших событий, и в отличие от Камолиддина они никогда не ставили вопрос о пересмотре сложившихся на сегодняшний день границ республик региона, и сейчас, и в будущем.

Академик Б. Гафуров, основываясь на антропологических показателях, писал: “У кочевых узбекских племен расовый тип иногда более монголоидный, чем у

²⁵⁰См.: Камолиддин Ш. С. Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. – С. 20-64.

оседлых узбеков, в качестве примера можно привести локайцев. Вместе с тем узбеки-карлуки полностью утратили сколько-нибудь яркие монголоидные черты, “растворились” в массе местного населения и ничем не отличаются от таджиков... Итак, антропологический материал показывает, что основным ядром узбекского народа явилось местное среднеазиатское европейское население, которое было в некоторой степени монголизировано в результате смешения с пришлыми носителями южносибирского расового типа”²⁵¹. Углубляя свое видение относительно истории таджиков и узбеков, Б. Гафуров пишет: “Итак, хотя таджикский и узбекский народы оформились в разное время, причем языки этих народов принадлежат к различным лингвистическим группам, основной этно-антропологический субстрат обоих народов – общий. Исторические судьбы этих народов и их культур оказались теснейшим образом переплетены”²⁵². Где увидел или заметил лжеисторик Камолиддин в этих научно обоснованных, даже, на наш взгляд, чрезмерно уважительных строках касательно этногенеза узбеков, этого общепризнанного в регионе и вне его пределов, антиузбекские настроения таджикского ученого?

Так же точно и Р. Масов, ясно осознавая нашу совместную с узбекским народом историческую судьбу, пишет: “Считая себя древнейшим, коренным народом Средней Азии, необходимо и нам, таджикам, примириться с отдельными периодами прошлой и близкой

²⁵¹ Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 548.

²⁵² Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая древняя и средневековая история. – С. 549.

нашей истории, когда мы оказались в значительном численном меньшинстве, когда мы потеряли былую нашу славу, когда мы во многом, прежде всего экономически, отстали от наших соседей... С этим сложившимся сегодняшним положением следует нам также согласиться и его признать. Особенно в этот, труднейший период (после распада СССР и усиления политической нестабильности – Х.П.) совместной истории не следует омрачать наши отношения с тюркскими соседями. Мы должны неукоснительно соблюдать закон мира и согласия между нашими народами, нашими государствами... Не лучше ли создать равные права как для своего, так и для других народов, в том числе таджиков, которые не являются чужеземными пришельцами, но живут на принадлежащей им по праву священной родной земле”²⁵³.
Надеемся, что чуткий осведомленный читатель ясно может уловить разницу между амбициозными заявлениями Камолиддина и мнениями таджикских ученых.

²⁵³ Масов Р. Таджики: история под грифом «совершенно секретно». – Душанбе: Пайванд, 1995. – С. 133-134.

ВЕРНЫЙ ВЫБОР: БРАТСКАЯ ДРУЖБА НА БЛАГО ПРОЦВЕТАНИЯ РЕГИОНА

Очень долгий и трагический исторический путь пришлось преодолеть разным племенам и народам, проживающим на этом обширном пространстве, называемом Центральная Азия, и в более ограниченном географическом понятии – Средняя Азия. Каждое из кочевых племен в том или ином периоде, по той или иной причине оказавшись в этом регионе и войдя в атмосферу оседлой земледельческой культуры, наряду с местными аборигенами разделяло все радости и горести, выпадавшие на их долю в соответствии с историческими реалиями дофеодального и феодального общества. Сменившие Сасанидскую эпоху (224-651) арабские завоеватели, несмотря на все свои усилия, не могли удержать население Мавераннахра и Хорасана в полном повиновении. На почве освободительной борьбы против них возникла необходимость консолидации политической элиты периодов правления Тахиридов (821-873) и Саффаридов (873-899) в борьбе за утверждение местного языка и исторически сложившихся традиций государственного управления, присущих оседлому населению.

В дальнейшем на этой основе сложилось мощное таджикское государство Саманидов (875-999), против которого ополчились ныне вышеупомянутые сочинители истории из соседней дружественной республики. Доводим до сведения этих «знатоков» истории, которые пытаются взять под сомнение высокое искусство госу-

дарственного управления таджиков, что в последующем, после падения государства Саманидов, известны такие таджикские государства, как Гуридское (1147-1215), государства Гератских Куртов (1245-1381) и Хорасанских Сарбедаров (1336-1381).

Всем известны трагические исторические перипетии периода феодальной раздробленности: монгольское нашествие, сменявшие друг друга в результате ожесточенных войн, междоусобиц и переворотов представители монголо-тюркских династических управлений, втянувшие как оседлое, так и кочевое население края в водоворот трагических событий. Но всё это не могло препятствовать созидательной энергии населения края. Независимо от этнических различий, все пласты местного населения приложили усилия к материальному и духовному развитию государств региона.

До завоевания и присоединения Средней Азии к России и в годы колониального периода в ханствах региона, состоящих из конгломерата различных племён и народов, а также в Туркестанском генерал-губернаторстве, как непосредственном субъекте Российской империи, отсутствовало понятие национального государства. Лишь после Октябрьской революции каждый народ из тех, обладавших раньше государственностью, или в прошлом находившихся в рамках союза племен, стали собственниками государства. В ходе осуществления данного судьбоносного процесса происходило новое возрождение таджикской государственности.

Таким образом, благодаря Октябрьской революции и национально-территориальному размежеванию на территории бывшей колониальной России, хотя и в рамках

великого Советского Союза, образовались новые республики, обладающие показателями национальной государственности.

Конечно, несправедливость такого разделения существовала, в особенности в отношении таджикского населения края, и её нельзя отрицать. Но нельзя игнорировать и судьбоносное явление для народов всего Советского Союза, в том числе и республик Средней Азии. Именно оно заложило надежный фундамент национального развития народов региона.

Естественно, что каждая республика в Средней Азии является не только государством народа, названным по его этнониму, но и считается родиной всех живущих там поколениями, вне зависимости от национальности и этнического происхождения. Таджикистан и Узбекистан в этом плане не могут быть исключением. Многовековая дружба, перераставшая в близкое родство между этими двумя народами, до того сплотила их, что понятие отчуждения не может вмещаться в чьём-либо сознании. Это историческое достижение всегда должно быть крепким и прочным.

Несмотря на то, что в первые годы Советской власти влияние пантюркизма нарушило эти отношения в Узбекистане, а некоторые из вновь появившихся историков проявляют желание на почве националистического уклона посеять семена отчужденности, им следует осознать ту истину, что они не могут поколебать многовековые братские отношения между таджиками и узбеками. Именно на почве этой сложившейся веками традиции, дружба между двумя государствами региона –

Таджикистаном и Узбекистаном всегда должна быть прочной и служить на благо процветания обеих стран.

Принимая во внимание эту реальность, высшие руководители обоих государств – Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон и Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев, разрушили преграду взаимного недоверия, существовавшую, к сожалению, между нашими двумя братскими народами на протяжении последних двух десятилетий.

В своей речи на «Вечере дружбы», посвященном государственному визиту Президента Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёева в Таджикистан 9 марта 2018 г., наш Лидер, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, с братской искренностью ссылаясь на многовековую традиционную дружбу между нашими народами, в частности, сказал: «Многогранные связи таджиков и узбеков опираются на опыт и сложившиеся в ходе исторического процесса давние взаимоотношения.

Общие обычаи, обряды, верование, образ жизни и даже стиль национальной одежды и особенности народного искусства, которые формировались столетиями, естественным образом сблизили наши народы...

Наши народы, невзирая на многие сложности и повороты истории, всегда стремились защитить добрые традиции дружбы и братства и сохранили до наших дней лучшие из них.

Действительно, таджики и узбеки всегда стремились к укреплению дружественных и братских уз, доказали свою преданность этим ценностям. Ярким примером сказанного являются дружеские и братские отношения между Мавлоно Абдурахманом Джамии и Мир Алишером

Навои». Далее приведя примеры, показывающие искренние дружеские отношения между таджикскими и узбекскими учеными и деятелями культуры в тот или иной период нашей истории, считает необходимым продолжить впредь эту традицию.

«Наша жизненно важная задача, – подчеркивает наш Лидер нации, – как политиков и руководителей, заключается в том, чтобы уделять постоянное внимание их потребностям в деле сохранения наследия предков и создания благоприятных условий для расширения сети учебных заведений, свободного развития таджикского и узбекского языков, их изучения и применения... Именно поэтому мы сегодня по обоюдной инициативе устранили все появившиеся в течение десятилетий барьеры»²⁵⁴.

То же самое высочайшее чувство дружбы наш Лидер продемонстрировал в ходе своего государственного визита в эту соседнюю страну, который состоялся по приглашению Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева 17-18 августа 2018 года. Выступая на «Вечере дружбы» 17 августа, Президент Республики Таджикистан с особой искренностью говорил об исторической дружбе между двумя братскими народами, особо отметив, что «наши народы на протяжении многих веков жили бок о бок с одной древней культурой и одними нравами в атмосфере мира, дружбы, искренности и братства.

Таджики и узбеки – два народа, моральные ценности, нравы, обычаи и праздники которых очень похожи друг на друга.

²⁵⁴ Речь Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на «Вечере дружбы», посвященном государственному визиту Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева в Таджикистан // Народная газета. – 2018. – 14 марта. – № 11 (20137).

Более того, тысячи семей, проживающих в наших странах, являются свидетелями таджикско-узбекских родственных связей.

Наши благородные предки создали уникальное культурное и научное наследие и оставили его нам.

Это наследие наших предков является великим духовным капиталом, который позволяет нам жить и работать сегодня и в будущем в атмосфере искренней дружбы и братства...

В таких условиях мы должны удвоить наши усилия по развитию и укреплению конструктивных ценностей наших добрососедских отношений»²⁵⁵.

Такая же искренность в отношениях дружбы узбекского и таджикского народов прозвучала и из уст Президента Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёева в ходе его официального визита в Таджикистан. В частности, обращаясь к собравшимся, он сказал: «Дорогие друзья, где в мире можно найти такую близость, такое родство культур, обычаев и традиций двух народов, которые на протяжении тысячелетий были частью друг друга. Естественно, всё это накладывает на нас серьезную ответственность. Мы должны построить на этой дороге новые соединительные мосты и восстановить широкую дорогу без препятствий для наших детей и внуков».

То же самое в ходе приёма по случаю визита высокого гостя – Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в Узбекистан, Ш. Мирзиёев, обращаясь к истории этих двух народов, подчёркивал: «Узбекский и таджикский народы сближают историческая

²⁵⁵ Рахмон Э. Пить воду из одного источника для таджиков и узбеков – веление судьбы // Садои мардум. – 2018. – 21 августа. – № 102 (3896). – С. 2.

общность, многовековая совместная культура и духовность. Традиции, нравы, обычаи, вероисповедание и другие стороны жизни так сходны, что их невозможно разделить»²⁵⁶.

Как видим, руководители этих двух дружественных республик, опираясь на достоверные факты, указывают на сложившиеся веками узы дружбы, культурных традиций, родственных связей между таджиками и узбеками, рекомендуют продолжение этого важного исторического достижения на официальном уровне.

Сказанное главами государств Таджикистана и Узбекистана исходит из глубины настоящей дружественной их искренности. Оно отражает братские взаимоотношения таджиков и узбеков, которые сложились на протяжении многовековой нашей совместной истории. Конечно, можно привести сотни примеров о выражении благодарности жителей обеих республик, которых связывают дружественные и родственные узы. В этом плане уместно сослаться на слова известного таджикского литературоведа Абдурахмана Абдуманнонова. «Я думаю, – пишет он, – что, с точки зрения обычаев, обрядов, образа жизни, соблюдения семейнородственных ценностей, нравов и этики в делах и общении, в горе, печали и радости, узбеки очень близки к нам. Это родство и сходство таджиков и узбеков сложилось не в течение одного-двух столетий, а достигнуто в течение многих веков сосуществования и постоянного общения во всех

²⁵⁶ Чумхурият. – 16 августа с. 2018. – № 162 (23505).

сферах производственной, общественной, бытовой и культурной жизни»²⁵⁷.

Поэтому таким создателям исторических небылиц, как камолиддины, должно быть известно, что история знает множество примеров наших братских отношений и совместных усилий по улучшению экономических и культурных показателей в регионе. Если оставить в стороне политические интриги и стремление к власти, приводившие иногда к кровавым конфликтам между разными племенами или даже относящимися к одной этнической общности, среди простых людей, создателей материальных благ, независимо от того, оседлые они или кочевые, сельские или городские, вражды не наблюдались. Это доказано сотнями свидетельств тесных исторических и культурных связей между таджиками и узбеками.

Таджикские ученые никогда не позволяли себе относиться предвзято к истории наших соседей, которые согласно историческим реалиям в том или ином периоде оказывались в нашем общем пространстве, получившем известность как Средняя Азия, и в отличие от вышеупомянутых пасквильных сочинителей истории всегда уважительно относятся к истории народов наших соседних республик.

Несмотря на все это, как видно, всё же злой умысел на примере таких псевдоисториков типа Хидоятова, Камолиддина, Ильхамова и им подобных искателей «доводов» для фальсификации совместной истории этих

²⁵⁷ Абдуманнонов А. Қаробати тоҷикону ўзбекҳо дар натиҷаи ҳамтақдирии ин ду халқ ташаққул ёфтааст [Родство таджиков и узбеков сложилось в результате общности судеб этих двух народов] // Чумхурият. – 26 октябри с. 2016. – № 213 (23035). – С. 2.

двух братских народов, по-прежнему действуют нагло, даёт о себе знать. Они отрицают непререкаемую истину о том, что первоизданным населением Средней Азии являлись таджикские предки. Именно таджикам было суждено оказаться у истоков региональной цивилизации, древних государственных образований, в частности, государства Саманидов. Они всячески стремятся присвоить себе и ту общепризнанную истину, что таджики дали миру великих ученых различных направлений науки и шедевры литературного творчества. Но эти неблагоприятные их действия никоим образом не могут принести им успеха и признания.

Всегда, в любых обстоятельствах, настоящий историк должен исходить из требований одного критерия: недопущения неверного поступка в изучении древнего и недалекого прошлого народов республик региона. Настоящий исследователь всегда должен исходить из позиций беспрекословного соблюдения принципа историзма.

В этом плане единственно верный путь является то, что исследователи должны исходить из контекста той объективной оценки, которую дают наши руководители сложившейся веками дружбе наших народов, совместному участию таджикского и узбекского народов в создании исторических ценностей, в развитии национальной культуры обеих братских республик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Яркий след таджикского народа в истории Центральной Азии – отнюдь не новое явление в региональной и мировой историографии. Оно давно привлекало внимание западноевропейских, русских, советских и современных востоковедов. Судя по общему содержанию работ исследователей, таджики, как древнейшие аборигены края, занимали особое место в древней и средневековой истории Центральной Азии.

Но, несмотря на, казалось бы, абсолютный перевес мнений ведущих востоковедов мирового масштаба о сравнительно ярком следе таджиков в региональной истории, всё же некоторые недоброжелательные историки из соседней дружественной Республики Узбекистан ополчились против признания таджиков как древнейшего автохтонного населения Центральной Азии, выдавая их за «чуже родных пришельцев». Это еще несколько раньше, в советское время, наблюдалось в отношении известного фундаментального исследования академика Б. Гафурова «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история». Их раздражало уже само название книги – «Таджики», обстоятельный анализ в ней древнейшей и древней истории таджикского народа, процесса его формирования и создания могущественного централизованного государства Саманидов.

Ревнивое отношение к истории таджикского народа, в его наиболее ярко осуждающей форме, проявлялось после принятия руководством нашей республики решения о

проведении юбилейных торжеств по поводу 1100-летия государства Саманидов в 1999 г. В качестве инициатора «антисаманидской» кампании выступил профессор Г. Хидояттов.

Этот ярый «защитник» национальных интересов своей республики в своей работе «Крушение Саманидов» выразил недовольство по поводу проведения торжеств, посвященных этой важной вехе истории таджикского народа. При этом он всячески пытался поставить под сомнение причастность династии Саманидов к таджикам, и на этом фоне «обосновать» тюркское происхождение исторических корней основателя этой династии. Приведя множества необоснованных примеров, этот явный сочинитель небылиц высказал мнение о том, что «только тюрки» в древности составляли население Центральной Азии.

Что касается государства Саманидов, то в качестве аргумента для обоснования своего тенденциозного толкования о принадлежности его к узбекам, Хидояттов указывает, что бывшая столица государства Саманидов – Бухара ныне находится на территории Узбекистана; именно поэтому, по его мнению, изучение истории государства Саманидов, как его органической части, является «важнейшей задачей в осознании узбекским народом своего великого прошлого». При этом он вовсе отрицает причастности таджиков к государству Саманидов, по той «причине», что согласно его бредовому мнению, «таджиков в то время не было на исторической арене».

Как бы углубляя свою абсолютно предвзятую антинаучную теорию в отношении «исторической непричастности» таджиков к истории региона, Хидояттов, не

скрывая своей злобы, утверждал, что якобы таджики «не играли самостоятельной роли в исторических процессах на территории Центральной Азии... Сам термин «таджик», имевший этнический смысл, появляется в литературе лишь вначале XIX в.». Всё это следует оценить как чрезмерно злобное и недоброжелательное отношение автора к славной истории таджикского народа. Ему очень хотелось сочинить историю Средней Азии без таджиков и всецело во власти тюрков.

Среди фальсификаторов истории таджикского народа также особо выделяется Ш. Камолиддин, представляющийся в качестве «великого ученого». Он в своих бредовых нападках на славный созидательный след таджикского народа в истории Центральной Азии, далеко оставил позади своего соотечественника Хидоятова и других своих единомышленников в искажении фактов и неверной интерпретации имеющихся источников.

Особую «творческую активность» Камолиддин проявляет в отрицании давно известного в мировой историографии мнения о том, что таджики, как исконные аборигены Центрально-Азиатского пространства, стояли у истоков древней и средневековой региональной цивилизации, как основатели государственных образований, градостроители, создатели материальных и духовных культур.

Вопреки мнениям авторитетных востоковедов мирового масштаба, как бы демонстрируя свою высокую познавательную-историческую «эрудицию», Камолиддин упрямо пытается «доказать» Среднюю Азию первобытным обиталищем только лишь тюрков. Исходя из этого намерения, он указывает, что предки всех ираноязычных

народов были пришельцами, и это пространство являлось обиталищем далеких предков тюркоязычного населения Центральной Азии.

Особое место в его «творчестве» занимает «анализ» генеалогии Саманидов. В этом направлении он пытается обрисовать картину сложившихся в начале средневековья отношений между Сасанидами и тюрками, и на этом фоне «определить» тюркские генеалогические корни Бахрама Чубина и его наследника Саман-худата. Главной задачей в этой его затее являлось «доказать» тюркское происхождение Саманидов. Он проявляет неуклюжую попытку считать тюрков основателями Бухары. Для этого в качестве «аргумента» приводит якобы «тюркскую» этимологию слова «Бухара».

Этот далекий от общепринятых этических норм, присущих не только ученым, но и всем трезво-мыслящим людям, выдавая себя за выдающегося исследователя истории всех времен Центральной Азии, свое «главное научное открытие» видит в принадлежности данного пространства с глубокой древности до начала XX в. тюркам. Именно они являются творцами всех исторических ценностей, они стояли у истоков древней и средневековой цивилизации, всех государственных образований, были создателями материальных и духовных культур.

Долгое время остававшиеся без внимания со стороны таджикских и иранских исследователей его смехотворные, ничем необоснованные писанины он выдаёт за свои «научные открытия» и «триумфальную победу» над теми историками, которые, до него, «ошибочно» признали ведущую роль таджиков в истории региона. По его скороспелому мнению, не вступление в полемику с ним и

отсутствие отрицательных отзывов исходит либо из отсутствия аргументов для возражения, либо из того, что как таджикские, так и иранские историки остерегаются выступать против такого «всезнающего гиганта от науки», каким является он, Камолиддин. Он даже не в состоянии хотя бы на уровне интуитивного мышления понять, что настоящие ученые не вступают в спор с теми, которые свое нелепое и вздорное мнение выдают за науку. Это они считают ниже своего достоинства.

В таких случаях, как правило, возникает вопрос, с какой целью Камолиддин и ему подобные около-научные искатели осмеливаются выступать против фактически давно решенной научной проблемы касательно созидательной роли таджикского народа во всех этапах древней и средневековой истории Центральной Азии. Ответ следует искать в самом содержании их «научных творений». Хотя судя по признанию указанного автора, все озлобленно-негативное мнения касательно истории таджикского народа он выдает якобы в отместку таджикским исследователям, которые вслед за известными востоковедами на основе вновь обнаруженных источников объективно освещали многовековую историю региона, в которой на передний план выходит ярко заметная роль таджикского народа. Вместе с тем, в отличие от указанных псевдоисториков, ревниво относящихся к истории таджикского народа, они освещают роль тюркских народов, в особенности узбеков, которые наряду с таджиками оставили яркий след в средневековой истории Средней Азии.

Вместо того чтобы на сугубо объективной основе показать совместную таджикско-узбекскую созидатель-

ную историю, Камолиддин вовсе игнорирует таджиков не только как древнейших аборигенов региона, но и как общепризнанного в науке важнейшего этнического субъекта в истории региона. Это идет вразрез не только с обоснованными мнениями ведущих востоковедов, но с разумным историческим мышлением.

В этом плане уместна и краткая констатация конечной цели этого дальнейшего «определителя судеб» республик и народов Средней Азии. Камолиддин не скрывает надежду на «возрождение великого и сильного Туркестана» и создание почвы для приемлемого решения будущих взаимоотношений на основе «подлинно» исторических (только для него одного) данных. Согласно его призыву: «Если турки считают наш Туркестан «ота юрт», т. е. своей первоначальной родиной, они должны также признать и принять его исторический язык». В этом плане автор, по всей вероятности, имеет ввиду узбекский язык для всех тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана.

Сравнительный анализ работ Хидоятова и Камолиддина с трудами некоторых других исследователей Республики Узбекистан, также склонных к абсолютизации места тюрков (вернее, узбекского народа) в истории Центральной Азии, показывает, что если последние и признают согдийцев, бактрийцев, маргианцев, хорезмийцев, парфян и различные племена саков, как древнеиранские этнические группы, то Хидоятов и Камолиддин упорно настаивают на том чтобы считать их тюркскими. Согласно их мнению, исторически Средняя Азия принадлежит только тюркам. А таджиков они включили в

разряд пришельцев в регион в более поздний исторический период.

Согласно мнению Камолиддина, с XVI века до национально-территориального размежевания (1924 г.) никакие другие народности кроме узбеков не могли осознавать свое место в сложившейся политической реалии края. По итогам национального разделения больше всех потеряли узбеки, которые до русского завоевания на протяжении более 300 лет были политическими хозяевами всей Средней Азии. Всё это приводит к мнению о том, что он выдает себя за идеолога и борца за объединение всех «потерянных» узбекских земель и создание единого централизованного узбекского государства под названием Туркестан.

Разумеется, несправедливость такого разделения существовала, в особенности в отношении таджикского населения края, и ее нельзя отрицать. Но нельзя игнорировать его как судьбоносное явление для народов всего Советского Союза, в том числе и республик Средней Азии. Именно оно заложило надежный фундамент национального суверенитета народов региона.

Нужно исходить из того факта, что в мире нет государства, состоящего только из одного народа или нации (моногосударства). Каждая республика в Средней Азии является не только государством народа, названного по имени титульной нации, но и считается родиной всех живущих в ней народов, вне зависимости от национальности и этнического происхождения. Таджикистан и Узбекистан в этом плане не могут быть исключением. В этом следует брать во внимания такую реальность, что многовековая дружба, перераставшая в близкое родство

между этими двумя народами, до того сплотила их, что понятие отчуждения не может вмещаться в чьём-либо сознании. Это наше историческое достояние, и мы призваны беречь его как зеницу ока.

Именно исходя из этого, руководители двух дружественных республик, опираясь на достоверные факты, указывая на сложившуюся веками дружбу и близость культурных традиций, родственных связей между таджиками и узбеками, настоятельно рекомендуют сохранять и продолжать это важное историческое достижение.

Но, несмотря на это, всё же наблюдаются необоснованные злобные выпады со стороны Камолиддина и ему подобных очернителей славной истории таджикского народа. Примером тому является новая (в апреле 2023 г.) презентация книги Камолиддина «Саманиды: из истории государственности Узбекистана в IX-X вв.», где автор представил «12 тезисов», в которых по своему неразумному разумению пытался «обосновать» тюркское происхождение основателей государства Саманидов, что является главным показателем признания его как тюркского государства. Но подобные истерические вопли, естественно, ничего не меняют в аргументированном незыблемом мнении ведущих востоковедов, прочно вошедшем в мировую историографию, о том, что государство Саманидов во всех отношениях является величественным творением таджикского народа.

Естественно, в таких случаях, когда подобные авантюристы от истории разными небылицами пытаются омрачить наши добрососедские отношения и веками сложившиеся родственные связи, какие могут быть пред-

приняты эффективные шаги для пресечения их поползновений?

На наш взгляд, для этого необходимо следующее:

1). Хотя проблемы, которые поднимали, и будут поднимать, ученые с обеих сторон касательно истории таджикского, узбекского, да и других народов Центральной Азии, в известной мере давно стали объектами изучения не одного поколения ученых, но сама традиция бесконечного научного процесса волей-неволей приводит к необходимости продолжения исследований по различным направлениям истории региона. Это требует поиска новых источников, как материальных (археологических), так и письменных. Но во всех случаях нельзя опускаться до уровня примитивных суждений, исходя из неверного толкования фактов в рамках узконационалистических интересов, что наблюдается в работах вышеуказанных узбекских авторов.

2. Во главу угла следует поставить уважительное отношение к мнению коллег из других республик региона.

3. Важно исходить из научных и политических убеждений высшего руководства республик, оценивающего наши отношения как исторически дружественные и братские.

4. Все научные проблемы нужно решать не изолированно, а на совместных, с приглашением зарубежных специалистов, конференциях и симпозиумах.

5. Не следует допускать таких выпадов против священной истории наших предков ради получения денежных вознаграждений или грантов со стороны зарубежных учреждений и лиц, которые заинтересованы в

дестабилизации политического и экономического положения в регионе на почве авантюристически неверных толкований нашей истории, каковыми являются лженаучные «исследования» выше приведенных авторов.

Город Душанбе, 25 июля 2023 г.

ХАЙДАРШО ПИРУМШО

ВОПРЕКИ ПРИНЦИПУ ИСТОРИЗМА: КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

Верстка:

Тӯрахӯҷаи Тохирзода

Технический редактор:

Толибхӯҷаи Тохирзода

Сдано в типографию 20. 08. 2023 г. Подписано в печать 01. 09. 2023 г.

Формат 60x84. Офсетная печать. Печатный лист 13.

Тираж 200 экземпляров. Заказ №72

Отпечатано в типографии ООО «Ганчи хирад»
734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 21. Тел: 227-71-01

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ISBN 978-99985-871-0-6

